

916 б

8485
III

АДИНЪ БАЛУ.

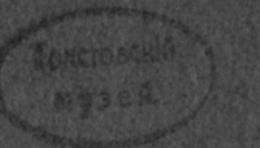
УЧЕНИЕ О ХРИСТИАНСКОМЪ
НЕПРОТИВЛЕНИИ
ЗЛУ НАСИЛИЕМЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Съ предисловіемъ И. Горбунова-Посадова.

Издание „ПОСРЕДНИКА“.

№ 697.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Ко. Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1908.

Издание „ПОСРЕДНИКА“.

„КРУГЪ ЧТЕНИЯ“.

Избранные, собранные и расположенные на каждый день
Львомъ Толстымъ

мысли, статьи и рассказы многихъ писателей объ истинѣ,
жизни и поведеніи.

„Кругъ чтенія“ заключаетъ въ себѣ: 1) избранныя мысли и статьи замѣчательныхъ мыслителей, писателей и поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ и, между прочимъ, многіе новые афоризмы Л. Н. Толстого; 2) 52 недѣльныхъ чтенія, содержащихъ въ себѣ рассказы и статьи русскихъ и иностранныхъ беллетристовъ и мыслителей, въ томъ числѣ рядъ новыхъ рассказовъ и статей Л. Н. Толстого.

Изъ предисловія Л. Н. Толстою: „Цѣль моей книги состоять въ томъ, чтобы, воспользовавшись великими, плодотворными мыслями разныхъ писателей, дать большому числу читателей ежедневный кругъ чтенія, возбуждающаго лучшія мысли и чувства. Я желалъ бы, чтобы читатели испытывали при чтеніи этой книги то же благотворное, возвышающее чувство, которое я испыталъ при ея составленіи и теперь продолжаю испытывать при ея перечитыванії“.

Содержаніе „Круга чтенія“ охватываетъ слѣдующія рубрики: Безсмертіе, Болѣзнь, Божественная природа души, Богъ, Благо, Вѣра, Воспитаніе, Вегетаріанство, Война, Воздержаніе, Возмездіе, Внущеніе, Время, Гордость, Доброта, Дѣла, Духъ, Добро, Дѣти, Достоинство человѣка, Единеніе, Женщина, Знаніе, Зло, Законъ, Заблужденіе, Истина, Искусство, Идеаль, Любовь, Лжеученіе, Милосердіе, Молитва, Мужество, Мудрость, Наказаніе, Насиліе, Наука, Осужденіе, Одурманиваніе, Просвѣщеніе, Простота, Приближеніе парствія Божія, Покаяніе, Прогрессъ, Разумъ, Ростъ, Радость, Смиреніе, Слово, Служеніе, Самосовершенствованіе, Смерть, Сила мысли, Страсти, Самоотреченіе, Сліяніе своей воли съ волей Бога, Справедливость, Соблазны, Страданіе, Свобода, Совѣсть, Смыслъ жизни, Спокойствіе, Трудъ, Тайна, Тщеславіе, Устройство жизни, Усиліе и проч.

„Кругъ чтенія“ состоитъ изъ двухъ томовъ, по полугодію въ каждомъ. Въ обоихъ томахъ около 1,200 страницъ. Цѣна каждого тома 1 р. 60 к., оба тома 3 р. 20 к. (безъ пересылки).

1016

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга посвящена одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ общественной и личной жизни человѣка,—вопросу объ уничтоженіи основной причины порабощенія человѣчества, объ уничтоженіи власти насилия надъ міромъ.

Авторъ этой книги и книга его,—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ книгъ въ этомъ направленіи,—долго оставались совершенно неизвѣстными не только у насъ въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Даже на родинѣ Балу, въ Соединенныхъ Штатахъ, только самый ограниченный кругъ людей, занятыхъ гуманитарными вопросами, имѣеть понятіе о личности и дѣятельности Балу. Между тѣмъ, это былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся, самыхъ благороднѣйшихъ и гуманнѣйшихъ дѣятелей Сѣверной Америки, имя которого должно было бы съ любовью повторяться каждымъ американцемъ.

Имена великихъ насильниковъ—Наполеоновъ, Цезарей, Аттилъ, Бисмарковъ, Мольтке, Куроки,—извѣстны каждому гимназисту. Имена же и сочиненія такихъ борцовъ за освобожденіе человѣчества отъ насилия, какъ Гаррисонъ, Хельчицкій, Балу,—до сихъ поръ были совершенно невѣдомы у насъ и остались бы такими на всегда, если бы, сравнительно недавно, ихъ не извлекло изъ тьмы неизвѣстности: могучее перо Льва Толстого, навѣки запечатлѣвшее ихъ въ памяти всѣхъ, кто читалъ его произведеніе «Царство Божіе внутрь васъ есть»,

и сдѣлавшее эти имена дорогими всякому, кому дорого истинное освобожденіе людей изъ царства насилия *).

Толстой радостно привѣтствуетъ въ этой книгѣ присланную ему американскими друзьями «Декларацію о непротивленіи злу насилиемъ» Гаррисона и «Катехизисъ непротивленія» Балу.

Вотъ что говоритъ Толстой по поводу книги Балу:

«.... Неизвѣстность постигла и другого борца за непротивленіе злу, недавно умершаго, въ продолженіе 50 лѣтъ проповѣдывавшаго это ученіе, американца Адина Балу.

«.... Балу въ продолженіе 50 лѣтъ писалъ и издавалъ книги преимущественно о вопросѣ непротивленія злу насилиемъ. Въ сочиненіяхъ этихъ, прекрасныхъ по ясности мысли и красотѣ изложенія, вопросъ разсмотрѣнъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Устанавливается обязательность заповѣди «не противиться злу насилиемъ» для всякаго христіанина, исповѣдующаго Библію, какъ Божеское откровеніе. Приводятся всѣ обычныя возраженія противъ заповѣди непротивленія какъ изъ Ветхаго Завѣта, такъ и изъ Новаго, какъ, напримѣръ: изгнаніе изъ храма и т. п., на всѣ составляются опроверженія и опровергаются.

«.... Нѣть стороны вопроса какъ для сторонниковъ его, такъ и для противниковъ, которая не была бы изслѣдована въ его сочиненіяхъ. Все это я говорю для того,

*) Сочиненіе Хельчицкаго „Сѣть вѣры“ издано нами съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. („Сѣть вѣры“. Сочиненіе Петра Хельчицкаго. Второе изданіе „Посредника“. Со вступительной статьей Л. Н. Толстого „Петръ Хельчицкій“. Москва. 1907 г. Ц. 25 к.).— „Декларація“ Гаррисона напечатана въ первомъ томѣ „Круга Чтенія“, составленного Л. Н. Толстымъ (Издание „Посредника“. 1906 г.) и въ брошюрѣ „Свобода“ (изданіе „Посредника“), содержащей въ себѣ избранныя мысли о свободѣ изъ того же „Круга Чтенія“.

чтобы показать тотъ несомнѣнныи интересъ, который должны бы имѣть такія сочиненія для людей, исповѣдующихъ христіанство».

Толстой писалъ это 15 лѣтъ тому назадъ. Но лишь теперь явилась возможность познакомить русскихъ читателей съ писаніями Балу о насилии.

Прежде чѣмъ читатель приступить къ самой книгѣ Балу, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ обѣ ея авторѣ и обѣ основанной имъ общинѣ.

Адинъ Балу раздѣлялъ взгляды такъ называемой университетской церкви, то-есть союза христіанъ, вѣра которыхъ состоитъ въ исповѣданіи всемирнаго Отца всѣхъ людей и всемирнаго братства всѣхъ людей—дѣтей Его.

Балу не ограничивался теоретическимъ исповѣданіемъ своей религии. Его вѣра была не вѣрою только въ душѣ или на словахъ.

Главной задачей его жизни, которую онъ съ неуклонной твердостью преслѣдовалъ до конца своихъ дней, было практическое осуществленіе ученія Христа въ жизни. Съ этою цѣлью Балу съ нѣсколькими друзьями основалъ въ 1841 году общину для совмѣстной братской жизни и для проведения въ ней христіанского ученія въ его истинномъ смыслѣ.

Духъ этой общины лучше всего рисуется намъ въ описаніи общины, сдѣланномъ самимъ Балу въ одномъ изъ его сочиненій.

Онъ говоритъ, что ихъ братство построено было на признаніи основою жизни христіанского ученія, такого, какимъ его проповѣдовывалъ и исполненіе котораго показалъ на личномъ своемъ примѣрѣ Иисусъ Христосъ.

Никакихъ обязательныхъ, общихъ для всѣхъ, религіозныхъ догматовъ, уставовъ или обрядовъ община никогда не требовала отъ своихъ членовъ. Всѣ они были совершенно свободны въ этомъ, предоставляемъ съ под-

нѣйшей терпимостью другъ другу двигаться своимъ осо-
бымъ духовнымъ путемъ къ высшимъ представлениямъ
объ истинѣ.

Но практическія христіанскія требованія общины отъ
своихъ членовъ были точны и опредѣлены. Они со-
стояли, главнымъ образомъ, въ осуществлениіи на прак-
тикѣ, въ жизни, заповѣди о высшей любви къ человѣку,
какъ и къ Богу, въ недѣланіи зла ни другу ни врагу,
въ воздержаніи отъ всячаго распутства, отъ всякихъ
одурманивающихъ напитковъ, отъ всякой дачи клятвы,
отъ рабовладѣнія и всякихъ примирительныхъ сдѣлокъ
совѣсти съ рабовладѣльцами *), въ воздержаніи отъ
войны и приготовленій къ войнѣ, отъ смертной казни
и отъ всѣхъ карь и наказаній, въ воздержаніи отъ вся-
каго участія въ какомъ бы то ни было антихристіан-
скомъ правительствѣ (а таковыми они считали все су-
ществовавшія тогда правительства), отъ какихъ бы то
ни было обѣщаній давать военную силу, отъ голосова-
нія на выборахъ, отъ участія въ постановленіи кара-
тельныхъ уголовныхъ законовъ, отъ всякихъ вооружен-
ныхъ возстаній и всякаго насилия противъ отдѣльного
человѣка, семьи, общества и правительства, отъ всякой
помощи властямъ и въ подавленіи чего бы то ни было
силой, отъ всякаго такого общественного вмѣшательства,
которое можетъ проявиться лишь въ дѣйствіяхъ физи-
ческой силы, и отъ всякаго сопротивленія злу зломъ,—
однимъ словомъ, отъ всего, что, по ихъ взглядамъ, про-
тивно божественной природѣ человѣка.

Община эта была, — какъ говорить Балу, — ми-
ніатюрной христіанской республикой, терпимой прави-
тельствомъ штата Массачусетсъ и правительствомъ Со-

*) Въ то время въ Соединенныхъ Штатахъ существовало еще
рабовладѣніе.

единенныхъ Штатовъ, но вся жизнь которой шла совершенно въѣ окружавшаго ее государственного строя.

Государству нечего было дѣлать въ этой общинѣ: въ ней не было преступниковъ, которыхъ государство могло бы наказывать, не было беспорядковъ, которые государство могло бы усмирять, не было нищихъ, которыхъ государство считало бы нужнымъ поддерживать изъ государственной казны.

Община не просила для себя никакихъ распоряженій власти, никакой ни военной, ни уголовной защиты.

У нея была своя, такъ сказать, конституція, свои, другіе, высшіе, основные законы жизни, своя широкая, включавшая въ себѣ благо всѣхъ людей въ мірѣ, политика, своя нравственная и религіозная охрана, свое собственное распоряженіе собственностью, свое веденіе своихъ промысловъ и сбираніе и распределеніе доходовъ.

Это не было красное республиканство, потому что учение этихъ людей строго исключало всякое пролитіе крови, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ прообразъ истинно демократической и соціальной республики, въ которой не признавалось никакихъ касть, никакого различія цвѣта кожи, пола, возраста, въ которой каждое существо пользовалось равной долей въ общей свободѣ, равенствѣ и братствѣ.

Какъ мы сказали уже, община основана была въ 1841 году. Въ 1851 году въ общинѣ жило 36 семей,— 175 человѣкъ. Община располагала 500 акрами земли, большая часть которой была прекрасно воздѣлана общинниками; 30-ю новыми жилыми домами и тремя механическими мастерскими съ водяными двигателями. Небольшая часовня служила сборнымъ мѣстомъ для занятій съ дѣтьми и для религіозныхъ собраній.

1854 годъ былъ годомъ наивысшаго расцвѣта общины.

Къ сожалѣнію всѣхъ друзей братски-общинной жизни въ Америкѣ, Хопдэльская братская община просуществовала только до 1857 года, то-есть 15 лѣтъ. Пока ею руководилъ Балу,—она развивалась все дальше и дальше въ обрисованномъ нами направленіи, совершенствуя свою жизнь, постоянно идя впередъ въ духовномъ отношеніи.

Но въ послѣдніе ея годы довѣріемъ общины въ области практическихъ интересовъ завладѣлъ одинъ ловкій дѣлецъ, постепенно захватившій въ свои руки управление дѣлами общины. Подъ его вліяніемъ часть членовъ общины сосредоточилась исключительно на материальной сторонѣ дѣла, увлекаясь стремленіемъ къ прибылью и т. п. Это подействовало разлагающе на духъ общины. Кончилось тѣмъ, что ловкій «дѣловoy человѣкъ» скупилъ, съ помощью разныхъ обмановъ, имѣніе общины, и община должна была уничтожиться.

Во всякомъ случаѣ, несмотря на свое недолгое существование, Хопдэльская община дала—за все лучшее время своего существования—высоко-поучительный примѣръ братской жизни, исключившей изъ себя совершенно всякое насилие, всякую необходимость въ какомъ бы то ни было принудительномъ, насильственномъ строѣ.

Такіе примѣры должны были бы свѣтить яркими маяками для всего человѣчества на пути его сквозь тьму взаимной борьбы, вражды и насилия къ обѣтованному царству братства и свободы.

Но, къ сожалѣнію, никто не заботится о разысканіи этихъ примѣровъ (а ихъ вовсе не мало) и объ ознакомлении съ ними хотя бы юношества, сердце которого всего чутче къ высокимъ примѣрамъ истиннаго братства.

Каждаго юношу считаютъ долгомъ познакомить со всевозможными проявленіями человѣческой жестокости и братоубийства—съ битвами персовъ и грековъ, съ кро-

бавыми звѣрствами походовъ Цезарей, Фридриховъ Великихъ, Наполеоновъ, истребленіемъ другъ друга съвероамериканцами и англичанами, французами и нѣмцами, японцами и русскими,—но никому не приходитъ въ голову отводить въ такъ называемой исторіи (потому что преподаваемая исторія не есть настоящая исторія, а жалкое изображеніе ничтожной части жизни человѣчества) мѣсто для великихъ проявлений братства въ человѣчествѣ.

Когда же произойдетъ переворотъ во взглядѣ людей на насилие (а онъ неизбѣжно произойдетъ,—иначе люди будутъ вѣка еще топтаться въ слезахъ и крови другъ друга), произойдетъ и переворотъ въ нашемъ воспитаніи и образованіи. И тогда людямъ будетъ стыдно не знать и про такія скромныя, но великія по духу своему, попытки, какъ Хопдэльская община, и нисколько не стыдно будетъ не знать о массовыхъ убийствахъ, совершившихся Наполеонами, Куроками, Цезарями, Китченерами, Девеями, Мольтками и имъ подобными.

Тогда въ гимназіяхъ вмѣсто писаній сочиненій о походахъ Юлія Цезаря и легіоновъ его закованныхъ въ латы убийцъ будутъ, можетъ-быть, изучать книги, подобныя предлагаемой книгѣ Балу.

И только тогда, когда наступитъ такое время, только тогда долгожданная человѣчествомъ братство и свобода войдутъ въ міръ и воцарятся въ немъ.

И. Горбуновъ-Посадовъ.

Ученіе о христіанскомъ непротивленіи злу насилиемъ.

Предисловіе.

Пастоящая книга написана въ разъясненіе и защиту очень непопулярнаго ученія. Авторъ считаетъ это ученіе столь же древнимъ, какъ христіанство, столь же истиннымъ, какъ Новый Завѣтъ, но это ученіе мало кѣмъ понято, а отрицается оно почти повсемѣстно и почти всѣми. И потому авторъ просить читателя отрѣшиться, насколько то возможно ему, отъ предубѣждений и терпѣливо прослѣдить за всѣмъ написаннымъ. Авторъ не льстить себя надеждой о томъ, чтобы все вложенное имъ въ эту книгу понравилось бы одинаково всѣмъ, даже и тѣмъ, кто одобритъ ее въ основныхъ ея положеніяхъ, и молить онъ лишь о томъ, чтобы и друзья и недруги были бы кротки, справедливы и великодушны, чтобы они отнеслись къ этому труду, какъ бы къ своему собственному.

Съ другой стороны, авторъ надѣется, что и тѣ изъ читателей, которые неблагосклонно отнесутся къ этой книгѣ, все же будутъ настолько человѣчны и честны, что не осудятъ трудъ единственно изъ-за предубѣжденія къ личности автора. Пусть будетъ книга эта одобрена или осуждена единственno по собственнымъ ея достоинствамъ или недостаткамъ.

Авторъ искренно и честно обращается къ разуму, совѣсти и высшимъ чувствамъ людей, а не къ ихъ плотскимъ

наклонностямъ и не къ низменнымъ ихъ стремлениямъ. Пусть же и чтеніе книги этой и оцѣнка ея, и возраженія будутъ исходить изъ соответствующихъ другъ другу стремлений.

Честный цѣнитель спросить: „Находится ли она въ полномъ согласіи съ божественной истиной и справедливостью?“

— Разсмотри ее, разбери—и увидишь.

Критикъ изъ враждебнаго лагеря станетъ искать въ ней заблужденій, ошибокъ, промаховъ, несостоятельностей и слабыхъ мѣстъ. Если такие недостатки окажутся, то нужно ихъ обнаружить и изобличить,— это даже необходимо, но обличитель долженъ доказать, что онъ убѣжденъ въ томъ, что понимаетъ предметъ, понимаетъ точно и ясно содержаніе книги и имѣеть основаніе опровергать ея тезисы вѣскими доводами и доказательствами. Книга эта такъ проста, понятна и недвусмысленна по доводамъ своимъ и по способу изложенія, что серьезныя недоразумѣнія и лжетолкованія едва ли возможны.

Эта книга скорѣе для будущаго, чѣмъ для настоящаго времени, и она будетъ лучше оцѣнена черезъ полвѣка, чѣмъ теперь. Но заря лучшаго будущаго уже занялась, и надо помогать искрѣ этой разгорѣться въ пламя. Великое переходное броженіе человѣческихъ умовъ уже началось, и царство военныхъ и судебныхъ насилий должно уступить мѣсто царству всепрощенія, терпѣнія и милосердія. Часъ торжества добра приближается, и близость этого часа чувствуется глубоко многими передовыми умами, разсѣянными по всему христіанскому миру.

Убѣжденіе автора въ близости царства Божьяго на землѣ такъ твердо, что онъ счелъ себя какъ бы призваннымъ, какъ бы облеченнымъ долгомъ составить эту настольную книгу для людей, нуждающихся въ ней.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О христіанскомъ непротивленіи злу насиліемъ.

1.

Различные роды непротивленія.

Что есть христіанское непротивленіе?

— Это первоначальный и особый родъ непротивленія, которому словомъ и дѣломъ училъ Іисусъ Христосъ, слова и дѣла которого изложены въ Новомъ Завѣтѣ.

Существуютъ ли еще другіе роды непротивленія?

— Во-1-хъ, есть философское непротивленіе различныхъ оттѣнковъ. Оно не признаетъ ни божественного откровенія, ни значенія Іисуса Христа, какъ Божественнаго Учителя, исключаетъ всѣ религіозныя соображенія и выводить свои умозаключенія изъ законовъ природы, изъ предполагаемой цѣлесообразности всего существующаго и необходимости всѣхъ послѣдствій.

Во-2-хъ, существуетъ еще сентиментальное непротивленіе, различныхъ тоже оттѣнковъ,—оно происходитъ, какъ увѣряютъ, вслѣдствіе внезапного внушенія высшихъ человѣческихъ чувствъ на высокихъ степеняхъ его развитія.

Въ-3-хъ, есть еще невольное непротивленіе, обыкновенно называемое пассивнымъ послушаніемъ,—оно повелительно проповѣдуется despotами своимъ подданнымъ и именуется священнымъ долгомъ и высшою добродѣтелью.

Этотъ родъ непротивленія рекомендуется мірскою осторожностью всѣмъ жертвамъ гнета и насилия, пока угнетаемые не могутъ избавиться отъ притѣснителя.

Съ этой послѣдней разновидностью христіанское непротивленіе не имѣетъ ничего общаго. Съ первыми же двумя категоріями непротивленія: философскимъ и сентиментальнымъ, общихъ точекъ соприкосновенія много, такъ какъ они не что иное, какъ искаженные человѣчествомъ копіи съ настоящаго христіанского непротивленія, которое совмѣщаетъ въ себѣ все доброе обѣихъ копій безъ примѣси зла, находящагося въ каждой изъ нихъ.

2.

Значеніе слова „непротивленіе“.

Прежде всего слѣдуетъ точно опредѣлить значеніе слова „непротивленіе“. Я употребляю его исключительно и единственно въ примѣненіи къ образу дѣйствія человѣка относительно другихъ людей и не касаюсь вопроса этого по отношенію къ животнымъ, неодушевленнымъ предметамъ и силамъ природы.

Я иду дальше, и не допускаю употребленія этого слова въ смыслѣ совершенного бездѣйствія въ отношеніи къ людскимъ дѣламъ. Я требую права самаго высшаго нравственнаго сопротивленія (на какое Господь далъ мнѣ способности) всякому проявленію зла въ родѣ человѣческомъ. Мало того, я считаю такое нравственное противленіе своимъ долгомъ.

Въ этомъ смыслѣ самое мое непротивленіе становится высшею степенью противленія злу.

Но я и на этомъ не останавливаюсь. Я заявляю смѣло, что существуетъ безобидная, безвредная, благожелательная и благодѣтельная физическая сила. Бываютъ случаи, при которыхъ не только позволительно, но и обязательно сдерживать и усмирять людей этою благою физической силой. Помѣшанные, лежащіе въ бреду больные, злые и каприз-

ныя дѣти, люди, находящіеся въ состояніи умственной или нравственной невмѣняемости, пьяные, бѣшеннострастные и всѣ вспыльчивые люди бываютъ часто способны совершить такія злодѣйства, отъ которыхъ удержать ихъ необходимо даже при содѣйствіи мускульной силы. И этотъ родъ противленія будетъ безобиденъ и благъ.

Если же злодѣй, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, посягаетъ на жизнь брата, тогда надо безстрашно ставить собственное свое тѣло преградой между убійцей и его беспомощной жертвой. Предпочтительнѣе смерть въ этомъ положеніи противника, чѣмъ положеніе индифферентнаго зрителя.

Итакъ, христіанское непротивленіе есть только полное воздержаніе отъ нанесенія личнаго вреда, отъ непротивленія обидѣ — обидой, вреду — вредомъ, злу — зломъ. Далѣе этого непротивленіе не идетъ.

Почти-что всемірное убѣжденіе и вся практика человѣчества были всегда на сторонѣ противленія обидѣ — обидой, вреду — вредомъ. Признано человѣческой мудростью справедливымъ и необходимымъ, какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и для цѣлыхъ націй, дѣлать извѣстную долю зла въ видѣ остраски предполагаемому еще большему злу.

Послѣдствіями этихъ убѣждений оказались: всеобщее недовѣріе, подозрительность, вооруженія, насилия, пытки, смертныя казни. Земля стала полемъ сраженія, громадной бойней, театромъ взаимнаго лицемѣрія и ужасающихъ жестокостей.

Люди опьянѣли отъ взаимнаго мщенія, и тѣ изъ нихъ, которые имѣли возможность дѣлать наибольше зла въ воображаемую защиту жизни, чести и правъ собственности, государственныхъ установленій и законовъ, тѣ люди были обоготовлены, ихъ чтятъ, какъ героевъ и правосудныхъ владыкъ міра.

Непротивленіе отвергаетъ этотъ ужасный обманъ, возстаетъ противъ такого дикаго самообольщенія, возвѣщаетъ

невозможность побѣдить зло — зломъ, и, обращаясь съ искреннимъ воззваніемъ ко всѣмъ униженнымъ и обиженнымъ рода человѣческаго, увѣщеваетъ и поучаетъ ихъ, во имя Бога, никогда болѣе не противиться обидѣ — обидой. Оно убѣждаетъ ихъ въ томъ, что, повинуясь закону любви, несмотря ни на какие вызовы и искушенія, и перенося добровольно всякую невзгоду, лишь бы самимъ не провиниться въ ней, они, въ концѣ концовъ, со славою побѣдять зло — добромъ и избавятся отъ всѣхъ враговъ своихъ, обративъ ихъ въ вѣрныхъ друзей.

3.

Значеніе слова „сила“.

Опредѣливъ и ограничивъ значеніе слова непротивлѣніе, — намъ кажется умѣстнымъ сдѣлать то же и относительно нѣкоторыхъ другихъ выраженій, которыя часто будутъ употребляемы при дальнѣйшемъ изложеніи.

Одно изъ такихъ словъ будетъ слово „сила“.

Непротивящіеся, равно какъ и другое, имѣютъ привычку употреблять это слово слишкомъ свободно и тѣмъ самыемъ даютъ непосвященнымъ поводъ къ недоразумѣнію, а заинтересованнымъ противникамъ тѣмъ самыемъ даютъ поводъ къ искаженію и лжетолкованію смысла, въ которомъ слово это употребляется въ ученіи о христіанскомъ непротивленіи.

Значеніе слова „сила“, force, опредѣляется въ словаряхъ слѣдующимъ образомъ: сила (тѣлесная), крѣпость (тѣлесная), власть, насилие, мужество, могущество, мощь, власть закона, воинственная приготовленія, вооруженія, судьба, неизбѣжность, роковое столкновеніе.

Но кромѣ этихъ значеній, слово это можетъ еще означать: могущество, власть и крѣпость нравственную. Такъ, мы можемъ говорить о силѣ любви, о силѣ истины, о силѣ

общественного мнѣнія, о силѣ убѣжденій, о силѣ непротивленія и т. д.

По отношенію къ тѣлесной силѣ людей мы можемъ говорить о благодѣтельной, милостивой, благой, безвредной и безобидной силѣ, подразумѣвая подъ этими выраженіями примѣненіе мускульной силы съ цѣлью благожелательного предупрежденія какого-либо вреда, наносимаго людьми другимъ людямъ.

Въ этомъ сочиненіи слово „сила“ будеть имѣть одно изъ слѣдующихъ условныхъ значеній: насилия, военной силы, положительного миценія, разрушительной, смертоносной силы,—словомъ, въ смыслѣ обидной, вредной силы.

Примѣненіе вредной силы всѣхъ родовъ и степеней между людьми несомнѣстимо съ непротивленіемъ.

Выраженіе — нравственная сила — должно быть, вслѣдствіе вышеизложеннаго, понимаемо, какъ синонимъ выраженія: нравственная власть, дѣйствительное вліяніе нравственного могущества, крѣпости, твердости нравственной.

Выраженіе — физическая сила, — въ отличіе отъ нравственной, будеть употребляться въ смыслѣ: материальной силы, дѣйствія одного тѣла на другое (принужденіе слабаго уступать сильному), посредствомъ чисто животной силы или механическихъ приспособленій.

Какъ нравственная сила можетъ быть доброю или злую, вредною или безвредною, обидною или безобидною, смотря по своему духу, по способу примѣненія и по преслѣдуемымъ цѣлямъ, такъ точно и физическая сила можетъ быть добра или зла, полезна или вредна по тѣмъ же самымъ соображеніямъ.

4.

Значеніе слова „обида“.

Я употребляю слово это въ нѣсколько особомъ значеніи, а именно, въ смыслѣ нравственного или физического

насилія одного человѣка надъ другимъ съ тѣмъ непремѣннымъ условиемъ, чтобы послѣдствiемъ тѣхъ дѣйствiй было бы уничтоженiе или поврежденiе жизни, физическихъ или умственныхъ способностей, извращенiе нравственного или религиознаго чувства, уничтоженiе и поврежденiе общаго благосостоянiя или полнаго благополучiя той личности, надъ которой сдѣлано означенное нравственное или физическое насилие, при чемъ безразлично,—права ли та личность или виновна, вредна или полезна, преступна или невинна, больна или здорова, взрослая ли она или малолѣтняя.

Нѣкоторые лексикографы опредѣляютъ слово обида слѣдующимъ образомъ: вредъ, оскорблениe, насилие, которымъ известная личность несправедливо подвергнута, и этимъ определенiемъ какъ бы даютъ понять, что оскорблениe, вредъ или насилие, нанесенные личности, ничего лучшаго не заслуживающей или подвергшейся тѣмъ насилиямъ по справедливости, вовсе не есть обида. Я отвергаю такого рода толкованiя и называю обиду—обидой, будь она заслужена или незаслужена, преднамѣренна или нечаянна.

На этотъ тезисъ всегда готова масса стереотипныхъ выражений:

— А что, если вамъ будетъ доказано, что подвергать въ нѣкоторыхъ случаяхъ личной обидѣ людей преступныхъ или вредныхъ справедливо и согласно съ Закономъ Бога?—говорятъ одни.

„Тогда, конечно, будетъ доказано, что учение о непротивленiи—ложно“, отвѣчу я.

— А что, если вамъ докажутъ, что нанесенiе мелкихъ частныхъ обидъ предупреждаетъ гораздо большее зло?

„Тогда будетъ доказано,—скажу я,—что люди должны дѣлать зло для того, чтобы вышло добро; тогда будетъ доказано, что миру слѣдуетъ оставаться точь въ точь въ такомъ же состоянiи, въ какомъ находится теперь“.

— А что, если будетъ доказано, что лицо, нанесшее обиду, искренно и честно считало обиду ту благодѣяніемъ?

„Это будетъ только доказывать, что означенное лицо, искренно и честно заблуждалось и потому порицанія не заслуживаетъ“.

— А если человѣкъ убиваетъ и наносить рядъ другихъ обидъ на строгомъ основаніи установленныхъ законовъ человѣческихъ, да къ тому же дѣлаетъ это безъ злобы и мстительности и безъ злого умысла?

„Тогда онъ совершаеть дѣла антихристіанскія, не сознавая значенія своихъ поступковъ; дѣла тѣ простятся ему потому, что онъ ходилъ во тьмѣ, но просвѣтить его разумъ и совѣсть необходимо; надо научить его жить по ученію Христа, но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду, была ли нанесена обида или нѣтъ, не разсуждая, не опредѣляя, не задавая даже вопроса о томъ, былъ ли обиженный преступенъ или невиненъ, справедливо ли она нанесена или несправедливо.

„Если дѣйствіе заключаетъ въ себѣ обиду, оно противно ученію христіанскаго непротивленія, и никто не можетъ повторить обиды той подъ какимъ бы то ни было предложениемъ, не нарушивъ тѣмъ заповѣди Христа“.

— А что дѣлать, если безобидная сила окажется несостоятельной, — продолжаетъ свои инсинуаціи рутинная нравственность, — надо ли будетъ снова жертвовать человѣческими жизнями, прибѣгать къ пыткамъ, казнямъ и всякаго рода обидамъ, дозволеннымъ законами человѣческими въ крайнихъ случаяхъ?

„Никогда! Основное ученіе о безобидности должно соблюдаться ненарушимо. Одно это ученіе стоить цѣлыхъ міровъ. Оно должно быть незыблѣмо, непоколебимо и охраняemo отъ всякихъ случайностей“.

Что не можетъ быть сдѣлано безобидно, того не надо

дѣлать вовсе, къ тому же всѣ эти крайніе случаи по большей части вымыщлены.

Истина въ слѣдующемъ: то, что не можетъ быть сдѣлано безобидно, того вовсе и никогда не слѣдуетъ дѣлать.

5.

Значеніе выраженія „христіанское непротивленіе“.

Слово непротивленіе имѣть своимъ корнемъ изреченіе Христа: „Не противъся злому“ (Мат. гл. 5, стихъ 39). Отглагольной формѣ — не противъся — придано значеніе имени существительного и создано было слово — непротивленіе. Выраженіе это поразительно многозначительно, — имъ выражается лучше, сильнѣе и яснѣе всякаго другого слова и основное правило и обязанность, возлагаемая на насъ учениемъ нашего Спасителя.

Названо же оно христіанскимъ въ отличіе отъ философскаго, сентиментального и невольнаго, какъ первообразъ ихъ.

Итакъ христіанское непротивленіе есть то первообразное непротивленіе, которому учили Іисусъ Христосъ словомъ и примѣромъ, то правило, которое въ примѣненіи своемъ должно быть изучаемо въ писаніи Евангелія.

Краткій обзоръ примѣненій этой заповѣди уже произведенъ мною въ предшествующихъ опредѣленіяхъ, но я объясню ихъ пространнѣе. Мое стремленіе направлено къ тому, чтобы нести возложенные на меня обязанности настолько, насколько онъ возложены на меня Христомъ. Очень легко зайти дальше или не дойти до настоящихъ границъ. Ультра-радикалы и ультра-идеалисты ушли гораздо далѣе ученія Христа, а ультра-консерваторы до него не дошли. Даже и тѣ люди изъ обоихъ лагерей, которые признаютъ себя исповѣдующими ученіе Христа и считаютъ себя солидарными съ Нимъ, такъ перетолковываютъ само

ученіе, что сами же поощряютъ обоюдныя заблужденія. Ультра-радикалы хватаются за иносказательныя, гиперболические и напряженно-сжатыя формы выраженія и обороты рѣчи и придаютъ имъ такой смыслъ, что кажется, будто Христосъ подразумѣвалъ нечто гораздо больше того, что Онъ сказалъ или могъ подразумѣвать. Ультра-консерваторы ловко отскребаютъ, устраниютъ и уничтожаютъ основной смыслъ, самую суть ученія, такъ что кажется, будто Христосъ подразумѣвалъ гораздо менѣе того, что Онъ могъ подразумѣвать.

Существуетъ, однако, общее правило, которое почти безошибочно обнаруживаетъ заблужденія представителей обоихъ лагерей. Нужно всегда имѣть въ виду общую связь всѣхъ текстовъ—контексты, параллельные тексты,—нужно принимать во вниманіе евангельские примѣры и духъ ученія Христа. Всякое толкованіе рѣчей и дѣйствій Христа, записанныхъ въ Евангеліи, въ которыхъ все согласно и сходно, всегда будетъ толкованіемъ истиннымъ и здравымъ. Тѣ же, которые не сходятся въ чемъ-либо съ вышеизложенными основами, будутъ вѣроятно ошибочны.

6.

Основной текстъ непротивленія.

„А Я говорю вамъ: не противься злому“ (Мат. гл. 5, ст. 39). Когда онъ правильно истолкованъ, текстъ этотъ даетъ ключъ къ истинному пониманію самой сути разматриваемаго ученія и его приложенія. Это одно изъ тѣхъ изреченій, которые поддаются самымъ произвольнымъ перетолковываніямъ, такъ что можно ему придать значеніе гораздо больше и шире, чѣмъ подразумѣвалъ изрекшій его Учитель, или можно умалить значеніе до минимума требованій практическихъ.

Правило это высказано въ сжатой, напряженной формѣ

и можетъ быть понято только при помощи его контекстовъ.

Первымъ вопросомъ для разрѣшенія будетъ: какъ понималъ Христосъ слова: „злому“ и „не противься“.

Существуетъ разнаго рода зло. Подъ это слово подходитъ понятія, во-1-хъ, страданія, потери, бѣдствій, переносимыхъ вслѣдствіе причинъ, ничего не имѣющихъ общаго съ нравственными началами; во-2-хъ, порокъ, грѣхъ т.-е. зло нравственное; въ-3-хъ, искушенія грѣховныя или зло умственное и, въ-4-хъ, личные непосредственныя обиды, оскорблениія и вредъ.

О какомъ злѣ говорить Христосъ въ своемъ изреченії? Говорить ли Онъ о пожарахъ, наводненіяхъ, голодѣ и недугахъ,—словомъ, о злѣ стихійномъ? Конечно, нѣтъ. А слѣдовательно, и не запрещаетъ противиться этому злу.

Говорить ли Онъ о порокѣ и грѣхѣ вообще?—Да нѣтъ же! И мы навѣрно можемъ заключить, что противленіе пороку и грѣху вообще не только не запрещено, но входитъ въ кругъ нашихъ обязанностей.

Говорить ли Онъ объ искушеніяхъ, о тѣхъ улавливающихъ насъ въ грѣхѣ соблазнахъ, на которые такъ падки люди, благодаря плотскимъ ихъ наклонностямъ и страстямъ?—Еще разъ нѣтъ. А потому не воспрещается намъ противиться, бороться со злыми побужденіями нашей собственной плоти и усмирять злые наши вожделѣнія.

Говорилъ ли Онъ о злѣ личномъ, объ обидѣ, наносимой человѣкомъ человѣку?

Да. „Вы слышали, что было сказано прежде: око за око, зубъ за зубъ, а Я говорю вамъ: не противься злому“, т.-е. личному насилию, оскорблению, обидѣ. Здѣсь, въ связи съ остальной рѣчью, слово зло—безспорно означаетъ обиду, нанесенную человѣкомъ человѣку.

Что же значить выраженіе: не противься.

Существуютъ разнаго рода противлениа, примѣнныя противъ угрожающихъ еще или уже осуществившихся личныхъ обидъ. Между ними слѣдуетъ различать: во-1-хъ, противление пассивное, бездѣйствующее,—мертвое молчаніе, унылая неподвижность, полная тѣлесная беспомощность, совершенное отреченіе отъ способности говорить и дѣйствовать. Есть ли въ контекстѣ указаніе на то, чтобы Иисусъ имѣть въ виду такого рода противление? Нѣтъ.

Во-2-хъ, существуетъ еще противление нравственное, дѣятельное, справедливое, благожелательное,—кроткое, но твердое обличеніе,—словомъ, протестъ. Указываютъ ли соединенные тексты на то, чтобы Иисусъ запрещалъ такое кроткое противление? Нѣтъ.

Въ-3-хъ, есть еще физическое противление, дѣятельное, твердое, примиряющее, безобидное и имѣющее цѣлью удержать отъ насилия или отъ оскорблениа человѣкомъ человѣка. Объ этомъ ли противлениі размышлялъ Иисусъ? Есть ли въ контекстахъ указаніе на то, чтобы запрещалось непротивление съ цѣлью добра? Нѣтъ и нѣтъ!

Въ-4-хъ, существуетъ противление личной обидѣ нанесениемъ такой же личной обиды. Случай, когда человѣкъ лишаетъ жизни, чтобы спасти свою жизнь, повреждаетъ глазъ противника съ тѣмъ, чтобы защитить свой глазъ, наносить сильный ударъ, чтобы предупредить ударъ. Существуютъ законы возмездія, въ силу которыхъ человѣкъ считаетъ себя въ правѣ жертвовать жизнью въ наказаніе за погубленную жизнь, беретъ око за око, зубъ за зубъ, руку за руку и т. д. Существуютъ правительственные установления, въ назначенье которыхъ входитъ подвергать личность, признанную вредной или опасной, разнаго рода наказаніямъ.

Вотъ объ этой-то разновидности противлениа и говоритъ Христосъ. Именно такое противление Онъ запрещаетъ.

„Не противься личной обидѣ—личной обидѣ“, — говоритъ Христосъ.

Сказанного достаточно для определения сути и ограниченій этого ученія. Оно обнимаетъ все человѣчество, относится ко всѣмъ общественнымъ отношеніямъ, касается всѣхъ обиженныхъ и находящихся въ неминуемой опасности быть обиженными. Оно повелѣваетъ воздерживаться отъ личныхъ обидъ и въ видѣ средства для предупрежденія обидъ воздерживаться отъ возмездія и самообороны: если ударятъ тебя по правой щекѣ, подставь и лѣвую,— лучше подвергнуть себя второй обидѣ, чѣмъ унизить себя до нанесенія оскорблениія брату.

7.

Необходимыя примѣненія непротивленія.

Примѣненіе этого ученія необходимо во всѣхъ случаяхъ человѣческаго общенія, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обида одного человѣка другимъ должна быть отстранена или предупреждена.

Люди могутъ быть поставлены лицомъ къ лицу съ вопросомъ объ обидѣ обидою, во-1-хъ, какъ отдѣльные личности, во-2-хъ, въ качествѣ беззаконнаго сообщества нѣсколькихъ личностей, въ-3-хъ, какъ члены дозволенныхъ сообществъ, въ-4-хъ, въ качествѣ установленныхъ властей, правителей, избирателей — какъ столпы существующихъ государствъ или народоправительствъ. Находясь въ каждомъ изъ этихъ четырехъ положеній, люди противятся обидѣ обидой — или для немедленной самозащиты, или для возмездія и наказанія. Они могутъ дѣйствовать непосредственно или при посредствѣ пособниковъ — лицъ, употребляемыхъ для исполненія ихъ воли. Соединяясь въ беззаконнаго сообщества, они могутъ совершать насильственные дѣйствія сообща, прямо и открыто, или тайно при посредствѣ тайныхъ пособниковъ, или же, какъ обыкновенно и происходитъ, при посредствѣ признанныхъ и уполномочен-

ныхъ вожаковъ. Какъ члены дозволенного свободнаго сообщества, они имѣютъ возможность пользоваться громаднымъ вліяніемъ и не прибегая къ явному насилию. Школы, каѳедры и амвоны въ ихъ рукахъ, и они пользуются этими орудіями, чтобы обманывать, развращать людей, повреждать человѣческое разумѣніе, возбуждать дурныя страсти, научать злу и науськивать людей другъ на друга.

Какъ существенная поддержка и опора человѣческихъ правительствъ, люди нравственно отвѣтственны за всѣ конституціи, уложенія и законы, которые они обязались поддерживать, при чемъ безразлично, поддерживаютъ ли они тѣ учрежденія сознательно или только покоряются имъ безъ увѣщаній, безъ возраженій, безъ протеста.

Итакъ, если политическое собраніе, гражданскій или военный союзъ, лига, договоръ или конституція поддерживаютъ или допускаютъ войну, смертную казнь, рабство, или какую-либо иную форму безусловной обиды, то и человѣкъ, который клянется, присягаетъ, т.-е. связываетъ себя обязательствомъ поддерживать такой союзъ, лigu или конституцію, отвѣтственъ за каждое насилие, совершающееся въ силу тѣхъ договоровъ или конституцій.

Его отвѣтственность прекращается только съ нарушениемъ конституціи, но за все, что сдѣлано согласно съ узаконеніями, которыхъ онъ подъ присягою обязался поддерживать, онъ отвѣтственъ. Войско — *его* войско, флотъ — *его* флотъ, позорный столбъ, эшафотъ, каленое желѣзо, тюрьмы, одиночное заключеніе, крѣпости, каторга — все это *его*, его каторга, его плаха, его каленое желѣзо.

И онъ не можетъ отнѣкиваться и оправдываться тѣмъ, что принадлежалъ къ гуманитарному меньшинству: онъ принадлежалъ правительству. Онъ клялся, присягалъ въ томъ, что большинство будетъ имѣть право произвольно совершать всякие акты насилия: объявлять войну, ссылку или смертную казнь. Онъ связалъ себѣ руки этимъ

антихристіанскимъ обязательствомъ. Онъ приказалъ своему разуму стоять заодно съ большинствомъ во всѣхъ случаяхъ, претягихъ ему лично, и всѣ ужасы войны, пытокъ и казней совершены съ его торжественного разрѣшенія.

И нѣтъ ему выхода изъ этого страшного нравственного сообщества, кромѣ сознательного полнаго устраненія себя отъ солидарности съ такимъ правительствомъ и непримиримаго протesta противъ антихристіанскихъ началь, которыя положены въ основу такихъ государственныхъ узаконеній.

8.

Чего истинный христіанинъ дѣлать не можетъ.

Изъ того, что уже сказано, ясно, что христіанинъ-не-противникъ не можетъ:

1) Убивать, калѣчить человѣка или наносить ему какую-либо обиду, ни въ видахъ самозащиты, ни въ защиту своей семьи или кого-либо другого.

2) Участвовать въ какомъ-либо заговорѣ, бунтѣ, народномъ возстаніи, имѣющемъ цѣлью совершение какого-либо насилия.

3) Не можетъ быть членомъ какого-бы то ни было, хотя бы порядочнаго, почтеннаго и дозволеннаго сообщества, если оно допускаеть даже мысль о возможности войны, смертной казни и судебнаго возмездія.

4) не можетъ быть ни офицеромъ, ни солдатомъ, ни священникомъ.

5) Не можетъ быть ни чиновникомъ, ни представителемъ обвинительной власти, ни избирателемъ, ни присяжнымъ.

6) Не можетъ быть членомъ какого-либо политического или иного общества, уставы коихъ обязываютъ своихъ служащихъ, дозволяютъ имъ или понуждаютъ входить въ дѣловыя сношенія съ правительствами, допускающими насилие.

Словомъ, христіанинъ-непротивникъ не можетъ ни лично, ни черезъ посредство другихъ совершать какое-либо дѣяніе, наносящее или угрожающее нанесеніемъ безусловной личной обиды, онъ не можетъ ни помогать, ни содѣйствовать тому подачею адреса, прошенія, подачею голоса.

Таковы необходимыя обязанности, ограничения и примѣненія ученія о христіанскомъ непротивленіи.

Суть ученія и кругъ дѣятельности его тщательно поставлены на прочномъ основаніи, и всѣ его особенности точно разграничены. Да не будетъ сказано, что это учение направлено противъ всякой религіи, всякаго правительства, всѣхъ общественныхъ учрежденій, противъ всѣхъ законовъ, правилъ и регламентаций. Напротивъ того, учение это стоитъ за все это въ высшемъ и лучшемъ ихъ выражениіи. Оно возстаетъ противъ тѣхъ религій, правительства, общественныхъ порядковъ, учрежденій, законовъ, которые безусловно противны закону Христа.

9.

Основное правило непротивленія.

Закончу эту главу краткимъ обзоромъ разбираемаго ученія по отношенію къ первоначальному правилу, отъ кото-раго оно происходитъ, а также и по отношенію къ правилу, составляющему его непосредственную основу, и къ обязанности, въ которой включены всѣ его примѣненія.

Правило непротивленія исходитъ изъ всесовершенной любви, той безпредѣльной, независимой, безошибочно-мудрой, святой любви, которая отличаетъ Сына человѣческаго отъ существъ низшихъ и, выливаясь въ естественное чувство человѣческой благожелательности, производить высшее и совершенѣйшее добро. Про нее-то сказано: „Любовь не дѣлаетъ зла ближнему, такъ какъ она есть исполн-

неніе закона“.—Іоаннъ выразилъ ту же мысль, сказавъ: „Пребывающій въ любви въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ“.

Любовь эта не есть ни естественная привязанность къ роднымъ и близкимъ, ни сентиментальное чувство. Эта любовь—чистое, просвѣтленное, сознательное убѣжденіе, божественный источникъ того образа дѣйствій, который вдохновенно и внезапно внушаетъ человѣку дѣлать добро всѣмъ людямъ безъ исключенія—какъ добрымъ, такъ и злымъ; эта любовь дѣйствуетъ независимо отъ внѣшнихъ вліяній и, такъ какъ она по природѣ своей не себялюбива, то не смущается ни достоинствами, ни недостатками предмета любви своей. Она не спрашиваетъ: любишь ли меня? дѣлаешь ли добро мнѣ? цѣнишь ли мои достоинства? будешь ли меня благословлять, или, быть-можетъ, станешь ненавидѣть меня, будешь оскорблять, проклинать и осуждать?

Любятъ ли, ненавидятъ ли, благословляютъ ли, проклинаютъ ли, творятъ ли добро или неправду и зло другіе люди, любовь говорить свое: „Буду творить правду, буду любить. Буду благословлять,—не обижу даже самыхъ отъявленныхъ злодѣевъ,—буду побѣждать зло добромъ“. И потому доброта-любовь не взвѣшивается и не измѣряется добротой другихъ, но всегда находить сама въ себѣ поводъ, силу и награду.

Іисусъ, въ которомъ высшее выраженіе этой святой любви, найдя древній законъ: возлюби ближняго своего, какъ самого себя,—извлекъ его, покрытаго ржавчиною времени и помраченаго людскимъ непониманіемъ, изъ ковчега завѣта Моисея и сдѣлалъ его свѣточесмъ божественного ученія своего.

Истина заключалась въ этой заповѣди, но люди не умѣли выдѣлить ея изъ массы Моисеевыхъ постановленій, а тѣмъ менѣе умѣли они понять ея совершенство.

Іисусъ указаль, что ближній, о которомъ говоритьъ заповѣдь, есть всякий человѣкъ: и иноплеменникъ, и непріятель, и жестокій врагъ; словомъ, всякий, кто нуждается въ помощи или находится въ опасности, всякий страждущій вслѣдствіе людскаго себялюбія, жестокости, гнѣва или зависти, все равно будь онъ хотя бы и величайшимъ преступникомъ, хотя бы отъявленный извергъ рода человѣческаго.

Затѣмъ, зная, что мудрыя постановленія міра узаконяютъ обиду, наносимую обидчику, оправдываютъ ненависть къ врагамъ, предписываютъ даже убійство убійцъ, Іисусъ отмѣнилъ древнія заповѣди, отвергъ законъ возмездія и провозгласилъ обязательность безграницаго терпѣнія, милосердія и кротости.

Ветхозавѣтная религія, свѣтски - мудрая філософія и мстительное себялюбіе провозгласили, какъ догматъ, что, перейдя за извѣстныя границы, терпѣніе перестаетъ быть добродѣтелью. Божественнымъ дыханіемъ своимъ Іисусъ разсвѣялъ этотъ безобразный обманъ и показалъ славный примѣръ постоянного и неуклоннаго слѣдованія влечениямъ закона любви, не дѣлая различія между друзьями и врагами.

„Я говорю: не отнимай жизнь за жизнь, око за око, зубъ за зубъ. Не бей ударишаго тебя, просящему дай, отъ хотящаго занять не отвращайся. Люби враговъ, благословляй проклинающихъ тебя, благотвори ненавидящихъ и молись за обижающихъ и гонящихъ тебя. Будь сыномъ Отца твоего небеснаго, того Отца, который посыаетъ дождь на нивы праведныхъ и неправедныхъ и солнцемъ освѣщаетъ всѣхъ. Если же ты будешь любить только любящихъ тебя, то чѣмъ же ты будешь отличаться отъ язычника?“

Таковъ истинный свѣтъ, исходящій изъ предвѣтной благости безконечнаго Отца и возсіявшій надъ возрожденнымъ

міромъ, отражаясь въ образѣ Иисуса. Что такое всѣ славные нѣжные дифирамбы поэтовъ, всѣ хитросплетенные мудрствованія философовъ, всѣ торжественные таинства мстительныхъ церковниковъ въ сравненіи съ божественнымъ совершенствомъ и простотою той истины, которую положилъ Христосъ въ основу своего ученія!

Непротивленіе — прямое слѣдствіе этой всесовершенной, самодовлѣющей, неизреченной любви, — любви божественной. А неминуемымъ послѣдствіемъ примѣненія закона любви будетъ могущество добра, какъ противодѣйствующей силы для искорененія зла.

Мудрость ученія міра искала опоры въ могуществѣ обиды, страха и зла, она вѣрила въ это могущество, надѣялась на него во всѣ предшествующіе вѣка, и воспитала человѣческій родъ въ этихъ вѣрованіяхъ, внушая подрастающимъ поколѣніямъ, будто и благополучіе ихъ, и безопасность находятся въ зависимости отъ тѣхъ вождей, которые имѣютъ и силу и власть наносить обиды. И все стремленіе лицъ, захватившихъ власть въ свои руки, было въ обладаніи достаточными средствами насилия, для того, чтобы отразить враговъ извнѣ и своихъ соплеменниковъ держать въ страхѣ и подчиненіи.

Мудрость міра твердѣтъ: „Каждый сверчокъ знай свой шестокъ. На чужой коровай рта не разѣвай. Честь дороже жизни. Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходи. Власть отъ Бога и волѣ моей перечить грѣхъ. Ласковый теленокъ двухъ матокъ сосеть“. Если же ты не проникнешься всею истинностью этихъ изреченій, а станешь перечить власти, то она спустить на тебя своихъ воиновъ, защитниковъ отечества, и ты почувствуешь всю тяжесть ея мщенія. Стѣсняться средствами власть не станетъ; она въ порывѣ самозащиты пустить въ ходъ и арестъ, и одиночное заключеніе въ тѣсной и омерзительной тюрьмѣ, а затѣмъ будуть примѣнены и пытки нравственныхъ и

фізическія; не остановится она и передъ плахою. А по-тому бойся, дрожи, не перечь власти ни въ чѣмъ и, главное, не оспаривай ея права дѣйствовать по ученію міра, а не по заповѣди Христа.

И до того забиты съ дѣтства умственныя способности дѣтей міра сего, до того внушена имъ вѣра въ насилие, какъ въ главную опору безопасности общественной, что едва ли одинъ изъ тысячи, при первомъ знакомствѣ съ мыслью о непротивлѣніи, допустить возможность того, чтобы въ этомъ ученіи заключалось что-либо лучшее, чѣмъ проповѣдь презрѣнной трусости съ одной стороны, и всемирной анархіи—съ другой.

Да неужели человѣчество такъ уже хорошо охранено и защищено страхомъ личнаго насилия и обидѣ? Какое имѣютъ основаніе предполагать охранители узаконенныхъ безчинствъ и злодѣяній, что какъ только эти злодѣянія прекратятся, то немедленно: имъ на смѣну начнутъ люди другъ друга рѣзать? Увы! очень мало еще число людей, понимающихъ всю явную и безстыжую ложь такихъ утвержденій. Масса привыкла поклоняться насилию, и она молится на него въ видѣ меча, тюрьмы, висѣлицы. Этому Богу воздаютъ почести, учреждая во имя его псевдохристіанское священство, постоянная армія, флоты, народныя ополченія, крѣпости, арсеналы, суды исправительные и присяжные; на предложеніе же отложить всѣ эти возмутительныя дѣла въ сторону и повѣрить на слово тому, кого они же называютъ Богомъ своимъ, мы слышимъ полное ужаса восклицаніе:

— Отайдите отъ насть, не искушайте; дѣятельность ваша вредна; проповѣдь ваша клонится къ низверженію всѣхъ тѣхъ благъ, которыя завоевало себѣ человѣчество кровью и потомъ всѣхъ прежнихъ поколѣній. Не мучьте насть. Велика Діана Эфесская! Великъ мечъ, велика висѣлица, велика и благодѣтельна власть колесовать, четверто-

вать и убивать того, кто по произволу названъ преступникомъ.

Толпа вопить и, что ужаснѣе всего, это то, что она вопить искренно: „Что станетъ съ человѣчествомъ, если война и смертная казнь вдругъ будуть отмѣнены?!”

На алтарь бога *насилія* столько уже принесено жертвъ, что этихъ жертвъ хватило бы на заселеніе двадцати планетъ такихъ, какъ земля, а достигнута ли хотя бы одна однешенъкая цѣль?

Ничего неѣть, кромѣ отрицательныхъ результатовъ, и все же насилие остается богомъ толпы. Передъ его, залитымъ запекшееся кровью, алтаремъ человѣчество какъ будто порѣшило преклоняться во вѣки подъ звукъ барабана, подъ грохотъ орудій и подъ стоны окровавленнаго человѣчества.

10.

Заключеніе.

Великій непротивникъ — Христосъ, принесшій себя въ жертву за истину,—нашъ Пророкъ и Вождь.

Обезумѣвшіе отъ порывовъ желчной злобы люди, хотя и глухи до сихъ поръ на зовъ Его, но настанетъ время, и они услышатъ голосъ Христа, зовущій въ Царство Бога на землѣ. Голосъ тотъ поучаетъ насъ тому, что добро—единственный противникъ зла, что только добромъ можно побѣдить зло, и потому вѣра во всесильное превосходство добра надъ зломъ, истины надъ заблужденіемъ, правды надъ неправдой, любви надъ ненавистью, — есть основа ученія о непротивленіи.

Не противься обидѣ—обидой.

Да будутъ слова эти отличительнымъ правиломъ жизни на всѣ грядущія времена; да служать они компасомъ въ

плаваніи по пути къ человѣческому совершенствованію до тѣхъ поръ, пока всѣ люди, всѣ правительства и всѣ общественные установленія достигнутъ полной нравственной гармоніи съ великою и простою заповѣдью Бога:

Возлюби ближняго своего, какъ самого себя.

И тогда — любовь, это высшее имя Бога, будетъ со всѣми нами и во всемъ!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Доказательства изъ Св. Писанія.

Предшествующая глава была посвящена постановкѣ и разъясненію ученія о христіанскомъ непротивленіи; въ этой же главѣ я займусь представлениемъ доказательствъ истинности ученія, черпая ихъ въ Евангеліи.

Мы утверждаемъ, что непротивленію училъ Христосъ, и если намъ удастся доказать это, то всѣ люди, признающіе Христа своимъ Учителемъ, а тѣмъ болѣе тѣ, которые называютъ Его своимъ Богомъ, должны будуть признать истинность нашихъ убѣжденій.

Для достиженія этой цѣли прослѣдимъ внимательно черезъ всѣ четыре Евангелія, чemu училъ Христосъ, какіе Онъ подавалъ примѣры при борьбѣ съ зломъ, въ чемъ суть и каковъ духъ ученія Христа.

1.

Первое доказательство.

Въ изложениі Нагорной проповѣди у евангелиста Матея (гл. 5, ст. 38—41) находится первое доказательство. Чему поучаются эти слова? На кого это, сказавшаго: око за око, ссылается Иисусъ?

Прочтите слѣдующія выдержки изъ Книги Исходъ стихи 21—25; рѣчь идетъ о побояхъ беременной женщины: „А если будетъ вредъ, то отдай душу за душу, глазъ за глазъ,

зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу, обожженіе за обожженіе, рану за рану, ушибъ за ушибъ“, — тогда вы поймете, о комъ шла рѣчь во время Нагорной проповѣди.

Законы Моисея неумолимо жестоки. Въ Книгѣ Левитѣ въ главѣ XXIV, стихахъ 19-мъ и 20-мъ, находимъ повтореніе правила: око за око, переломъ за переломъ; во Второзаконіи находимъ правило о примѣненіи суда возмездія:

„Судьи должны хорошо изслѣдовать, и если свидѣтель тотъ, свидѣтель ложный, должно донесъ на брата своего, то сдѣлайте ему то, что онъ умышлялъ сдѣлать брату своему. Итакъ, истреби зло изъ среды себя. И прочія услышатъ и убоятся и не станутъ впредь дѣлать такое зло среди тебя. Да не пощадитъ его глазъ твой: душу за душу, око за око, зубъ за зубъ, рука за руку, нога за ногу. Какой кто сдѣлаетъ вредъ ближнему своему, тѣмъ должно отплатить ему“.

Здѣсь мы имѣемъ передъ собой перечень всѣхъ видовъ личныхъ обидъ, которыя надлежало наносить преступникамъ, здѣсь полный ихъ списокъ, начиная смертной казнью и кончая ушибомъ и царапиной. Тутъ же выражена и цѣль этихъ каръ: — Итакъ, истреби зло изъ среды себя.— Ясно ли теперь, на что ссылался Иисусъ, а если Онъ указывалъ на законы Моисея, говоря: „вамъ сказано то-то, а Я говорю вамъ, не такъ дѣлайте, а по Моему“, — то возможно ли еще поддерживать мнѣніе, что Иисусъ не отмѣнилъ закона: око за око.

„Вместо того, чтобы наносить ударъ за ударъ, вмѣсто того, чтобы привлекать обидчика къ суду,— говоритъ Христосъ, — ты лучше сдѣлаешь, если снесешь и вторичные побои или отдашь вмѣсто одной рубашки, которую хотятъ снять съ тебя, еще и кафтанъ твой“.

Что можетъ быть проще и яснѣе выражено, чѣмъ это правило: насколько Моисей и его толкователи возлагалиupo-

ванія на законъ возмездія, какъ на средство предотвращенія обидъ и насажденія добра, настолько Иисусъ порицаетъ именно этотъ способъ борьбы со зломъ. Онъ заувѣщаєтъ своимъ послѣдователямъ никогда не противиться злу возмездіемъ зла.

Одной ссылки на Нагорную проповѣдь достаточно для безспорного установленія вѣрности ученія о непротивлѣнії, но ученые богословы оспариваютъ даже эту очевидность.

2.

Уклончивыя толкованія этого текста.

Говорятъ, что слова Христа въ вышеуказанныомъ изреченіи иносказательны, что вслѣдствіе ихъ напряженной и сжатой формы выраженія, ихъ весьма опасно принимать слишкомъ буквально, и что они должны быть, какъ слѣдуетъ, определенно и обстоятельно разъяснены.

Я глубоко убѣжденъ, что все это мною выполнено въ 1-мъ параграфѣ настоящей главы и что толкованіе, изложенное въ томъ параграфѣ, есть единственно добросовѣстное и правильное разъясненіе изреченій Великаго Учителя.

Тотъ, кто сталъ бы утверждать, что Иисусъ порицаетъ безусловно всякаго рода и степень противленія злу, можетъ поддерживать свое утвержденіе только при ссылкѣ на буквальный смыслъ изреченія, и строгимъ логическимъ выводомъ изъ его утвержденій было бы то, что Иисусъ противорѣчитъ самому себѣ, противорѣчить собственному образу дѣйствій.

Съ другой стороны, и тотъ, кто сталъ бы увѣрять, что Иисусъ не имѣлъ намѣренія отмѣнять и запрещать личныя и судебныя возмездія, дозволенные закономъ Моисея, очутится бы тоже въ безвыходномъ положеніи передъ неразрѣшимиою задачей.

3.

Первое уклончивое толкование.

Говорятъ, напримѣръ: „Сомнѣваемся, чтобы слова Іисуса относились бы къ выдержкамъ изъ книгъ — Исходъ, Левитъ и Второзаконія. Вѣроятно, они относятся къ какимъ-нибудь позднѣйшимъ раввинскимъ лжетолкованіямъ, а также и къ народнымъ обычаямъ, въ силу которыхъ совершились частыя и жестокія возмездія“.

Такъ говорятъ совершенно голословно и въ подтверждение сказанного рѣшительно ничего привести не могутъ. Это только предположеніе. Если бы это предположеніе имѣло хотя бы тѣнь справедливости,—неужели бы Іисусъ нигдѣ не намекнулъ ни единимъ словомъ на то, что Онъ запрещаетъ злоупотребленіе, превышеніе закона Моисея.

А главное, о какихъ такихъ лжетолкованіяхъ можетъ быть рѣчь, какие народные обычай могли бы превысить звѣрство самыхъ узаконеній? Болѣе безчеловѣчно выражить законъ возмездія нельзя.

„Жизнь за жизнь, глазъ за глазъ“ и т. д.

Можно ли итти далѣе, можно ли превысить такія предписанія?

4.

Второе уклончивое толкование.

Другіе настаиваютъ на томъ, что Христосъ говорилъ только о важности точнаго исполненія судебныхъ карь и о томъ духѣ справедливости, съ которымъ законныя возмездія зломъ за зло должны быть примѣняемы.

— Христосъ не запрещаетъ самаго дѣянія,—говорятъ они,—Онъ запрещаетъ только мстительность и злобный духъ при отправленіи судебнай защиты. Необходимо, въ видѣ справедливаго возмездія, и жизнь отнимать за жизнь,

необходимо дѣлающимъ зло отвѣтить тѣмъ же, необходимо оставить въ силѣ право самозащиты даже до отнятія жизни у нападающаго, но все это должно совершаться безъ лишнихъ жестокостей, безъ мстительности, цѣль всѣхъ этихъ дѣлъ должна быть воспитательно сочувственная по отношенію къ преступнику и строго благоговѣйная къ святынїи закона.

Изъ этого мягкаго, сглаживающаго объясненія возможнѣй только одинъ выводъ, именно тотъ, что Іисусъ ровно ничего новаго не сказалъ, ничего такого, чтобы не было сказано уже Моисеемъ и его толкователями. И Моисей не узаконивалъ личной ненависти, не предписывалъ злобу, мстительность и особенную жестокость при исполненіи наказаній, налагаемыхъ по суду. И тамъ мы встрѣчаемъ изреченія, въ родѣ слѣдующихъ:

„Не мсти и не имѣй злобы на сыновъ народа твоего.
„Не возставай на жизнь ближняго твоего.
„Не враждуй на брата твоего въ сердцѣ твоемъ.
„Не обижай ближняго твоего и не грабительствуй.
„По правдѣ суди ближняго твоего (Лев. 19).

„Если будетъ тяжба между людьми, то пусть приведутъ ихъ въ судъ и разсудятъ ихъ, праваго пусть оправдаются, а виновнаго осудятъ. И если виновный достоинъ будетъ побоевъ, то судья пусть прикажетъ положить его и бить при себѣ, смотря по винѣ его, по счету. Сорокъ ударовъ можно дать ему, а не болѣе, чтобы отъ многихъ ударовъ братъ твой не былъ обезображенъ предъ глазами твоими (Втор. 25, 1—3).

Изъ только-что приведенныхъ выдержекъ и изъ многихъ другихъ постановленій Моисея видно, что, несмотря на строгость его законовъ, онъ не дозволялъ ни личной ненависти, ни мщенія, ни жестокости при наказаніи преступника. Увѣрять, что Христосъ запрещалъ только духъ личной мстительности, злобы и жестокости при исполненіи

судебныхъ приговоровъ, значить умалять значеніе проповѣди Иисуса, значить низводить его учение до слабаго отголоска Моисеевыхъ положеній, тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ Христосъ возстаетъ именно противъ самаго дѣянія, противъ самаго акта личнаго насилия, личной обиды, хотя бы и преступника, и, разрушая самую суть дѣянія, изгоняетъ и духъ насилия изъ христіанства.

Показное притворство любви къ преступнику при на-несеніи ему побоевъ, пытокъ и даже смерти, которыми прикрывается судебное возмездіе, можетъ только усилить въ каждой чутко-христіанской душѣ чувство омерзѣнія къ учрежденію, которое прибѣгаеть къ такой очевидной и нахальной неправдѣ. Какъ бы ласково, какъ бы вѣжливо, съ какими бы прибаутками ни приводили приговоръ въ исполненіе, но розги останутся розгами, подъ шпипрутенами тѣло будетъ разрываться на части, пытка будетъ пыткой и смерть останется смертью.

5.

Третье уклончивое толкованіе.

Затѣмъ говорять еще, что Иисусъ внушалъ обязательность обращенія къ суду и правительственныймъ учрежденіямъ для разрѣшенія своихъ недоразумѣній, что запрещеніе касается исключительно самосуда и частнаго отмщенія. Эта увертка такъ же хромаетъ, какъ и предшествующая. Сопоставленіе текстовъ не даетъ ни малѣйшаго указанія на то; напротивъ, мы читаемъ:

„Если кто по суду будетъ оттягивать у тебя рубаху, отдай ему и кафтанъ. Если кто станетъ принуждать тебя итти съ нимъ одно поприще, пройди съ нимъ два. Мирись, не доходя до суда, потому что по суду ты можешь лишиться не только рубахи, но даже высшаго своего блага—свободы. Не ходи въ судъ, потому что, вѣрно го-

ворю тебѣ, не выйдешь ты изъ него, пока не лишишься послѣдней полушки. Не противься!"

Эти наставлениа никакъ уже не походять на поученіе объ обращеніи къ суду для возстановленія своихъ правъ, и нѣтъ во всемъ Евангеліи ни единаго слова, которое можно бы было привести въ защиту разбираемаго толкованія.

Христосъ никогда не обращался къ людскимъ судамъ. Приходившему къ Нему съ просьбой разобрать ихъ наслѣдственныя недоразумѣнія Онъ отвѣтилъ, что Онъ пришелъ не судить, а миловать,—и поддерживать такія нелѣпыя представленія о взглядахъ Христа значитъ унижать Его свѣтлую личность.

6.

Четвертое уклончивое объясненіе.

Предполагаютъ такъ же, что Христосъ не одобрялъ мелкую мстительность и сутяжничество, но не запрещалъ дѣятельности карательной и судебной въ важныхъ, крайнихъ случаяхъ, когда затронутыми бываютъ важные, серьезные интересы.

Объясненіе это очень удобно, но и очень лживо.

Кто проведетъ ту грань, которая отдѣлитъ великое отъ мелкаго, важное отъ ничтожнаго, когда коснется вопросъ людскихъ интересовъ и дѣлъ? Потерпѣвшій одинъ можетъ решить съ исключительной своей точки зрѣнія, стоитъ ли нанесенный ему вредъ противленія: тяжбы, возмездія; онъ одинъ можетъ судить объ этомъ, а по его взгляду окажется, что мелкихъ обидъ и оскорблений и не существуетъ на землѣ, что всѣ обиды велики, всѣ онѣ невыносимы.

Ссылка же, дѣлаемая на Христа, совершенно не основательна. Нигдѣ нѣтъ даже намека на то, чтобы Иисусъ дѣлалъ какую бы то ни было сортировку, раздѣленіе зла на великое, среднее и малое. Онъ вообще, огуломъ, осудилъ всякое насилие и всякое противленіе.

И это толкованіе, какъ и всѣ прочія, не что иное, какъ тщетная попытка мірского мудрствованія выхлопотать себѣ поблажку и снисхожденіе въ творимыхъ ими якобы христіанскихъ дѣяніяхъ, на корень и вѣтви которыхъ наложенъ запретъ ученіемъ Спасителя.

7.

Пятое уклончивое толкованіе.

Увѣряютъ также, что Іисусъ никогда не намѣревался дѣлать изъ правила: „Не противься“...—общее правило. Онъ будто бы предписывалъ его лишь первымъ своимъ послѣдователямъ въ видѣ указанія, какъ имъ поступать, когда ихъ будутъ гнать, притѣснять и преслѣдовать тѣ языческие правители, которымъ они были подвластны.

Въ этомъ толкованіи уже не умаляется личность Христа, а Ему уже приписываются совсѣмъ неблаговидныя побужденія. Какая робкая, прячущаяся осторожность!

Не противьтесь злу, когда у васъ нѣть силъ противиться ему. Покоряйтесь неодолимому гнету и насилию. Подставляйте щеки, поджимайте хвосты, какъ собаченки, если не можете защищаться,—но нападайте, какъ львы, когда вполнѣ убѣждены, что можете справиться съ врагомъ.

Для ума, способнаго усвоить себѣ представленіе о томъ, что таковъ смыслъ изреченія Христа, всѣ тексты эти сводятся къ слѣдующему общежитетскому правилу: покоряйся, когда больше дѣлать нечего; и покоряй всякаго врага и супостата, когда того можешь.

И это сказалъ Христосъ!

Если бы не то обстоятельство, что толкованіе это совершенно несообразно съ духомъ истиннаго христіанства, ни на чёмъ рѣшительно не основано и лишено всякой подкладки въ контекстахъ, то оно заслуживало бы, пожа-

луй, возраженій. Но въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется намъ, достаточно и одного упоминанія о немъ для его опроверженія.

8.

Шестое уклончивое толкованіе.

Самое распространенное уклончивое толкованіе состоитъ въ томъ, что противники закона непротивленія говорятъ, что имъ неизвѣстно, что именно имѣлъ въ виду Христосъ, говоря: не противъся злому; но что они убѣждены въ томъ, что изреченіемъ тѣмъ не запрещаются ни смертная казнь, ни тѣлесныя наказанія, ни оборонительныя войны, ни самозащита, потому что Иисусъ передъ изложениемъ этихъ правилъ сказалъ: „Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророки; не нарушить Я пришелъ, но исполнить. Ибо истинно говорю вамъ: доколѣ не прейдетъ небо и земля, ни одна юта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все. Итакъ, кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ малѣйшихъ и научитъ такъ людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ Царствіи Небесномъ, а кто сотворить и научить, тотъ великимъ наречется въ Царствіи Небесномъ“.

И какой же выводъ дѣлаютъ изъ этихъ словъ? А вотъ какой: такъ какъ Моисей повелѣлъ отнимать жизнь за жизнь, око за око и т. д., то и Иисусъ, не отмѣня ни одной юты изъ закона, не могъ имѣть намѣренія отмѣнять эти судебныя возмездія; что бы Онъ ни подразумѣвалъ въ своемъ поученіи, но ни одна черточка изъ заповѣдей Моисея и его послѣдователей не должна быть нарушена или не исполнена.

Въ отвѣтъ на это толкованіе можно замѣтить, что это скорѣе софистический вывертъ, чѣмъ чистосердечное, искреннее выраженіе, и что такой вывертъ былъ бы гораздо умѣст-

нѣе въ устахъ невѣрующаго, чѣмъ въ устахъ человѣка, исповѣдующаго христіанскую религию.

Истолкованіе уличаетъ Іисуса въ противорѣчіи съ самимъ собой. Онъ говоритъ: „Вы слышали, что было сказано (Моисеемъ и его толкователями): око за око, зубъ за зубъ, а Я говорю вамъ: не противься злому, а подставляй щеку, отдай кафтанъ, а не судись“. И Онъ же говоритъ совершенно противное, поучая: „Итакъ, кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ (даже ту, въ которой предписывается отнятіе жизни) и научить такъ людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ Царствѣ Небесномъ“.

Пусть такъ, допустимъ въ угоду лжетолкователей, что Христосъ противорѣчитъ самъ себѣ,—слѣдовательно, все противорѣчивое лишается вѣса и значенія; спрашивается, почему же противорѣчіе это не могло бы ровно настолько же служить доказательствомъ въ пользу непротивленія, какъ и въ пользу противоположнаго мнѣнія. Развѣ Іисусъ не одинаково авторитетенъ относительно самого себя въ отношеніи отмѣны закона, какъ и въ отношеніи утвержденія его? Понятно, что одинаково авторитетенъ. Слѣдовательно, противорѣчіе это будетъ лишать силы и значенія все свидѣтельство Христа, и разсужденія противниковъ нашихъ даютъ лишь пищу полному невѣрію.

Принимая на слово толкованіе нашихъ противниковъ о іотѣ и чертѣ, весь христіанскій міръ возвращается, связанный по рукамъ и по ногамъ, прямо въ іудейство со всѣми его іотами и чертами. Воскрешается вся еврейская обрядность, такъ же какъ и нравственный и судебный сводъ узаконеній, разрѣшеній и запрещеній Моисея: и обрѣзаніе, и жертвоприношенія, и всѣ заповѣди обѣ омовеніяхъ, бритьѣ, лѣченіи прыщѣй,—все, и великое и безобразное, равно становится обязательнымъ.

Многія узаконенія Моисея были отмѣнены, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они были безусловно нарушены или

остались неисполненными. Многие изъ слабыхъ намековъ стали сутью, многие возродились и усовершенствовались, изъ первообразовъ и иносказаний стали дѣйствительностью. Иные утерялись въ буквальномъ своемъ смыслѣ, но зато тѣмъ болѣе сохранили свой духъ. Всѣ они сдѣлали свое дѣло или еще продолжаютъ дѣлать его, составляя самую суть христіанства.

Не такъ ли и желалъ быть понятымъ Христосъ, когда сказалъ, что пришелъ не нарушить законъ и пророковъ, но исполнить. Хотѣлъ ли Онъ исполнить „букву“ и формы, намеки и первообразы заповѣдей или самую сущность ихъ въ полной дѣйствительности ихъ духовнаго совершенства?

Ясно, что послѣднее.

Отмѣнивъ клятву, отмѣнилъ ли Онъ правду? Снялъ ли съ людей обязательство говорить одну истину? Ослабилъ ли Онъ засвидѣтельствованіе истины?

Шѣтъ! Онъ усилилъ, онъ превознесъ истину.

Запрещая своимъ послѣдователямъ поносить кого-либо въ видахъ противленія злу, разрѣшилъ ли Онъ имъ не исполнять хотя бы на одну іоту закона любви, обязательства любить ближнихъ, какъ самихъ себя и поступать съ другими людьми такъ, какъ бы хотѣлось, чтобы поступали съ нимъ другіе? Ослабилъ ли Онъ этотъ великий законъ? Если бы Его мнимые послѣдователи исполняли въ точности божественное Его ученіе относительно обращенія съ обидчиками, хуже ли отъ того жилось бы на землѣ?

Наврядъ ли найдется смѣльчакъ, который отвѣтилъ утвердительно на этотъ вопросъ; мы же знаемъ, что наше ученіе о христіанскомъ непротивлѣніи есть вся праведность закона и пророковъ въ ея полномъ совершенствѣ и истинной славѣ.

9.

Зачѣмъ отвѣтать на уклончивыя толкованія.

Я тщательно отмѣтилъ всѣ различныя толкованія словъ Христа, такъ какъ всѣ они только тщетныя попытки, направленные къ тому, чтобы, миновавъ прямой смыслъ сти-ховъ Матея главы 5-ой, лишить ихъ законной силы и не допустить, чтобы изреченія эти стали бы основными тек-стами разсматриваемаго ученія. Я отмѣтилъ лжетолкова-нія эти не потому, чтобы я считалъ ихъ стоящими того самихъ по себѣ, но потому, что всѣ они и приводились и выставлялись, какъ убѣдительные доводы почтенными вѣ-рующими людьми даже духовнаго сана въ ихъ борьбѣ про-тивъ истины.

Необходимо опровергать ложь, даже нелѣпую, чтобы за-щитить отъ извращенія извѣстнаго рода убѣжденія людей хотя и добросовѣстныхъ, но способныхъ быть сбитыми съ толку своеобразными разъясненіями тѣхъ пастырей, отъ которыхъ привыкли заимствовать сви религіозныя воззрѣнія.

Считаю доказаннымъ, что глава 5-я отъ Матея, стихи 38-ой по 41-ый, составляетъ неопровергимое доказатель-ство истинности ученія о христіанскомъ непротивлѣніи.

10.

Второе доказательство.

„Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благоворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“ (Мат. гл. 5-ая, ст. 43 и 44).

Кѣмъ именно было сказано: „люби ближняго и нена-видь врага“, достовѣрно мнѣ не извѣстно. Нужно пола-

гать, что это изреченье съ давнихъ временъ было народной поговоркой среди іudeевъ, но по духу своему поговорка эта имѣеть одинаковое происхождение, какъ и за-вѣтъ: „око за око“; она безспорно дышить тѣмъ же не-примиримымъ духомъ, какъ и слѣдующія выдержки изъ Ветхозавѣтныхъ книгъ:

„Если услышишь о какомъ-либо изъ городовъ твоихъ, которые Господь Богъ твой даетъ тебѣ для жительства, что появились въ немъ нечестивые люди изъ среды тебя и соблазнили жителей города того, говоря: пойдемъ и будемъ служить богамъ инымъ, которыхъ вы не знаете, и ты разыскалъ и изслѣдовалъ, и хорошо разспросиль, и если это точная правда, что сдѣлана такая мерзость среди тебя, то умертви жителей этого города остріемъ меча, истреби его и все что въ немъ, и скотъ его умертви остріемъ меча. Всю же добычу его собери на средину площади его и сожги огнемъ городъ и всю добычу его во всесожженіе Господу Богу твоему, и да будетъ онъ вѣчно въ развалинахъ, не должно никогда вновь созидать его“ (Второз. гл. 13-ая, ст. 12—17). А въ городахъ этихъ на-родовъ, которые Господь Богъ твой дастъ тебѣ во вла-дѣніе, не оставляй въ живыхъ ни одной души, но истреби ихъ: хетеевъ и аморреевъ, хананеевъ и ферезеевъ, ев-сеевъ и іевусеевъ, какъ повелѣлъ тебѣ Господь Богъ твой“ (Второз. гл. 20-ая, ст. 16—17). Не вступай съ ними въ союзъ и не щади ихъ“ (Второз. гл. 7-ая, ст. 2).

Въ такомъ же душевномъ настроеніи возносить и Да-видъ моленія свои къ Богу: „Господи, будь соперникомъ противъ соперниковъ моихъ, срази сражающихся со мной, возьми щитъ и латы и возстань на помошь мнѣ, обнажи копье и сѣкиру противъ преслѣдующихъ меня, скажи душѣ моей: твое спасеніе—Я. Да постыдятся и осрамятся ищущіе души моей, да будутъ отражены назадъ и да будутъ посрамлены умышляющіе мнѣ зло, да будутъ они,

какъ мякина передъ вѣтромъ, и ангель Господень да прогонить ихъ, да будетъ путь ихъ скользокъ и мраченъ, и ангель Господень да преслѣдуетъ ихъ“ (Псаломъ 35, ст. 1—8).

Съ одинаковыемъ несочувствіемъ къ идолопоклонничеству и ко всѣмъ преступленіямъ тѣхъ, кого Ветхій Завѣтъ признаетъ беззаконниками и называетъ врагами, но въ поразительную противоположность дозволенной ненависти и предписываемому миценію, Иисусъ говоритъ слова, непримиримыя съ гоненіемъ и преслѣдованіемъ, слова, отрицающія всякия войны, жестокости и обиды.

Какъ же должны поступать христіанскія семьи, общины, государства? Могутъ ли они дѣйствовать противъ обидчиковъ и враговъ своихъ иначе какъ непротивлѣніемъ?

О! если бы всѣ люди благословляли, благотворили и молились бы за злѣйшихъ враговъ своихъ, за притѣснителей и гонителей своихъ, какая побѣда была бы одержана надъ зломъ! Вотъ это-то и есть та великая любовь и то божественное примѣненіе любви, которую и проповѣдуетъ Иисусъ.

Можетъ ли истинный христіанинъ воздвигнуть висѣлицу или зажечь костеръ? Можетъ ли онъ пытать или участвовать, хотя бы косвенно, въ тѣлесномъ наказаніи, военномъ дѣлѣ, или даже дозволять жестокости отдѣльному лицу, сословію или обществу? Развѣ любить враговъ своихъ, развѣ благословлять проклинающихъ его, благотворить ненавидящихъ и молится за обижающихъ его тотъ, который вѣшаетъ, разстрѣливаетъ, пытаетъ, побиваетъ камнями? Развѣ любить, не то что враговъ, а людей вообще, тотъ, который подъ присягою даетъ обѣтъ гнать, бить и убивать всякаго, на кого ему укажетъ другой человѣкъ?

Въ дополненіе и разъясненіе ученія своего, Христосъ говоритъ: „если бы Отецъ вашъ не любилъ бы враговъ своихъ, не благословляль бы проклинающихъ Его, не

благотворилъ бы ненавидящихъ Его, то солнце не свѣтило бы, какъ свѣтить теперь—и злымъ и добрымъ; дождь не орошалъ бы поля праведныхъ и неправедныхъ; спасеніе не спадало бы съ неба для погибшихъ. Проникнитесь же духомъ Отца, подражайте Его благости. Будьте дѣтьми Еgo. Любите всепрощающей любовью.

Что можетъ быть яснѣе этой рѣчи, что можетъ быть чище, выше, духовно - совершенѣе и нравственно - прекраснѣе? Всесовершенная же любовь, выраженная дѣлами жизни, и будетъ истиннымъ христіанскимъ непротивлениемъ.

11.

Третье доказательство—всепрощеніе.

Молитесь же такъ: „Отче нашъ... И прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ.

„Ибо, если вы будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то простить и вамъ Отецъ вашъ небесный. А если не будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то и Отецъ вашъ не проститъ вамъ согрѣшений вашихъ“ (Мат. гл. 6, ст. 12, 14, 15).

„Тогда Петръ приступилъ къ Іисусу и сказалъ: Господи! Сколько разъ прощать брату моему, согрѣшившему противъ меня; до семи ли разъ? Іисусъ говоритъ ему: Не говорю тебѣ: до семи,—но до седмижды семидесяти разъ“ (Мат. гл. 18-ая, ст. 21 и 22).

„И когда стоите на молитвѣ, прощайте, если что имѣете на кого, дабы Отецъ вашъ небесный простилъ вамъ согрѣшенія ваши. Если не прощаете, то и Отецъ вашъ небесный не проститъ вамъ согрѣшений вашихъ“ (Мар. гл. 11-ая, ст. 25 и 26).

„Не судите, и не будете судимы, не осуждайте и не будете осуждены, прощайте и прощены будете“ (Лук. гл. 6-ая, ст. 37).

Ясно, какъ день, что во всѣхъ этихъ выдержкахъ Иисусъ говоритъ не о завистливомъ злопамятствѣ, не о безпричинномъ гнѣвѣ, и даже не о злой волѣ,—Онъ вездѣ въ рѣчи своей предполагаетъ, что обида нанесена дѣйствительно такая, которая по закону „око за око“ или по старому обычному праву можетъ быть справедливо наказана нанесенiemъ равнаго зла. Онъ не заглаживаетъ вину обидчика, не отрицаetъ злого дѣла преступной стороны, не требуетъ, чтобы неправда ея была признана правдой. Онъ обращается къ потерпѣвшему, къ справедливо жалующемуся, и говоритъ: „а ты прости ему, прости такъ, чтобы въ душѣ твоей не оставалось къ нему и тѣни недоброжелательства, прости ему не на срокъ, не условно, а искренно и навсегда, прости такъ, чтобы воспоминаніе объ обидѣ изгладилось бы изъ памяти твоей, и чувство боли, вызванное причиненнымъ зломъ, замѣнилось бы чувствомъ сожалѣнія и состраданія къ заблужденіямъ обидившаго тебя“.

„Отче! прости имъ, не вѣдаютъ бо, что творять“.

Всѣ мы грѣшны передъ Отцомъ и по закону возмездія всѣ должны бы быть наказаны рукою Его; единственная же причина нашего примиренія и общенія съ Нимъ, единственная и исключительная причина продленія Его благодѣяній, Его милости въ благости Его. Отецъ Богъ постоянно благословляетъ насть, несмотря на наши пороки, и тѣмъ самymъ указываетъ и намъ на обязанность прощать ближнимъ ихъ грѣхи противъ насть. Богъ требуетъ, чтобы мы поступали съ другими людьми такъ, какъ мы желаемъ, чтобы Богъ поступалъ съ нами, воздерживались бы отъ наказанія нашихъ обидчиковъ и дѣлали бы имъ добро, какъ мы желаемъ, чтобы Богъ дѣлалъ намъ добро и былъ долготерпѣливъ, несмотря на наши прегрѣшенія. Если же мы простимъ искренно, въ то время, когда сами просимъ о помилованіи, это докажетъ нашу искренность

и подготовить наши души къ воспринятію Божьяго прощенія. И Богъ приметъ нась, и будетъ въ общеніи съ нами, потому что мы уже не будемъ ставить между Имъ и нами непреодолимой преграды,—преграды Его всеобъемлющей любви и милосердію.

Но если мы сами, умоляя о пощадѣ, не будемъ милосердны къ виновнымъ противъ нась, если, моля о прощенніи, мы задумываемъ миценіе, если, прося, чтобы съ нами поступлено было несравненно лучше, чѣмъ мы заслуживаемъ того, въ то же время мы будемъ считать согрѣшившихъ противъ нась достойными наказанія,—то ясно, что тѣмъ самymъ мы заявляемъ о своей неискренности, мы какъ бы издѣваемся надъ правдою Бога и жестокосердечiemъ своимъ ставимъ непреодолимую преграду Еgo любви и милосердію. Онъ по существу своему Всепрощающей Отецъ, но Онъ всепрощеніе свое не можетъ распространить на нась—непрощающихъ; духъ нашъ сопротивляется Его духу. Мы отказываемся отъ поклоненія Ему „въ духѣ и истинѣ“, мы остаемся само-изгнанными изъ Его присутствія—непрощающими и непрощенными.

Только въ духѣ человѣческаго всепрощенія возможно сліяніе съ Богомъ.

Таково ученіе Христа.

Какое благословенное ученіе для всѣхъ кроткихъ, милосердныхъ людей! И то же, какъ ужасно оно для всѣхъ жестокосердныхъ, безжалостныхъ, находящихъ наслажденіе въ строгихъ человѣческихъ карахъ! Мы и молиться не можемъ въ карающемъ другихъ людей духѣ, не нанося тѣмъ оскорблениія Всепрощающему Отцу, не накликая на себя наказаній за собственныя дѣянія. Какая это страшная, грозная мысль! И эту мысль Іисусъ, какъ горящій уголь, принесъ съ алтаря Бога и вложилъ въ совѣсть каждого изъ учениковъ своихъ. И несмотря на то, миллионы людей, считающихъ себя исповѣдующими Христову вѣру, дозво-

ляютъ войну, допускаютъ смертную казнь и всю цѣль уголовныхъ наказаній; они помогаютъ или же потакаютъ имъ, и всѣ ежедневно говорятъ Богу: „прости намъ, яко же и мы прощаемъ должникамъ нашимъ“. Имъ кажется, что не къ нимъ обращены слова пророка Исаи: „Взытай громко, не воздерживайся, возвыси голосъ свой, подобно трубѣ, и объяви Моему народу о преступленіяхъ его и дому Іакова о грѣхахъ его, ибо каждый день они ищутъ Меня и желаютъ узнать Мои пути, какъ бы народъ, поступающій справедливо и не оставляющій закона Бога своего“.

Это приближеніе къ Богу одними словами, когда сердце далеко отъ Него, къ несчастію, обыденное явленіе, но никогда ложь этого положенія не выступаетъ ярче, чѣмъ при смиренномъ моленіи о прощеніи Богомъ намъ прегрѣшній нашихъ въ то самое время, когда мы измышляемъ или приводимъ въ исполненіе кары тѣмъ, кто преступилъ условныя права личныя или общественные.

12.

Дальнѣйшія важныя доказательства.

„Иисусъ отвѣталъ: царство Мое не отъ міра сего; если бы отъ міра сего было царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ іудеямъ. Но нынѣ царство Мое не отъ міра сего“ (Іоаннъ гл. 18-ая, ст. 36).

Сравните этотъ текстъ съ 10-ой главою отъ Матея, со стихомъ 16-мъ:

„Вотъ Я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ: и такъ будьте мудры, какъ змѣи и просты, какъ голуби“.

Сравните также съ текстами отъ Луки, гл. 22-ая, стихъ 24-ый по 26-ой:

„Былъ же и споръ между ними, кто изъ нихъ долженъ

почитаться большими. Онъ же сказалъ имъ: цари царствуютъ надъ народами, и владѣющіе ими благодѣтелями называются. А вы не такъ: но кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій, и начальствующій, какъ служащий“.

Къ тому же разряду наставленій мы можемъ причислить и слѣдующій текстъ:

„И они пошли и вошли въ селеніе самарянское, чтобы приготовить для Него. Но тамъ не приняли Его, потому что Онъ имѣлъ видъ путешествующаго въ Іерусалимъ. Видя то, ученики Его, Іаковъ и Іоаннъ, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Илія сдѣлалъ? Но Онъ, обратившись къ нимъ, запретилъ имъ и сказалъ: не знаете, какого вы духа. Ибо Сынъ Человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать“ (Лук. гл. 9-ая, стихи 52—56).

„Тогда подошли, и возложили руки на Іисуса, и взяли Его. И вотъ одинъ изъ бывшихъ съ Іисусомъ, простерши руку, извлекъ мечъ свой и, ударивъ раба первосвященника, отсѣкъ ему ухо. Тогда говорить ему Іисусъ: возврати мечъ свой въ его мѣсто, ибо всѣ, взявшие мечъ, мечемъ погибнутъ“ (Мат. гл. 26-ая, ст. 50—52).

Вдумайтесь также въ значеніе повѣствованія о женщинѣ, уличенной въ прелюбодѣяніи, и въ заключительныя слова Христа: „И Я не осуждаю тебя (на смерть), иди и впредь не грѣши“ (Іоан. гл. 8-ая, стихи 3—11).

Всѣ приведенные мѣста служатъ какъ бы практическимъ поясненіемъ къ положительнымъ правиламъ ученія Христа. Его царство не отъ мира сего и потому исключаетъ всякия воинственные средства защиты. Его посланники идутъ на дѣло проповѣди безоружные, какъ овцы среди волковъ. Ученикамъ Его внушается, что не должно быть борьбы изъ-за высшихъ положеній, что мѣстничество—чувство языческое, христіанинъ же, занимая высшее положе-

ніе, тѣмъ самыи обязываются доказать, что онъ достоинъ его добровольной готовности быть первымъ слугой своихъ согражданъ и управлять ими только посредствомъ вліянія своей нравственно-полезной месци. Въ отвѣтъ на враждебныя чувства отвѣтчать недоброжелательствомъ нельзя, нельзя призывать на враждебно настроенныхъ чудотворный огонь съ неба. Такое пожеланіе свидѣтельствуетъ о томъ, что духъ христіанства не усвоенъ призывающимъ на обидчика кару небесную, потому что назначеніе Сына человѣческаго не губить жизнь, а спасать ее. Непротивленіе злу зломъ должно быть неизмѣннымъ правиломъ послѣдователя Христа вездѣ и всегда, даже въ томъ случаѣ, когда предстояло защитить Его, Праведника, измѣннически преданаго въ руки буйной и жестокой толпы. „Не извлекай никогда ни для какой цѣли меча изъ ноженъ, потому что всѣ, взявши мечъ, мечемъ и погибнутъ“.

Возможно ли въ виду столь поразительно ясныхъ, другъ друга поддерживающихъ, неопровергимыхъ доказательствъ изъ Евангелия не проникнуться всею душой глубокимъ убѣжденіемъ истинности ученія о непротивленіи. А несмотря на все, грязный потокъ ученія міра вздымается противъ него и заливаетъ его мутными волнами.

13.

Апостольскія свидѣтельства.

„И не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, чтобы вамъ познавать, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная“.

„Благословляйте гонителей вашихъ; благословляйте, а не проклинайте“.

„Никому не воздавайте зломъ за зло, но пекитесь добромъ передъ всѣми человѣками“.

„Не мстите за себя, возлюбленные, не дайте мѣсто

гнѣву Божію. Ибо написано: Ми отмщеніе, Я воздамъ, говорить Господь. Итакъ, если врагъ твой голоденъ — на-корми его, если жаждетъ — напой его; ибо, дѣлая сіе, ты соберешь ему на голову горячіе уголья“ (Притч. гл. 25-я, стихи 22—23).

„Не будь побѣжденъ зломъ, но побѣждай зло добромъ“ (Посланіе къ Римлянамъ гл. 12-ая, стих. 2, 14, 17, 19 и 21-й).

„Какъ смѣеть кто у васъ, имѣя дѣло съ другимъ, судиться у нечестивыхъ, а не у святыхъ?“

„И то уже весьма унизительно для васъ, что вы имѣете тяжбы между собою. Для чего бы вамъ лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вамъ лучше не терпѣть лишенія?“ (1-ое посланіе къ Коринтоянамъ, гл. 6-ая, стих. 1 и 7).

„Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуемъ. Оружія воинствованія нашего не плотскія, но сильныя Богомъ на разрушение твердынь: ими ниспровержаемъ замыслы и всякое превозношеніе, возстающее противъ познанія Божія, и плѣняемъ всякое помышленіе въ послушаніе Христу“ (2-ое посланіе къ Коринтоянамъ, гл. 10-ая, стих. 3—5).

„Плодъ же духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. На такихъ нѣтъ закона. Но тѣ, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями. Если мы живемъ духомъ, то по духу и поступать должны“ (Посланіе Галатамъ, гл. 5-ая, стих. 22—25).

„Гнѣваясь, не согрѣшайте: солнце да не зайдетъ въ гнѣвѣ вашемъ. Всякое раздраженіе и ярость, и гнѣвъ, и крикъ, и злорѣчіе со всякою злобой да будутъ удалены отъ васъ“ (Посланіе къ Ефесянамъ, гл. 4-ая, стих. 26, 31).

„Итакъ, облекитесь, какъ избранные Божіи, святые и

възлюбленные, въ милосердіе, благость, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе“ (Посланіе къ Колосянамъ, гл. 3-я, стихъ 12).

„Смотрите, чтобы кто кому не воздалъ зломъ за зло; но всегда ищите добра и другъ другу и всѣмъ“ (Посланіе Фессалоникийцамъ, гл. 5-ая, стихъ 15).

„Посему и мы, имѣя вокругъ себя такое облако свидѣтелей, свергнемъ съ себя всякое бремя и запинающей насъ грѣхъ, и съ терпѣніемъ будемъ проходить предлежащее намъ поприще, взирая на начальника и совершиителя вѣры Иисуса, Который, вмѣсто предлежащей Ему радости, претерпѣль крестъ, пренебрегши посрамленіе, и возсѣлъ одесную Престола Божія. Помыслите о Претерпѣвшемъ такое надѣ Собою поруганіе отъ грѣшниковъ, чтобы вамъ не изнемочь и не ослабѣть душами вашими“.

„Старайтесь имѣть миръ со всѣми и святость, безъ которой никто не увидитъ Бога“ (Посланіе къ Ереямъ, гл. 12-ая, стих. 1—3, 14).

„Итакъ, братя мои возлюбленные, всякий человѣкъ да будетъ скорѣ на слышаніе, медленѣ на гиѣвъ, медленѣ на слова. Ибо гиѣвъ человѣка не творить правды Божіей“ (Посланіе Іакова, гл. 1-ая, стих. 19—20).

„Откуда у васъ вражды и распри? Не отсюда ли, отъ вожделѣній вашихъ? Итакъ, покоритесь Богу, противостоянте дьяволу, и убѣжитъ отъ васъ“ (Посл. Іакова, гл. 4-ая, стихъ 1 и 7-ой.)

„Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Богѣ, переносить скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки? Но если, дѣлая добро и страдая, терпите, — это угодно Богу. Ибо вы къ тому призваны, потому что и Христосъ пострадалъ за васъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его. Будучи злословимъ, Онъ не злословилъ взаимно, страдая, не угрожалъ, но предавалъ то

Судії Праведному“ (1-ое посланіе ап. Петра, гл. 2-ая, стих. 19—21, 23).

„И кто сдѣлаетъ вамъ зло, если вы будете ревните-лями доброго? Но если и страдаете за правду, то вы блаженны; а страха ихъ не бойтесь и не смущайтесь. Ибо, если угодно волѣ Божіей, лучше пострадать за добрыя дѣла, нежели за злые. Потому что и Христосъ, чтобы привести нась къ Богу, однажды пострадалъ за грѣхи наши, Праведникъ за неправедныхъ“ (Тамъ же, гл. 3, стих. 13—18).

Прочтите тамъ же главу 4-ую, стихи отъ 13-го по 19-й.

„Кто говоритъ, что пребываетъ въ Немъ, тотъ долженъ поступать такъ, какъ Онъ поступалъ“.

„Кто говоритъ, что онъ во свѣтѣ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ“.

„И во тьмѣ ходить, и не знаетъ, куда идетъ, потому что тьма ослѣтила ему глаза“ (1-ое посланіе Іоанна, гл. 2-ая, стихи 6, 9 и 11).

„Не любящій брата пребываетъ въ смерти. Всякій, не-навидящій брата своего, есть человѣкоубійца; а вы знаете, что никакой человѣкоубійца не имѣеть жизни вѣчной, въ немъ пребывающей“ (Тамъ же, гл. 3-ья, стихи 14-ый и 15-ый).

„Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ нась пребываетъ, и любовь Его совер-шенна есть въ нась. Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ; ибо ненавидящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видить?“ (Тамъ же, глава 4-ая, стихи 12-ый и 20-ый).

14.

Общій обзоръ очевидныхъ доказательствъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію примѣровъ, препо-даныхъ самимъ Христомъ и Его апостолами послѣ Его

смерти. Найдемъ ли мы въ жизнеописаніи какъ Христа, такъ и Его апостоловъ, хоть бы одинъ случай лишенія жизни, угрозы о томъ, хотя бы одинъ случай употребленія оружія, служенія въ войскѣ, въ законодательныхъ, судебныхъ или исполнительныхъ должностяхъ? Прибѣгали ли они къ защитѣ судебной власти съ жалобами на обидчиковъ? Вчиняли ли они какіе-либо иски съ цѣлью возстановленія нарушенныхъ ихъ правъ? Выражали ли когда-нибудь свою причастность къ политическимъ, военнымъ или судебнымъ властямъ, чтобы обезпечить себѣ личную защиту или чтобы подвинуть впередъ дѣло распространенія христіанства?

На всѣ эти вопросы я съ увѣренностью отвѣщаю отрицательно.

Пусть каждый разыщетъ всѣ относящіяся къ этимъ вопросамъ мѣста по всему Новому Завѣту, и если затѣмъ будетъ доказано, что я правъ, пусть противники ученія о непротивлѣніи принудятъ свои умы къ покорности и согласію. Потому что, если и правило, и слово, и дѣло, и духъ, и примѣры во всѣхъ писаніяхъ Нового Завѣта окажутся согласными, то вопросъ о непротивлѣніи окажется рѣшеннымъ неопровергимо и безповоротно.

Мнѣ извѣстны всѣ возраженія противниковъ, знаю тѣ ссылки на тексты, которыя они дѣлаютъ съ особенной засосчивостью. Они говорять:

- А бичъ изъ веревокъ?
- А совѣтъ Иисуса купить мечи?
- А поданное апостоломъ Павломъ прощеніе на имя Цезаря?
- Его же, Павла, разсказать о военачальникѣ и о сорока человѣкахъ стражи, защитившихъ его отъ заговора?
- А вся 13-ая глава посланія къ Римлянамъ?

Ни одна изъ этихъ ссылокъ, ни всѣ онѣ, взятыя вмѣстѣ, не служатъ цѣлямъ противной стороны. Это я до-

кажду въ слѣдующей главѣ. Въ защиту же ученія о христіанскомъ непротивлѣніи служитъ цѣлый рядъ примѣровъ, даже цѣлая жизнь Христа, вполнѣ согласная съ тѣмъ ученіемъ. И долго еще послѣ смерти Христа ученіе это было краеугольнымъ камнемъ христіанства и примѣнялось христіанами первыхъ трехъ вѣковъ.

Во время искушениія въ пустынѣ начало зла предлагаєтъ Іисусу всѣ царства земныя, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы Онъ, падши ницъ, поклонился искусителю. Не на тѣхъ ли самыхъ условіяхъ предлагалась и предлагаєтся его послѣдователямъ мірская политическая власть? Особенный духъ воодушевляетъ всѣ человѣческія правительства — это духъ губительный, агель обиды, старый змій насилия. Это великая контролирующая власть у подножія трона, главный двигатель, крайнее прибѣжище и необходимая связь всѣхъ чисто мірскихъ властей. Торжественное признаніе этого духа, поклоненіе ему составляеть теперь, какъ и прежде, непремѣнное условіе, при которомъ человѣкъ можетъ принять какъ скипетръ и корону, такъ и самое ничтожное служебно-официальное назначение. Тотъ, кто хочетъ управлять, долженъ сперва преклониться передъ геніемъ насилия, долженъ присягнуть въ томъ, что будетъ поддерживать насилие власти мечомъ и судебнымъ возмездіемъ.

Эти же условія предлагались и Іисусу, а Онъ избралъ страданія и позоръ креста. Онъ — Царь сердецъ и совѣсти людской; царство Его не отъ міра сего, тогда какъ порфира отъ того и красна, что отъ Авеля и до нашихъ дней она периодически окрашивается въ крови праведниковъ.

По тѣмъ же соображеніямъ, когда народная толпа хотѣла провозгласить Христа царемъ, Онъ скрылся изъ виду толпы. Не захотѣлъ Онъ также быть судьей въ тяжебномъ дѣлѣ двухъ братьевъ. И хотя Онъ, Праведникъ, одинъ

изо всей собравшейся толпы, имѣлъ основаніе осудить женщину, уличенную въ прелюбодѣяніи, но Онъ не произнесъ приговора, не поднялъ камня.

Когда буйная жестокая толпа архіерейскихъ слугъ подъ предводительствомъ предателя напала на Него въ молитвенномъ уединеніи Геєсиманіи, Онъ не поднялъ оружія для самообороны, а остановилъ пылкаго ученика своего, вынувшаго мечъ изъ ноженъ; Онъ же терпѣливо отдалъ себя на муки и позоръ: „какъ агнецъ на закланіе“, и былъ „безгласенъ, какъ овца передъ стригущими ее“.

Враги сорвали съ Него одежду, нарядили въ шутовской царскій нарядъ, увѣнчали Его терніемъ, били, сѣкли, плавали Ему въ лицо, приговорили безвинно къ смерти, пригвоздили ко кресту между двумя разбойниками, даже въ смертный часъ издѣвались надъ Нимъ и отравляли послѣднія минуты Его жизни ядомъ своей ненависти. И ни одного слова угрозы или упрека, ни малѣйшаго укора не вырвалось изъ устъ Его. Съ краткимъ и скорбнымъ достоинствомъ перенесъ Онъ все и сокрушилъ навѣки духъ зла и насилия побѣдоносной молитвой своей: „Отче! прости имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ“.

15.

Первые христіане.

Обратимся теперь къ евангелистамъ и апостоламъ Распятаго и посмотримъ, какъ жили они и какъ умирали.

„Намъ, послѣднимъ посланикамъ, Богъ судилъ быть какъ бы приговоренными къ смерти, потому что сдѣлались позорищемъ для міра, для ангеловъ и человѣковъ. Даже донынѣ терпимъ голодъ и жажду, и наготу, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословятъ насъ — мы благословляемъ, гонять насъ — мы терпимъ, хулять насъ — мы молимся. Мы — какъ соръ для міра, какъ прахъ,

всѣми попираемый“ (1-ое посланіе къ Коринѳян., гл. 4-ая, стихи 9, 11—13).

Стефанъ былъ побитъ камнями, творя молитву: „Госпо-ди, не вмѣни имъ въ вину этотъ грѣхъ“.

Іаковъ былъ убитъ мечомъ, Петръ былъ распятъ, Павель обезглавленъ, и безчисленное число мучениковъ запечатлѣли исповѣданіе свое кровью своею. Въ тѣ дни всѣ послѣдователи Христа переносили и муки и казни ради креста неизмѣнно кроткими, терпѣливыми и непротивящимися,—они служили дивнымъ примѣромъ глубины и силы своихъ христіанскихъ убѣжденій. Никто изъ нихъ не стремился ни къ власти, ни къ должностямъ, никто не участвовалъ въ войскахъ, никто не подлаживался къ мірскимъ властямъ въ надеждѣ воспользоваться всесильнымъ ихъ вліяніемъ, никто изъ нихъ не участвовалъ ни въ бунтахъ, ни въ смутахъ, ни въ заговорахъ или возмущеніяхъ, никогда не полагая надеждъ на помошь физической вооруженной силы. Таковы были первые христіане среди того варварскаго, дико-воинственного общества, среди котораго имъ приходилось жить, и никогда они не проклинали, не брали и не оскорбляли своихъ гонителей. Научившись отъ Христа закону непротивленія, они слѣдовали ему въ дѣйствительномъ, истинномъ его смыслѣ.

Іустинъ-мученикъ, въ началѣ второго вѣка, объявляетъ, что „діаволъ—творецъ всякихъ войнъ“.

Тертулліанъ обличаетъ ношеніе оружія, говоря: „Неужели тотъ, кто не мстить за свои обиды, станетъ помогать другихъ заковывать въ цѣпи, заключать въ темницы, станетъ помогать мучить, пытать, убивать?“

Лактанцій объявляетъ: „Никогда не можетъ быть законнымъ для праведнаго человѣка ити на войну, такъ какъ его вооруженіе заключается въ его же праведности“.

„Мы находимъ,—говорить Кларксонъ,—въ твореніяхъ Афинагора и другихъ раннихъ писателей, что христіане

ихъ времени, когда ихъ били, воздерживались отъ нанесенія удара за ударъ и заходили въ убѣжденіяхъ своихъ такъ далеко, что даже отказывались ити судиться съ тѣми, кто обижалъ ихъ. Рѣчи этихъ первыхъ христіанъ были въ слѣдующемъ родѣ. Одинъ говоритъ: „незаконно для христіанина носить оружіе“, другой: „такъ какъ я христіанинъ, я отрекся отъ военнаго званія“; третій: „я—христіанинъ, и потому не могу сражаться“; четвертый (Максиміліанъ): „я не могу сражаться—лучше умереть, я—воинъ не отъ міра сего, я—воинъ Божій“. И за его вѣрность Христу онъ былъ казненъ.

16.

Свидѣтельство Цельзія и Гиббона.

Цельзій, языческій философъ половины второго столѣтія, написалъ трактатъ, направленный противъ христіанъ. Одно изъ главныхъ обвиненій, возводимыхъ имъ на христіанъ, заключается въ слѣдующемъ:

„Вы не хотите носить оружія,—говорить онъ,—для служенія имперіи, когда ваша служба нужна; если бы вся нація поступала бы согласно вашимъ правиламъ, имперія была бы порабощена варварами“.

Гиббонъ, популярный англійскій историкъ „Паденія Римской имперіи“, скептикъ относительно христіанства, случайно подтверждаетъ тотъ фактъ, что первые христіане были безусловные непротивники.

„Личную самозашиту и защиту собственности,—говорить онъ,—христіане никакъ не умѣли примирить со своей доктриной всетерпѣнія, предписывающей безграничное прощеніе прошлыхъ обидъ и повелѣвающей избѣгать обидъ новыхъ. Ихъ простота оскорблялась употребленіемъ присяги, торжественностью судебныхъ учрежденій и дѣятельной борьбой общественной жизни, и никакъ не могло ихъ че-

ловѣчное невѣжество убѣдиться въ томъ, что бываютъ случаи, въ которыхъ законно проливать кровь ближнихъ, мечомъ ли правосудія, мечомъ ли войны, даже въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда преступныя и враждебныя покушенія угрожали бы всей ихъ общинѣ“.

„Они чувствовали и сознавали, что такія установлениія (смертная казнь и пр.), можетъ-быть, и необходимы теперь, при существующихъ порядкахъ, и радостно покорялись власти всѣхъ своихъ языческихъ правителей, но, внушая правила пассивнаго послушанія, они въ то же время отказывались отъ принятія какого-либо участія въ гражданской администраціи и военной защитѣ имперіи“ (Часть 1-ая, стр. 24).

„Смиренные христіане были посланы въ міръ, какъ овцы среди волковъ, и такъ какъ имъ не дозволялось употреблять насилие даже и въ защиту своей религіи, то они вообразили, что будутъ тѣмъ болѣе преступны, если будутъ проливать кровь ближнихъ, отстаивая суетныя привилегіи или жалкія имущества этой преходящей жизни. Вѣрные ученію апостола, который и въ царствованіе Нерона проповѣдовывалъ обязательность безусловнаго повиновенія, христіане первыхъ трехъ вѣковъ сохранили чистой совѣсть свою отъ заговоровъ или возстаній. Переносимыя ими строгія преслѣдованія никогда не побуждали ихъ ни къ тому, чтобы встрѣтиться съ притѣснителями на полѣ битвы, ни къ тому, чтобы позорно скрыться отъ нихъ въ какой-нибудь отдаленный и потаенный уголокъ земного шара“ (Часть 2-ая, стр. 200).

Въ виду всѣхъ приведенныхъ доказательствъ возможно ли еще сомнѣніе въ томъ, что Іисусъ Христосъ, Его апостолы и первые христіане исповѣдовывали и проповѣдовывали то самое ученіе христіанскаго непротивленія, которое я и отстаиваю въ настоящемъ трудѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отвѣты на возраженія, ссылающіяся на Св. Писаніе.

Настоящая глава посвящается разбору возражений, которыхъ противники закона о непротивлении находятъ въ Св. Писаніи.

Наше толкованіе ученія Христа зиждется на убѣдительнѣйшихъ доказательствахъ, почерпнутыхъ въ Евангеліи. Убѣдительностью своего доказательства тѣ колеблятъ многие умы, ничѣмъ еще не подготовленные ни къ великой перемѣнѣ образа жизни по правиламъ ученія Христа, ни даже къ искреннему согласію съ самимъ ученіемъ. Вотъ эти-то колеблющіеся и укрываются подъ защиту возраженій, которыхъ находятъ якобы противники ученія о непротивлении въ томъ же Св. Писаніи. Они съ бахвалствомъ требуютъ, чтобы на ихъ возраженія были бы представлены удовлетворительные отвѣты. Слѣдуетъ, хотя бы ради приличія, исполнить это желаніе.

1.

Возраженіе первое. Отрицаніе Ветхаго Завѣта.

— Вы ссылаетесь, — говорятъ враги непротивлениія, — исключительно на писанія Нового Завѣта въ доказательство истинности ученія о непротивлении. Писанія же Ветхаго Завѣта безусловно противъ васъ. Писанія эти пред-

ставляютъ многочисленные поученія и примѣры въ оправданіе войны, въ оправданіе смертной казни и разнообразныхъ судебныхъ возмездій. Развѣ не вся Библія — слово Божіе? Какъ же вы берете на себя смѣлость отвергать и топтать подъ ноги весь Ветхій Завѣтъ? Если бы ваше учение было отъ Бога, истинность его доказывалась бы одинаково обоими Завѣтами.

— Это правда,— отвѣчу я;— я исключительно дѣлаль ссылки на писанія Нового Завѣта, съ цѣлью доказать истинность ученія о христіанскомъ непротивленіи. Сознаю, что весь Ветхій Завѣтъ, за малыми исключеніями, безусловно противенъ ученію непротивленія, но только тогда и до тѣхъ поръ, пока мы будемъ ссылаться на Ветхій Завѣтъ отдельно и независимо отъ откровеній Нового Завѣта. Я допускаю также, что вся Библія, при правильномъ взгляде на нее и при правильномъ истолкованіи, есть въ общемъ смыслѣ Слово Божіе. Но я не признаю, чтобы Ветхій Завѣтъ былъ бы такое же ясное, полное и совершенное Слово Божіе, какъ Завѣтъ Новый; не признаю также и того, чтобы Ветхій Завѣтъ, по вопросамъ правилъ и обязанностей, имѣлъ одинаковый авторитетъ съ Новымъ Завѣтомъ; ни того, наконецъ, чтобы онъ былъ правиломъ вѣры и образа дѣйствія для христіанъ.

Его слѣдуетъ почитать, какъ пророчество и подготовление къ Новому Завѣту, какъ первообразъ, какъ предназначено мое лучшаго въ будущемъ.

Если мнѣ удастся доказать, что истинный характеръ и истинное значеніе Ветхаго Завѣта именно таково, я тѣмъ самымъ опровергну рассматриваемое возраженіе. Мало того, я тѣмъ докажу, что питаю глубокоеуваженіемъ къ обоимъ Завѣтамъ, и что тѣ люди, которые провозглашаютъ, будто Ветхій Завѣтъ такъ же авторитетенъ, какъ и Новый, лишаютъ достовѣрности оба Завѣта и умаляютъ значеніе какъ того, такъ и другого.

Установимъ эту исходную точку, и пусть Писанія говорятъ сами за себя. То, что они скажутъ другъ о другѣ, должно решить вопросъ.

2.

Голосъ Нового Завѣта.

„Богъ, многократно и многообразно говорившій издревле отцамъ въ пророкахъ, въ послѣдніе дни сіи говорилъ намъ въ Сынѣ, котораго поставилъ наслѣдникомъ всего, черезъ котораго и вѣки сотворилъ“ (Пос. Евр. гл. 1-я, ст. 1 и 2).

„Итакъ, братія святые, участники въ небесномъ званіи, уразумѣйте Посланника и Первосвященника исповѣданія нашего, Іисуса Христа, который вѣренъ Поставившему Его, какъ и Моисей во всемъ домѣ Его. Ибо Онъ достоинъ тѣмъ большей славы предъ Моисеемъ, чѣмъ большую честь имѣеть въ сравненіи съ домомъ тотъ, кто устроилъ его. Ибо всякий домъ устраивается кѣмъ-либо, а устроившій все есть Богъ. И Моисей вѣренъ во всемъ домѣ Его, какъ служитель, для засвидѣтельствованія того, что надлежало возвѣстить, а Христосъ, какъ Сынъ въ домѣ Его. Домъ же Его—мы“ (Пос. Евр., гл. 3-я, ст. 1—6).

„Итакъ, если бы совершенство достигалось посредствомъ левитскаго священства (ибо съ нимъ сопряженъ законъ народа), то какая бы еще нужда была возставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться? Потому что съ перемѣнами священства необходимо быть перемѣнѣ и закона. Отмененіе же прежде бывшей заповѣди бываетъ по причинѣ ея немощи и безполезности. Ибо законъ ничего не довелъ до совершенства; но вводится лучшая надежда, посредствомъ которой мы приближаемся къ Богу. Того лучшаго закона поручителемъ сдѣлался Іисусъ“ (Пос. Евр. гл. 7-я стих. 11, 12, 18, 19 и 22).

„Но Сей Первосвященникъ получилъ служеніе тѣмъ пре-
восходнѣйшее, чѣмъ лучшаго Онъ ходатай завѣта, который
утвержденъ на лучшихъ обѣтованіяхъ. Ибо, если бы пер-
вый завѣтъ былъ безъ недостатка, то не было бы нужды
искать мѣста другому; но пророкъ, укоряя ихъ, говоритъ:
вотъ наступаютъ дни, говоритъ Господь, когда Я заключу съ
домомъ Израиля и съ домомъ Іуды новый завѣтъ, не такой
завѣтъ, какой Я заключилъ съ отцами ихъ въ то время,
когда взялъ ихъ за руку, чтобы вывестъ ихъ изъ земли Еги-
петской. Вотъ завѣтъ, который завѣщаю дому Израилеву
послѣ тѣхъ дней, говоритъ Господь: вложу законы Мои въ
мысли ихъ и напишу ихъ на сердцахъ ихъ, и буду ихъ
Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ. Говоря „новый“, по-
казалъ ветхость первого, а ветшающее и старѣющее близко
къ уничтоженію“ (Посл. Евр. гл. 8, стих. 6—13).

„Для чего же законъ? Онъ данъ послѣ по причинѣ
преступленій, до времени пришествія сѣмени, къ которому
относится обѣтованіе“.

„А до пришествія вѣры мы заключены были подъ стра-
жею закона, до того времени, какъ надо было открыться
вѣрѣ. Итакъ законъ былъ для насъ дѣтовородителемъ (пе-
дагогомъ) ко Христу, дабы намъ оправдаться вѣрою. По
пришествіи же вѣры, мы уже не подъ руководствомъ дѣ-
товородителя“ (Посл. Гал. гл. 3-я, стих. 19, 23—25).

„То вы, читая, можете усмотрѣть мое разумѣніе тайны
Христовой, которая не была возвѣщена прежнимъ поколѣ-
ніямъ сыновъ человѣческихъ, какъ нынѣ открыта святымъ
апостоламъ Его и пророкамъ Духомъ Святымъ“ (Посл. Еф.
гл. 3, стих. 4 и 5).

„Не потому, чтобы мы сами способны были помыслить
что отъ себя, какъ бы отъ себя, но способность наша
отъ Бога: Онъ далъ намъ способность быть служителями
Нового Завѣта, не буквы, но духа, потому что буква уби-
ваетъ, а духъ животворитъ. Если же служеніе смертонос-

нымъ буквамъ, начертанное на камняхъ, было такъ славно, что сыны Израилевы не могли смотрѣть на лицо Моисеево по причинѣ славы лица его проходящей,—то не гораздо ли болѣе должно быть славно служеніе духа? То прославленное даже не оказывается славнымъ съ сей стороны, по причинѣ преимущественной славы послѣдующаго. Ибо, если проходящее славно, тѣмъ болѣе славно пребывающее. Имѣя такую надежду, мы дѣйствуемъ съ величимъ дерзновеніемъ (открыто), а не такъ, какъ Моисей, который полагалъ покрывало на лицѣ свое, чтобы сыны Израилевы не взирали на конецъ проходящаго. Но умы ихъ ослѣплены: ибо то же самое покрывало донынѣ остается не снятымъ при чтеніи Ветхаго Завѣта, потому что оно снимается Христомъ. Донынѣ, когда они читаютъ Моисея, покрывало лежитъ на сердцахъ ихъ” (2-е посл. Коринт. гл. 3, стих. 5 по 8 и 10 по 15).

„Но, получивъ помощь отъ Бога, я до сего дня стою, свидѣтельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чемъ пророки и Моисей говорили, что это будетъ, т.-е., что Христосъ имѣлъ пострадать и, возставъ первый изъ мертвыхъ, возвѣстить свѣтъ народу (иудейскому) и язычникамъ” (Дѣян. гл. 26, стих. 22 и 23).

„Поелику мы услышали, что нѣкоторые, вышедши отъ насть, смущили васъ своими рѣчами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрѣзываться и соблюдать законъ, чего мы имъ не поручали. Ибо угодно Св. Духу и намъ не возлагать на васъ никакого бремени болѣе сего необходимаго: воздерживаться отъ идоложертвенного и крови, и удавленныи и блуда, и не дѣлать другимъ того, чего себѣ не хотите. Соблюдая сіе, хорошо дѣлаете” (Дѣян. гл. 15, стих. 24, 28 по 29).

„И во всемъ, въ чемъ вы не могли оправдаться закономъ Моисеевымъ, оправдывается Имъ всякий вѣрующій” (Дѣян. гл. 13, стих. 39).

„Моисей сказалъ отцамъ: Господь Богъ вашъ воздвигнетъ вамъ изъ братьевъ вашихъ Пророка, какъ меня; слушайтесь Его во всемъ, что Онъ ни будетъ говорить вамъ. И все пророки отъ Самуила и послѣ него, сколько ихъ ни говорили, также предозвѣстили дни сіи“ (Дѣян. гл. 3, стих. 22, 24).

„Не думайте, что Я буду обвинять васъ предъ Отцомъ: есть на васъ обвинитель Моисей, на котораго вы уповаєте. Ибо, если бы вы вѣрили Моисею, то повѣрили бы и мнѣ, потому что онъ писалъ о мнѣ. Если же его писания не вѣрите,—какъ повѣрите Моимъ словамъ?“ (Ев. Ioан. гл. 5-я, ст. 45—47).

„Мы нашли Того, о которомъ писали Моисей въ законѣ и пророки, Іисуса, сына Іосифова, изъ Назарета“ (Ев. Ioан. гл. 1, стих. 45).

„И сказалъ имъ: вотъ то, о чёмъ Я вамъ говорилъ, еще бывъ съ вами, что надлежитъ исполниться всему, написанному о мнѣ въ законѣ Моисеевомъ и въ пророкахъ, и въ псалмахъ“ (Ев. Лук. гл. 24, ст. 44).

„Законъ и пророки до Ioанна: съ сего времени Царство Божіе благовѣстуется, и всякий усиливъ входить въ него“ (Ев. Лук. гл. 16, стих. 16).

„Ибо говорю вамъ: изъ рожденныхъ женами нѣть ни одного пророка больше Ioанна Крестителя; но меньшій въ Царствіи Божіемъ больше его“ (Ев. Лук. гл. 7, стих. 28).

„Былъ человѣкъ, посланный отъ Бога; имя ему Ioанъ. Онъ пришелъ для свидѣтельства, чтобы свидѣтельствовать о свѣтѣ, дабы всѣ увѣровали чрезъ него. Онъ не былъ свѣтъ, но былъ посланъ, чтобы свидѣтельствовать о свѣтѣ. Былъ свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ. Ioанъ свидѣтельствуетъ о Немъ и, восклицая, говоритъ: Сей былъ Тотъ, о кото-ромъ я сказалъ, что Идущій за мною сталъ впереди меня, потому что былъ прежде меня. Ибо законъ данъ чрезъ

Моисея, благодать же и истина произошли чрезъ Иисуса Христа. Бога не видѣлъ никто никогда; Единородный Сынъ, сущій въ иѣдрѣ Отчемъ, Онъ явилъ“ (Ев. Иоан. гл. 1, стихъ 6—9, 15, 17 и 18).

„Іоаннъ сказалъ въ отвѣтъ: не можетъ человѣкъ ничего принимать на себя, если не будетъ дано ему съ неба. Ему должно расти, а мнѣ умаляться. Ибо Тотъ, котораго послалъ Богъ, говорить слова Божіи“ (Ев. Иоан. гл. 3, ст. 27, 30 и 34).

Вотъ перечень свидѣтельствъ писаній новозавѣтныхъ о Ветхомъ Завѣтѣ.

Мы слыхали заявленіе враговъ ученія о непротивленіи о томъ, что они признаютъ Новозавѣтныя Писанія одинаково авторитетными съ Ветхозавѣтными, заявленіе о томъ, что они всю Біблію признаютъ Словомъ Божіимъ. Слѣдовательно, остается только предложить имъ вопросъ: „Вѣрятъ ли они включительно и въ прямой выводѣ изъ только что приведенныхъ выдержекъ? Вѣрятъ ли они въ то, что Христосъ достоинъ большей славы, чѣмъ Моисей? Вѣрятъ ли они въ то, что Моисей былъ только служитель въ домѣ Отца, а Христосъ Сынъ и Хозяинъ въ собственномъ домѣ? Вѣрятъ ли они и въ то, что совершенства не было въ левитскомъ священствѣ, что Христосъ—Первосвященникъ по чину Мелхиседекову, что съ перемѣнами священства необходимо должна быть и перемѣна въ законѣ, что Моисеевъ законъ ничего не довелъ до совершенства, что Иисусъ былъ ходатаемъ лучшаго обѣтованія, лучшаго завѣта, что Ветхій Завѣтъ устарѣлъ и былъ близокъ къ уничтоженію, что законъ Моисея былъ только дѣтоворителемъ, цѣль котораго была привести человѣчество ко Христу, что Новый Завѣтъ не служеніе буквѣ, которое убиваетъ, а служеніе духу животворящему. Вѣрятъ ли они тому, что Ветхій Завѣтъ былъ служеніемъ смерти, слава котораго была преходящая и должна была быть отмѣнена, что христіан-

скія узаконенія, откровенія и обѣтованія превзошли славу ветхозавѣтную и что покрывало остается не снятымъ съ іудействующихъ умовъ и снято оно Христомъ? Вѣрять ли они тому, что все пророки и Моисей писали о Христѣ и обязательны были лишь до начала проповѣди Іоанна Крестителя, до начала проповѣди о Царствѣ Божіемъ? Вѣрять ли они, наконецъ, тому, что Христосъ — истинный свѣтъ міра?

Если оппоненты наши вѣрятъ этимъ новозавѣтнымъ утвержденіямъ, то что же остается отъ всѣхъ ихъ возраженій?

3.

Голосъ Ветхаго Завѣта.

Противорѣчить ли Ветхій Завѣтъ свидѣтельству Новаго? Называетъ ли онъ себя гдѣ-либо совершеннымъ и окончательнымъ откровеніемъ Бога съ требованіемъ для себя болѣе авторитетности, чѣмъ тотъ, который предписывается имъ Завѣту Новому? Развѣ Моисей не предсказывалъ Христа и не велѣлъ слушать Его во всемъ? Развѣ пророки не возвѣщали о будущемъ пришествіи Мессіи и обѣ установлениіи Новаго Завѣта, превосходящаго Синайскій Законъ? Развѣ всѣ прообразы и обѣтованія древнихъ откровеній не предполагаютъ болѣе совершенныхъ и славныхъ новыхъ откровеній? Нужно ли ссылаться на тексты Ветхаго Завѣта въ подтвержденіе того, что Ветхій Завѣтъ никогда себя не выдавалъ за окончательное откровеніе, а самъ себя всегда считалъ только подготовительной работой для проповѣди Христа. Сомнѣваться въ этомъ все равно, что сомнѣваться въ Божественномъ вдохновеніи обоихъ Завѣтовъ, т.-е. дѣлать именно то, противъ чего такъ ополчились наши оппоненты. Поступать, какъ поступаютъ они, равносильно лишенію достовѣрности всей Бібліи.

Итакъ, если Новый Завѣтъ требуетъ себѣ превосход-

ства передъ Ветхимъ, а этотъ послѣдній въ своихъ писаніяхъ, пророчествахъ и обѣтованіяхъ предвѣщаетъ и провозглашаетъ явленіе болѣе славнаго и совершеннаго откровенія и при этомъ подразумѣваетъ Новый Завѣтъ, то вопросъ рѣшенъ безповоротно.

Утверждать разногласіе Завѣтовъ, значитъ уличать оба Завѣта во лжи, и потому, доказывая солидарность всѣхъ Писаній Библіи, я не только не отвергаю Ветхаго Завѣта, но, напротивъ того, принимаю его свидѣтельство и воздаю ему должное почитаніе.

Обращаясь къ Новому Завѣту и принимая его за правило вѣры моей и за указаніе моего образа дѣйствій, я тѣмъ самымъ воздаю благоговѣйное почитаніе ученію Ветхаго Завѣта, тогда какъ тѣ, которые обращаются отъ совершенства Новаго Завѣта къ несовершенству Ветхаго, тѣ, которые обращаются отъ сущности къ тѣни, отъ солнечнаго свѣта къ свѣту искусенному съ цѣлью опредѣлить и выяснить свои христіанскія обязанности, этимъ образомъ дѣйствій топчутъ оба Завѣта и лишаютъ силы всю Библію.

Ветхій Завѣтъ вообще за Христа и за высшую авторитетность Его поученій, главной же заповѣдью Іисуса, практическимъ выводомъ изъ закона любви, является ученіе о непротивленії, слѣдовательно и Ветхій Завѣтъ *за* непротивленіе.

Вовлекающій Ветхій Завѣтъ въ споръ и борьбу съ Завѣтомъ Новымъ — не другъ ему, а врагъ обоимъ Завѣтамъ. И другомъ Моисея не можетъ быть тотъ, кто требуетъ для него равенства съ Христомъ. Покушеніе это превращаетъ вѣрнаго служителя, царскаго вѣстника, которому поручено предупредить народъ о приближеніи царя, въ соперника этому же царю, въ измѣнника своему повелителю. Но, несмотря на страшное логическое послѣдствіе подобныхъ соображеній, не было никогда недостатка въ людяхъ, ставящихъ Моисея даже выше Христа.

Моисей предсказалъ явленіе Пророка, котораго въ надлежашее время воздвигнетъ Господь, Моисей установилъ подготовленія къ пришествію того Пророка. Пророкъ тотъ былъ Христосъ.

Что же повелѣваетъ Моисей относительно благоговѣнія ко Христу?

„Слушайтесь Его во всемъ, что Онъ будетъ говорить вамъ“. И пришелъ въ міръ Тотъ, о комъ было предсказаніе, и говорилъ Онъ такъ, какъ ни одинъ человѣкъ не говорилъ до Него. Нѣкоторыя заповѣди Моисея онъ измѣнилъ, а другія безусловно отмѣнилъ.

Моисей, по жестокосердію народа, дозволилъ мужьямъ разводиться съ женами. Іисусъ безусловно запретилъ поступать такъ.

Моисей установилъ священную и судебную клятвы, внушиая самое строгое исполненіе клятвенныхъ обѣщаній.

„Я же говорю вамъ, не клянитесь вовсе“, — сказалъ Іисусъ.

Моисей сказалъ: жизнь за жизнь, око за око, зубъ за зубъ. Отмѣнилъ жестокій законъ этотъ Христосъ и сказалъ: „А Я говорю вамъ, не противьтесь злому“.

И это самое превосходство Христа надъ Моисеемъ и было чувствительнѣйшимъ оскорблениемъ для іудеевъ.

— За кого же Ты себя-то выдаешь, — говорили они Іисусу, — мы знаемъ, что съ Моисеемъ говорилъ Богъ, а не знаемъ, откуда Ты.

Когда простыя поученія Христа о непротивлѣніи разъяснены псевдохристіанамъ, когда неопровержимо доказано имъ, что непротивлѣніе — евангельская заповѣдь, они считаютъ ее слишкомъ строгою. Старый законъ возмездія имъ такъ米尔ъ, такъ дорогъ; нанесеніе зла, какъ средство противлѣнія злу, кажется имъ такимъ удобнымъ средствомъ, что, несмотря на невозможность перетолковать евангельскія изреченія, эти мніохристіане отступаютъ подъ защи-

ту авторитета Моисея и отрицаютъ отмѣну Иисусомъ Моисеева закона возмездія. Они прикидываются незнающими, что именно подразумѣвалъ Христосъ, и притворяются вполнѣ убѣжденными въ томъ, что Онъ не касался вопросовъ войны, смертной казни, судебныхъ насилий и самозащиты, а оставилъ всѣ тѣ вопросы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ихъ рѣшилъ Моисей. И дѣлаютъ они это подъ видомъ чрезвычайного благоговѣнія къ Слову Божію,—ко всей Біблії, дерзко утверждая, что христіане—непротивники презираютъ Ветхій Завѣтъ потому именно, что придаютъ Христу и Новому Завѣту то самое значеніе, которое принадлежитъ имъ по свидѣтельству Ветхозавѣтныхъ предшественниковъ Мессіи.

4.

Возраженіе второе. Бичъ изъ веревокъ.

„Приближалась Пасха Іудейская, и Иисусъ пришелъ въ Іерусалимъ и нашелъ, что въ храмѣ продавали воловъ, овецъ и голубей, и сидѣли мѣняла деньги. И сдѣлавъ бичъ изъ веревокъ, выгналъ изъ храма всѣхъ, также и овецъ и воловъ, и деньги у мѣновщиковъ разсыпалъ, а столы ихъ опрокинулъ. И сказалъ продающимъ голубей: возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не дѣлайте домомъ торговли. При семъ ученики Его вспомнили, что написано: ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ Меня“ (Ев. Іоан. гл. 2, ст. 13—17).

— Развѣ этотъ поступокъ Иисуса не противорѣчитъ учению о непротивлені?—вопрошаютъ оппоненты наши.

Рѣшеніе вопроса о томъ, насколько образъ дѣйствій Иисуса въ данномъ случаѣ не согласенъ съ учениемъ о непротивленіи, находится въ прямой зависимости отъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ этотъ случай, и отъ подробностей самого дѣянія.

Тутъ возникаетъ рядъ предварительныхъ вопросовъ: на несъ ли Іисусъ кому-либо обиду? Угрожалъ ли обидою выгнаннымъ изъ храма? Повредилъ ли чью жизнь или здоровье? Нарушилъ ли самоуправно чьи-либо права собственности? Нанесъ ли онъ тѣлу ли, разуму ли, общему ли благосостоянію какой-либо вредъ?

Если на эти вопросы получится отвѣтъ утвердительный, то окажется, что дѣйствительно образъ дѣйствій Іисуса былъ несогласенъ съ тѣмъ, что мы называемъ христіанскимъ непротивленіемъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Іисусъ чрезвычайно ревностно заступился за честь и святость храма, что Онъ, какимъ-то до нельзя внушительнымъ способомъ, принудилъ большое число людей, торговавшихъ внутри храма, очистить его отъ всѣхъ животныхъ и отъ мѣняльныхъ столовъ. Этотъ фактъ несомнѣнъ. Торгаши и мѣняла не имѣли права занимать внутренность храма своими торговыми помѣщеніями и, вслѣдствіе обличенія Іисуса, должны были добровольно удалиться. Надѣюсь, что эта нравственная обязанность нарушителей святости храма будетъ признана всѣми. Слѣдовательно, весь вопросъ сводится къ тому, нанесъ ли тогда Іисусъ обиду личную, нравственную или имущественную тѣмъ, кого изгналъ изъ храма?

Если мы допустимъ предположеніе о томъ, что Іисусъ наносилъ изгоняемымъ удары сплетеннымъ изъ веревокъ бичемъ, что Онъ опрокидывалъ столы, разсыпалъ во всѣ стороны деньги, то выводъ будетъ въ пользу того, что Онъ обидѣлъ изгоняемыхъ изъ храма. Но недостаточно допустить такое предположеніе, нужно его еще подкрѣпить какими-нибудь доказательствами, нужно поддержать его хотя бы тѣнью намека на то, что Іисусъ когда-либо, кого-либо тронулъ бичемъ, и что подъ выражениемъ „опрокидывалъ столы“ слѣдуетъ понимать именно недостойныя тѣлодвиженія.

Христосъ настойчиво и властно приказалъ виновникамъ злоупотребленія убрать изъ храма свои пожитки и товары, и, вѣроятно, помогалъ имъ при пересыпаніи монетъ, помогалъ снимать съ мѣсть мѣняльные столы и выносить ихъ изъ храма. И дѣлая это, Онъ и строгъ и рѣшителенъ. Но буйствовалъ ли онъ? Оскорблялъ ли присутствующихъ? Наказывалъ ли кого?

Можетъ ли истинный послѣдователь Христа представить себѣ Божественнаго своего учителя бѣшено-нападающимъ, хотя бы и на святотатцевъ. Способенъ ли онъ нарисовать въ своемъ воображеніи образъ Христа, бьющаго бичемъ вправо и влѣво, кого попало, разбрасывающаго и мечущаго вокругъ себя все, что подъ руку попадеть. Можетъ ли онъ представить себѣ Христа, ломающаго скамьи, столы, сидѣнья, ведущаго себя какъ обезумѣвшій предводитель мятежной толпы? Истинно вѣрующій въ законъ любви Христа себѣ ничего подобнаго представить не можетъ.

Знаю, есть люди, способные представить себѣ Христа въ припадкѣ, какъ они говорятъ, справедливаго гнѣва, но и я же имѣю право рисовать въ своемъ воображеніи картину о томъ, какъ именно поступалъ Іисусъ во время изгнанія торжниковъ изъ храма, и я не въ силахъ допустить и тѣни предположенія, чтобы Христосъ, наперекоръ всѣмъ своимъ правиламъ, сдѣлалъ бы въ этомъ именно случаѣ что-либо несогласное съ учениемъ своимъ, не могу я допустить мысли, чтобы Онъ уклонился отъ общаго духа и характера всей своей жизни.

Когда Іисусъ увидалъ храмъ, переполненный смѣшанною толпою, якобы почитателей Бога,—толпой, состоящей изъ малаго лишь количества людей искренне набожныхъ, частью же изъ ханжей, лицемѣрно соблюдающихъ обрядности, болѣшею же частью изъ такихъ, которые, подъ видомъ служенія Богу, заботились только о барышахъ и о наживѣ и лѣзли за наживою чуть ли не въ самую „святая

святыхъ“, лѣзли туда со скотомъ, птицею и мѣняльными прилавками, когда Христосъ услыхалъ мычаніе воловъ, блеяніе овецъ, воркованіе голубей, звонъ монетъ и крики торгаши сливающимися съ молитвами, пѣснопѣніемъ и возгласами, обращенными къ Богу, то душа Его исполнилась скорбью и омерзѣніемъ, ревностью божественной омрачилось сердце Его и наполнилось неудержимымъ желаніемъ свидѣтельствовать противъ такого великаго нечестія и святотатства. Обличить святотатство и прекратить его захотѣлъ Христосъ.

Взявъ нѣсколько валявшихся на полу веревокъ, Иисусъ связалъ ихъ въ пучокъ, въ родѣ плетки или бича, и, поднимая этотъ бичъ, какъ эмблему осужденія, заслуженного этой толпой, Онъ сталъ уличать толпу въ нарушеніи богоочитанія, уличать ее въ богохульномъ издѣвательствѣ надъ Всемогущимъ, въ оскорблениі Отца такою гнусною смѣсью молитвъ и торгащества.

Съ возрастающимъ жаромъ негодующаго обличенія лилась рѣчь Христа,—рѣчь властная, нравственно-могучая, религіозно-авторитетная. Онъ громилъ, повелѣвая немедленно очистить храмъ и не дѣлать изъ него „вертепа разбойниковъ“. Народъ, изумленный и побѣжденный правдою и силою Его обличеній, покорился вліянію нравственно-могучаго Его слова и невольно принялъся исполнять приказаніе о водвореніи благообразія въ храмѣ.

Я убѣжденъ, что во всемъ этомъ происшествіи единственнымъ двигателемъ была духовно-нравственная сила убѣженія; я знаю, что Иисусъ лично не могъ прибѣгать къ физической силѣ, что Онъ всегда, какъ въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, такъ и въ малѣйшихъ подробностяхъ жилъ согласно призванію своему—служенію Богу и людямъ. Я глубоко вѣрю въ то, что въ характерѣ Христа не было ни буйства или фанатизма изувѣра, ни побужденій полицейскаго надзирателя, и что Онъ при изгнаніи

торжниковъ изъ храма не обидѣлъ ни одного человѣка, ничего, кромѣ добра, не причинилъ никому изъ присутствующихъ.

Положительныхъ доказательствъ ни въ пользу моего объясненія, ни въ пользу толкованія противной стороны—нѣтъ. О томъ, какими инцидентами сопровождалось изгнаніе, обѣ этомъ можно только гадать, а гаданія тѣ могутъ только обосновываться на большей или меньшей ихъ вѣроятности. Правдоподобность же рѣшаетъ вопросъ въ пользу ученія о непротивленіи. Неестественно, неправдоподобно, немыслимо, даже просто нелѣпо утверждать, будто Іисусъ прогналъ толпу жадныхъ торгашей тѣмъ, что сталъ бичевать ихъ, тѣмъ, что сталъ сѣчь ихъ кнутомъ изъ сплетенной бечевки. Христосъ бичевалъ, сурово бичевалъ разумъ присутствующихъ справедливыми обличеніями, при чемъ обрывки веревокъ могли служить эмблемой укоризны.

Это объясненіе я допускаю, и въ немъ нѣтъ ничего, несогласнаго съ ученіемъ о непротивленіи.

Итакъ, Іисусъ очистилъ храмъ не буйствомъ, не военнымъ насилиемъ, не полицейскими мѣрами, а единственно своею божественною, духовною мощью. Утверждая это, предлагаю за симъ тѣмъ, кто придерживается церковнаго толкованія, поискать и найти какое-нибудь очевидное доказательство въ подтвержденіе того, что Іисусъ когда-нибудь, гдѣ-нибудь, кого-нибудь ударилъ, обидѣлъ, сдѣлалъ какое-либо насилие.

5.

Два меча.

Наши противники говорятъ: „Въ 22-й главѣ, въ стихѣ 36-мъ Евангелія отъ Луки, сказано, что Христосъ совѣтовалъ ученикамъ своимъ обзавестись мечами, тамъ ска-

зано: „А у кого нѣтъ его, продай одежду свою и купи мечъ“. А такъ какъ мечи могутъ имѣть значеніе только какъ орудіе нападенія или защиты, то и ясна несостоятельность ученія о непротивлениі“.

Возраженіе это кажется неопровергимымъ, но это только такъ кажется при поверхностномъ ознакомленіи съ тѣми фактами, о которыхъ повѣствуетъ упоминаемая глава евангелиста Луки. Дѣйствительно, Христосъ говорилъ ученикамъ своимъ, что надо пріобрѣсти мечи; сказано это было Іисусомъ вслѣдъ за тайною вечерей и передъ самимъ предательствомъ въ саду Геѳсиманскомъ. На эти слова ученики отвѣтили тотчасъ: „Господи, вотъ здѣсь два меча. Онъ сказалъ имъ: довольно!“ Могло ли быть довольно двухъ мечей для вооруженія или даже для самозащиты двѣнадцати человѣкъ? Одно это соображеніе уже очевидно доказываетъ, что не о самозащите думалъ Христосъ.

Когда Іуда предалъ Христа лобзаніемъ и толпа приблизилась и схватила его, ученики спросили: „не ударить ли въ мечи“, а Петръ мечемъ отсѣкъ ухо слугѣ первосвященника. У евангелиста Матея въ главѣ 26-й, въ стихѣ 52-мъ находимъ мы отвѣтъ на вопросъ, на что нужны были мечи Христу.

„Тогда говоритъ ему Христосъ: возврати мечъ твой въ свое мѣсто, ибо всѣ, взявши мечь, мечомъ погибнутъ“.

Мечи нужны были Христу для того, чтобы самымъ нагляднымъ образомъ, въ самую торжественную минуту, окончательно и навѣки осудить употребленіе оружія, даже въ охраненіи невинностраждущихъ, даже для защиты собственной жизни.

Возраженіе, которое основывало свою мысль на инцидентѣ съ мечами, служитъ только подтвержденіемъ ученія о непротивлениі и какъ таковое и опѣнено нами.

6.

Возраженіе четвертое. Смерть Ананія и Сапфиръ.

— Внезапная смерть, постигшая Ананія и жену его Сапфиръ за то, что они обманули апостоловъ, скрывъ часть состоянія своего, которое пожертвовали церкви, эта внезапная смерть не что иное, какъ казнь, совершенная надъ этими двумя богоотступниками. Какъ же этотъ примѣръ апостольского правосудія мирится съ вашимъ ученіемъ о непротивлени?—продолжаютъ возражать оппоненты наши.

Все это возраженіе голословно и недобросовѣстно. Смерть Ананія и Сапфиръ передана намъ 5-й главой Дѣяній Апостольскихъ безъ всякаго указанія, безъ намека даже на то, чтобы въ смерти этихъ двухъ лицъ былъ бы повиненъ кто-либо изъ апостоловъ или изъ учениковъ ихъ; напротивъ того, событие это передается какъ примѣръ Божьей кары, постигшей виновныхъ безъ всякаго содѣйствія, вмѣшательства или даже желанія человѣческаго.

Вотъ какъ разсказано само событие:

„Нѣкоторый же мужъ, именемъ Ананія, съ женою своею Сапфирою, продавъ имѣніе, утаилъ изъ цѣны, съ вѣдома жены своей; а нѣкоторую часть принесъ и положилъ къ ногамъ апостоловъ. Но Петръ сказалъ: Ананія, для чего ты допустилъ сатанѣ вложить въ сердце твое мысль соглать Духу Святому и утаить изъ цѣны земли. Чѣмъ ты владѣлъ—не твое ли было, и пріобрѣтенное продажею не въ твоей ли власти находилось? Для чего ты положилъ это въ сердцѣ твоемъ? Ты солгалъ не человѣкамъ, но Богу. — Услыхавъ сіи слова, Ананія палъ бездыханный. Черезъ часа три послѣ сего пришла жена его, не зная о случившемся, но Петръ сказалъ ей: „Что это вы согласились искусить Духъ Господень?“ Вотъ входятъ въ двери погребавшіе мужа твоего, и тебя вынесутъ. Вдругъ она упала у ногъ его и испустила духъ“.

Есть ли тутъ какое-нибудь указаніе на то, чтобы Петръ или кто-либо изъ апостоловъ присвоилъ себѣ судебную и карательную власть надъ этими людьми?

Есть ли въ этомъ повѣствованіи хотя бы намекъ на то, чтобы кто изъ апостоловъ вызвалъ чѣмъ-либо смерть Анастасія и Сапфирѣ? Случай этотъ вовсе не изъ тѣхъ, на которые можетъ опираться возраженіе. И потому я его исключаю.

7.

Возраженіе пятое. Человѣческія правительства.

Ссылаясь на 13-ю главу Посланія къ Римлянамъ, оппоненты наши говорятъ:

„Новый Завѣтъ признаетъ, что человѣческое правительство установлено Богомъ на благо людямъ. Начальники признаются „страшными не для добрыхъ, но для злыхъ“, они называются: „служителями Бога“ и „отмстителями“, въ наказаніе дѣлающимъ злое“. Новый Завѣтъ поучаетъ, что начальники „не напрасно носятъ мечъ“, что христіане должны воздавать имъ: подать и оброкъ, и страхъ, и честь, должны повиноваться: не только за страхъ, но и за совѣсть, и кажется имъ, что эти поученія идутъ въ разрѣзъ съ ученіемъ о непротивленіи. Далѣе, они еще указываютъ на слѣдующіе примѣры.

Апостолъ Павелъ лично ссыпался на свои права римскаго гражданина съ цѣлью исходатайствовать себѣ почетный выпускъ изъ тюрьмы. Тотъ же апостолъ избавился отъ тѣлеснаго наказанія, ссылаясь на тѣ же права. Онъ же прибѣгалъ подъ защиту военнаго начальства для того, чтобы защитить себя отъ заговорщиковъ. Онъ же аппелировалъ къ правосудію цесаря, защищаясь отъ обвиненій евреевъ.

Послѣднія возраженія враги ученія о непротивленіи черпаютъ изъ Посланій ап. Павла и говорятъ:

„А такъ какъ всѣ человѣческія правительства со всѣми ихъ военными и судебными насилиями и устрашениями установлены Богомъ на благо человѣчеству; такъ какъ правители-начальники признаны служителями Бога, для покровительства невинныхъ и для кары виновныхъ; такъ какъ требованія начальниковъ должны быть исполняемы съ покорностью не только за страхъ, но и за совѣсть, то, стало-быть, и христіане не должны уклоняться отъ участія въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, не должны уклоняться отъ войны, судебной и административной дѣятельности. Христіане обязаны нести совмѣстно съ правительствомъ отвѣтственность за мѣры общественной пользы и быть надежнѣйшею опорою его. Христіане должны самыи добросовѣстнымъ образомъ стремиться къ тому, чтобы облегчить задачи власти, облегчать ей достиженіе на землѣ возможнаго блага массъ“.

Это самое вѣское и соблазнительное изо всѣхъ возраженій, приводимыхъ до сихъ поръ. Это-то возраженіе и обманываетъ и сбиваетъ съ пути наибольшее число благомыслящихъ людей, и бороться съ этимъ возраженіемъ куда труднѣе, чѣмъ со всѣми прежними. А все-таки и оно должно и лишено силы.

Понятіе „правительство“—значить только порука общественного порядка; это та руководящая и регулирующая сила, которая удерживаетъ отдѣльныя личности въ должностныхъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ общему цѣлому.

Разумный христіанинъ долженъ разматривать каждое правительство съ трехъ разныхъ точекъ зрѣнія: 1) правительство *per se* (само по себѣ); 2) правительство *de jure* (по праву), и 3) правительство *de facto* (на самомъ дѣлѣ).

Правительство по существу (*per se*) — власть, стремящаяся къ торжеству нравственного порядка, который возможенъ только въ обществѣ существъ разумныхъ. Разумъ

управляетъ матеріей, а правительственная власть управляетъ разумомъ. Нравственный порядокъ включаетъ въ себѣ всякий иной порядокъ, безпорядокъ же нравственный влечетъ за собою всякаго рода уклоненія,—и потому все въ зависимости отъ высшей нравственной власти. Такою же высшою нравственною властью можетъ быть только Богъ.

Правительство *reg se*, или правительство Божьей нравственности,—отъ Бога. Такое правительство не можетъ имѣть родоначальникомъ какое бы ни было существо, оно непосредственно должно происходить отъ Бога, а потому само понятіе—человѣческое правительство—есть понятіе несуществующее. Всѣ твари Божіи, въ томъ числѣ и люди, всегда подвластны Богу и не могутъ ни созидать законовъ, ни пользоваться правящей властью, противной законамъ и власти Бога.

Если бы природѣ человѣка была присуща независимая правящая власть, то люди могли бы отмѣнить или уничтожать законы Бога. Но этого нѣтъ, а, слѣдовательно, всякое правительство, безусловно противное закону Бога, нравственно ничтожно и бессильно. За то же всякое правительство и всякий законъ, согласные съ законами и верховной властью Бога,—нравственно обязательны для всякаго человѣка, и такія правительства подходятъ подъ вторую нашу точку зренія; они—правительства *de jure*, т.-е. безусловно правыя.

Никто не станетъ оспаривать того, что всѣ человѣческія правительства должны покоряться Божьей правдѣ, и если бы они покорялись ей, то перестали бы быть человѣческими и по духу, и по послѣдствіямъ. Они стали бы живымъ воплощеніемъ Божественной воли.

Итакъ, христіанское непротивленіе не только не отрицаетъ и не возстаетъ противъ понятія—правительства *reg se* или даже противъ человѣческаго правительства *de jure*, т.-е. противъ человѣчнаго правительства, которое въ точности согласовало бы свой образъ дѣйствія съ Божиимъ

вельніемъ, оно не только не возстаетъ противъ нихъ, но читъ первое, какъ высочайше освященное, а второе признаетъ искренне и глубоко желательнымъ. Ученіе о непротивлениі требуетъ только отъ послѣдователей Христа, чтобы они воздерживались отъ содѣйствія такимъ человѣческимъ правительствамъ, которые въ основахъ своихъ не согласны съ законами Бога, открытыхъ намъ Іисусомъ Христомъ.

Исповѣданіе это привело нась къ третьей точкѣ зрењія, а именно къ правительствамъ *de facto*, къ правительствамъ, каковы они въ дѣйствительности.

Наше правительство Соединенныхъ Штатовъ со всѣми его усовершенствованіями, со всѣми привлекательными профессіями и истинно-прекрасными учрежденіями, есть ли оно въ основѣ своеї христіанское правительство? Нѣть! Каково же было правительство во времена апостоловъ, правительства Ирода, Пилата, Нерона и прочихъ цезарей, при которыхъ неправда, жестокость и тиранія попирали всѣ человѣческія права, при которыхъ весь обитаемый земной шаръ стоналъ и утопалъ въ крови, при которыхъ жгли и давали звѣрямъ на съѣденіе святыхъ мучениковъ и распяли Іисуса Христа?

Для того, чтобы решить, правильны ли ссылки на тексты, на которые указываютъ оппоненты наши, необходимо предварительно решить вопросъ: о какомъ изъ трехъ родовъ правительствъ говорить апостолъ Павелъ въ 13-й главѣ посланія къ Римлянамъ: говорить ли онъ исключительно о правительствѣ *de facto*, или же о правительствахъ *per se* и *de jure*. Если онъ ведеть рѣчь о верховно-нравственномъ правительствѣ или о правительствѣ правовомъ, то никакого несогласія не будетъ между его словами и ученіемъ о непротивлениі, никакого разногласія нѣть и быть не можетъ, и возраженіе падаетъ само собою. Если же апостолъ говорить о человѣческихъ правительствахъ, о тѣхъ, какія

были въ Римской имперіи, то для уясненія себѣ мысли апостола потребуется дальнѣйшее изслѣдованіе.

Допустимъ, что апостолъ Павелъ имѣлъ въ виду тѣ правительства и тѣхъ правителей, которымъ въ то время были подчинены христіане. Допустивъ предположеніе, что изреченіе: „нѣтъ власти аще не отъ Бога“, относится ко всѣмъ правящимъ властямъ,—является строго необходимымъ опредѣлить въ точности отношенія какъ ап. Павла и прочихъ апостоловъ, такъ и отношенія учениковъ ихъ къ правительствамъ и правителямъ того времени.

Если Христосъ, апостолы Его и ученики смотрѣли на цезарей, правителей и сановниковъ, съ ихъ тогдашними приемами управленія, какъ на угодныхъ Богу служителей, если они въ самомъ дѣлѣ считали существующія правительства установленными Богомъ наравнѣ съ собственными христіанскими, духовно-религіозно-нравственными учрежденіями и властями, — то возраженіе нашихъ противниковъ будетъ доказано со всѣми ихъ логическими выводами объ обязательности слѣпого повиновенія и полной солидарности со всѣми возмутительными мѣроопріятіями предержащихъ властей.

Но почему же первые христіане такъ тщательно избѣгали всякаго общенія съ правительствами своего времени?

Неужели враги ученія о непротивленіи послѣдуютъ за мною при развитіи ихъ мысли въ строго логическомъ порядке, неужели они сдѣлаютъ апостоловъ солидарными со всѣми тѣми ужасами и жестокостями, какія совершились современнымъ имъ правительствомъ? Они навѣрно отрекутся отъ такихъ крайнихъ выводовъ, они сами признаютъ ужасную безнравственность и преступность тѣхъ самыхъ правительствъ, которыя, будто бы, Павелъ признаетъ установленными Богомъ; они сами обратятъ мое вниманіе на страшное безбожіе, развратъ и жестокость тѣхъ самыхъ начальниковъ, которыхъ будто бы апостолъ

объявляеть служителями Бога и отмстителями дѣлающимъ зло. Оппоненты наши сами отрекутся отъ мысли той, чтобы правительства въ родѣ Иродова, Пилатова, Неронова были установлены Богомъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ установлена Имъ Церковь Христова; имъ известно, что ап. Павелъ никогда не предполагалъ, что слова его будутъ поняты какъ панегирикъ кровожадности, какъ освященіе звѣрства.

Вотъ въ этомъ-то и заключается ловушка разматриваемаго возраженія.

Кромѣ того, есть еще и настоящій смыслъ, при которомъ вѣрны и всѣ положенія апостола, при которомъ оказывается, что всѣ власти установлены Богомъ, что нѣть власти не отъ Него, что всѣ начальники, даже самые злые, страшны не для добрыхъ, но для злыхъ, что всѣ даже звѣри-правители—служители Бога на благо праведнымъ и отмщеніе людямъ насилия и зла.

8.

Покорность правительствамъ, а не соучастіе въ нихъ.

Весь Новый Завѣтъ говоритъ о покорности, терпѣніи и непротивленіи вообще, а слѣдовательно и отѣхъ же нравственныхъ добродѣтеляхъ въ отношеніи къ существующимъ правительствамъ, царямъ, намѣстникамъ и сановникамъ. Вмѣненіе непротивленія въ обязанность христіанамъ само за собою влечетъ, какъ выводъ изъ него, невозможность восстаній, бунтовъ, мятежей и всякихъ насилий. Христіане обязаны повиноваться властямъ во всемъ, что не противно волѣ Бога: воздайте кесарю кесарево, а Богу Божіе.

Но, какъ бы старательно ни подбирались тексты, нѣть возможности найти въ Новомъ Завѣтѣ повелѣнія вступать въ сообщество съ существовавшими въ тѣ времена прави-

тельствами, нигдѣ нѣтъ указаній на то, чтобы христіанамъ разрѣшено было принимать отвѣтственныея должности въ гражданскихъ или военныхъ учрежденіяхъ человѣческихъ правительствъ. Не найти въ Новомъ Завѣтѣ также ни разрѣшенія прибѣгать къ судебнымъ установлениямъ, ни разрѣшенія обращаться къ личному покровительству военныхъ или гражданскихъ властей.

Въ связи съ вышесказаннымъ рождается еще вопросъ: было ли предписано христіанамъ воздавать честь, покорность и подать правителямъ и сановникамъ не какъ отдѣльнымъ личностямъ, не какъ людямъ вообще, а именно въ качествѣ организованной правительственной власти?

9.

Въ какомъ смыслѣ всѣ существующія власти установлены Богомъ.

Не могъ апостолъ Павелъ высказывать желаніе и требованіе того, чтобы правительства оставались бы навѣки вѣчные такими именно, какими они были. Не могли означать изреченія Павла и того, что всѣ правительства всегда непогрѣшимы и ни въ какомъ случаѣ не заслуживаютъ осужденія. Цитаты, приводимыя нашими оппонентами, не могутъ значить и того, чтобы цари, правители и сановники не обязаны быть дѣятелями нравственными, а самимъ саномъ своимъ какъ бы увольняются отъ общечеловѣческихъ обязанностей: любить Бога всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ своимъ и любить ближняго, какъ самого себя, прощать обиды, благословлять проклинающихъ и воздавать добромъ ненавидящимъ ихъ.

Апостолъ не могъ изрекать такого правила, которое отменяло бы законъ Бога, превращало бы справедливость въ неправду и защищало бы правителей отъ осужденія за грѣховные ихъ поступки.

Всѣ приводимыя изреченія Павла сказаны въ какомъ-нибудь общемъ смыслѣ, указывающемъ на необходимость существованія правительства вообще, при томъ соображеніи, что всѣ правительства подвластны Божьему Промыслу, направляющему свыше ихъ дѣяніями на благо человѣчеству.

Въ этомъ смыслѣ, конечно, всѣ власти установлены Богомъ, всѣ цари, президенты, губернаторы—всѣ служители Бога, то-есть орудія Его Промысла; это одинаково вѣрно, относительно самыхъ развращенныхъ, безнравственныхъ и жестокихъ правителей, такъ и относительно самыхъ достойныхъ и добродѣтельныхъ. Это вѣрно какъ относительно Фараона, Навуходоносора, Нерона и Робеспьера, такъ и относительно Мельхиседека, Давида, Марка Аврелия, Антонина и Вашингтона, и потому мы должны сознавать разницу между богоизбранными и угодными Богу служителями и тѣми, которые носятъ мечъ на гибель и кару своихъ соплеменниковъ.

Послѣдніе часто и не сознаютъ, что они только орудія въ рукахъ Бога, что Онъ ведетъ ихъ къ Своимъ святымъ цѣлямъ. Они чаще всего презираютъ Его заповѣди, не боятся Его суда и топчутъ подъ ногами своими всѣ божескіе и человѣческіе законы, все, что служить помѣхой на пути ихъ эгоизма, властолюбія, мстительности или разнуданныхъ страстей и вожделѣній.

10.

Фараонъ—служитель Бога.

Вотъ что читаемъ мы въ Библіи о Фараонѣ:

„Для того Я и воздвигъ тебя, чтобы на тебѣ показать власть Свою и чтобы имя Мое возвѣщено было по всей землѣ“.

Фараонъ не сознавалъ этого. Щѣли Всевышняго вовсе

не входили въ его расчеты. Оять дѣйствовалъ подъ вліяніемъ исключительно своихъ безнравственныхъ и злыхъ наклонностей и побужденій, но все-таки, въ великому общеніи смыслъ Промыслы Божія, Фараонъ былъ установленъ Богомъ, былъ—служитель Бога,—на благо Израилю и въ наказаніе жестокосердыхъ египтянъ. Фараонъ не сознавалъ себя орудіемъ Господа, не намѣревался сдѣлать то добро, которое вытекло слѣдствіемъ содѣяннаго имъ зла, а все человѣчество находится въ настоящее время въ лучшихъ условіяхъ вслѣдствіе того, что Фараонъ, притѣсняя дѣтей Израїля, тѣмъ самymъ ускорилъ ихъ исходъ изъ Египта.

11.

Ассирійскій царь—служитель Бога.

То же самое было и съ ассирійскимъ правительствомъ и государемъ.

„Горе Ассирійцу, жезлу гнѣва Моего: бичь въ ихъ рукахъ есть Мое негодованіе. Я пошлю его на народъ лицемѣрный. Я дамъ ему повелѣніе противъ народа гнѣва Моего, чтобы взять добычу, и произвестъ грабежъ, и попрать его, какъ грязь на улицѣ“ (Исаія, гл. 10, ст. 5—7).

Но ассирійскій царь не такъ понимаетъ свое назначеніе, и умъ его мыслить не такъ.

„И когда Господь совершилъ все Свое дѣло надъ горою Сіономъ и Іерусалимомъ, Онъ сказалъ: Я вспоминаю о плодѣ надменнаго сердца царя Ассирійскаго и тщеславія высоко поднятыхъ глазъ. Потому что онъ сказалъ: я совершилъ (это) силою руки моей и по мудрости своей, такъ какъ я уменъ.

„Можетъ ли сѣкира тщеславиться передъ тѣмъ, кто рубить ею. Можетъ ли пила гордиться передъ тѣмъ, кто пилить ею“ (Исаія, гл. 10, ст. 12—15).

Такимъ образомъ оказывается, что и ассирийское правительство было установлено Богомъ, и царь ихъ былъ поставленъ, какъ служитель, рабъ и орудіе Его. Онъ былъ бичемъ въ рукѣ Бога для исправленія лицемѣрнаго Израиля и былъ страшенье для дѣлающихъ злое, хоть и самъ былъ величайшимъ злодѣемъ.

Соображеніе же о томъ, что и ассирийскій царь и Фараонъ были орудіями Бога, могло ли быть поводомъ къ тому, чтобы пророки и лучшіе люди Израиля вошли бы въ сообщество съ правительствами тѣхъ царей? Безъ сомнѣнія, не могло, но, съ другой стороны, этихъ соображеній было вполнѣ достаточно, чтобы побудить пророковъ и лучшихъ людей Израиля продолжать проповѣдь истины, подавать примѣръ праведности и терпѣнія, ожидая избавленія своего не отъ насилий и вооруженнаго сопротивленія, а отъ Промысла Божія.

12.

Соображенія, по которымъ правительства установлены Богомъ.

Все сказанное относительно Фараона и Ассирийскаго царя примѣнимо одинаково къ Навуходоносору, Нерону и вообще ко всякому правительству съ точки зрѣнія высшаго, всѣмъ управляющаго Промысла Божія и съ этой точки зрѣнія все сказанное ап. Павломъ совершено вѣрно.

Истина эта не бесполезна, она даже многозначительна. Она необходима, какъ утѣшеніе и поддержка праведной жизни христіанина, среди окружающаго его зла, смятений и кажущагося беспорядка въ дѣлахъ человѣческихъ правительствъ. Христіане, глазами вѣры, должны видѣть руку Отца, управляющаго событиями, сдерживающаго волны злобы людской и господствующаго надъ самыми могущественными учрежденіями человѣческихъ обществъ. Не будь этой

вѣры, христіане часто приходили бы въ отчаяніе, на нихъ находило бы сомнѣніе въ спасеніи міра и всѣ они оказались бы отброшенными въ бушующій потокъ возмездія, мятежа, насилия и войны.

Итакъ: 1) Регулирующее и контролирующее начало необходимо, какъ основная потребность человѣческой природы, и блестители правды и добра должны существовать повсюду, гдѣ люди собираются въ общество.

И потому правительство установлено Богомъ.

2) Человѣческія правительства de facto представляютъ собою варварскія злоупотребленія и искаженія того истиннаго правительства de jure, которое черезъ христіанство должно установиться на землѣ, а потому существующія правительства являются попытками приближенія къ христіанскому идеалу настолько, насколько приближеніе это возможно при существующемъ нравственномъ уровнѣ массъ.

Слѣдовательно, правительство установлено Богомъ.

3) Худшее изъ правительствъ все-таки лучше безусловной анархіи, оно все же меньшее изъ двухъ золъ и обеспечиваетъ людямъ сравнительно сносное положеніе.

И потому, существующія власти отъ Бога.

4) Въ основаніи всѣхъ правительствъ всегда положены какія-нибудь великия истины; они сознательно поддерживаютъ порядокъ и во многихъ отношеніяхъ побужденія правительствъ хороши; дѣла же ихъ бываютъ хороши настолько, насколько они согласны съ верховной волей Бога, выраженной въ проповѣди Христа.

И потому они установлены Богомъ.

5) Когда правители человѣческихъ учрежденій тираны, эгоисты, когда они безнравственны, дики и жестоки, то ими все же свыше руководитъ Богъ и употребляетъ ихъ какъ безсознательные орудія Его воли.

Слѣдовательно, христіане должны воздавать всѣмъ пра-

вительствамъ, хотя бы и антихристіанскимъ, и честь, и по-
корность, и повиновеніе въ дѣлахъ добрыхъ, исполнять
всѣ ихъ требованія, не противныя законамъ Бога, и только
устраняться отъ дѣлъ зла. Они должны терпѣть неправду,
не теряя надежды; противиться же распоряженію властей
могутъ только правды ради, только въ томъ, что безу-
словно грѣшно, перенося наказанія съ полнымъ христіан-
скимъ непротивленіемъ.

Если ученики Христа найдутъ возможность въ сообще-
ствѣ съ правительствомъ внести въ него начала христіан-
скаго ученія и сохранить законы Іисуса ненарушимыми
какъ въ себѣ, такъ и въ тѣхъ учрежденіяхъ, въ кото-
рыхъ принимаютъ участіе, то помоги имъ въ томъ Богъ!
Если же надежды улучшить общественную жизнь на на-
чалахъ Іисусовой проповѣди у нихъ нѣтъ, то прямая обя-
занность всякаго истиннаго христіанина держать себя особ-
някомъ отъ правительства, оставаясь при томъ мирными,
безвредными его подданными.

Христіанское призваніе выше и благороднѣе призванія
всякой политической или государственной дѣятельности, и
истинный христіанинъ не можетъ измѣнить или бесчестить
свое призваніе. Чѣмъ большее число людей сохранять вѣр-
ность идеаламъ Христа, тѣмъ скорѣе возвысятся и человѣ-
ческія правительства. Если же послѣдователи вѣры
Христовой будутъ отрекаться, хотя бы въ частностяхъ,
отъ принциповъ ученія Іисуса въ надеждѣ поднять тѣмъ
уровень существующихъ антихристіанскихъ правительствъ,
то они жестоко ошибутся,—христіанство унизится и одно-
временно съ этимъ и человѣческія правительства станутъ
еще хуже.

Исполненіе заповѣдей Христа—единственная забота хри-
стіанина,—Господь позаботится объ остальномъ.

„Ибо, нѣтъ власти аще не отъ Бога“.

13.

Отношениe апостола Павла къ правительству.

Въ доказательство необязательности закона о христіанскомъ непротивлениi указываютъ на сношениi апостола Павла съ правительственными учрежденiями. Это недоразумѣнiе или, по меньшей мѣрѣ, ложный взглядъ.

Первый случай обращенiя ап. Павла къ римскому правительству изложенъ въ главѣ 16-й, стихахъ 20-мъ по 40-й. Дѣло было такъ: Павелъ и Сила были жестоко избиты и ввергнуты въ темницу по приказанiю воеводъ Филиппа. На слѣдующее же утро эти начальники отдали тюремщику приказанiе тайно выпустить ихъ на волю, но Павелъ отказался отъ свободы на такихъ условiяхъ и сказалъ: — „Насъ, римскихъ гражданъ, безъ суда всенародно били и посадили въ темницу, а теперь тайно выпускаютъ. Нѣтъ, пусть прiйдутъ сами и выведутъ насъ“.—Слѣдствiемъ этого заявленiя было то, что начальники, сознающiе противозаконность своего поступка, обрадовались возможности исправить ошибку свою и выпустили узниковъ съ почетомъ. Этого только и домогался Павелъ; онъ и Сила были невинны и по законамъ страны не заслуживали ни тюремнаго заключенiя, ни тѣлеснаго наказанiя; къ тому же они, какъ римскiе граждане, имѣли право на вознагражденiе. Павелъ о возмездiи не упомянулъ, съ радостью простилъ нанесенные ему обиды, домогался лишь публичнаго признанiя своей невинности. Онъ поступилъ именно такъ, какъ всякий непротивящiйся обязанъ поступать въ подобныхъ случаяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, если бы Павелъ и Сила воспользовались бы даннымъ имъ позволенiемъ бѣжать изъ тюрьмы, они тѣмъ самыи дали бы поводъ предполагать, что были преступниками, которымъ изъ состраданiя или снисхожденiя разрѣшенъ былъ побѣгъ.

Христіанство заявляетъ свои права на любовь и уваже-

ніе столь же рѣшительно и безстрашно, какъ и не противится воздаяніемъ обиды за обиду.

Второй примѣръ, приводимый нашими оппонентами, изложенъ въ 22-й главѣ Дѣяній Апостольскихъ. Евреи возбудили чернь и бросились на ап. Павла, били его и хотѣли умертвить. Во время этой дикой расправы тысячечерчальникъ помошью войска разогналъ толпу, взялъ Павла, велѣль заковать его и отвелъ въ крѣпость. Взойдя на лѣстницу, Павель попросилъ позволенія говорить съ бушующей толпой. Его сначала слушали съ большимъ вниманіемъ, но когда онъ объявилъ, что призванъ Богомъ, чтобы проповѣдывать евангелие язычникамъ, вся толпа начала кричать:— Истреби такого! Ему не должно жить!— Тогда тысячечерчальникъ отвелъ Павла въ крѣпость и приказалъ бичевать его, чтобы дознаться отъ него о причинѣ такого сильнаго народнаго возбужденія.

Невинный человѣкъ, должно обвиненный и предательски окруженный наемной толпой, страдалъ единственно за то, что былъ христіаниномъ; его хотѣли подвергнуть пыткѣ бичеванія, чтобы вынудить признаніе въ какой-то никому непонятной тайнѣ. Апостолъ Павель былъ свободнымъ римскимъ гражданиномъ и зналъ, что одно это званіе спасаетъ его отъ тѣлеснаго наказанія. Онъ и обратился къ мучителямъ своимъ съ вопросомъ:—Развѣ вамъ позволено бичевать римскаго гражданина, да еще и безъ суда?— Это заявленіе остановило приготовленія къ пыткѣ, и сотникъ сказалъ тысячечерчальному:— Смотри, что ты хочешь дѣлать, этотъ человѣкъ римскій гражданинъ. — Когда же на вопросъ о томъ тысячечерчальника Павель отвѣтилъ утвердительно, то тысячечерчальникъ замѣтилъ:— Я за большія деньги пріобрѣлъ это гражданство. — Павель же сказалъ:— А я родился въ немъ. — Тогда отступили отъ него тѣ, которые хотѣли его пытать, а тысячечерчальникъ испугался, что связалъ его.

Изъ этого рассказа выводъ можетъ быть сдѣланъ тотъ, что и въ законодательствѣ Рима временъ императоровъ смутно уже сознавались права человѣка: съ римскимъ гражданиномъ слѣдовало обращаться почтительно даже и въ случаѣ его виновности, предписывалось закономъ выслушать со вниманіемъ все, что онъ могъ привести въ свое оправданіе; онъ не могъ быть подвергнутъ никакому наказанію безъ судебнаго постановленія. Слѣдя за повѣстованиемъ этимъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что ап. Павель не покупалъ права гражданства, не исходатайствовалъ ихъ себѣ, онъ былъ римскимъ гражданиномъ по рожденію: онъ родился свободнымъ, и только напомнилъ собиравшимся нарушить законы своей страны объ этомъ закононарушеніи.

Въ напоминаніи томъ не было ни укоризны, ни угрозы, все въ образѣ дѣйствій апостола исполнено кротости и благородства, и примѣръ этотъ только можетъ служить указаніемъ для всякаго христіанина-непротивника.

Третій примѣръ, на который указываютъ, случился вскорѣ послѣ только-что изложенныхъ событій и изложенъ въ 23-й главѣ Дѣяній. Въ то время, пока ап. Павелъ томился въ заточеніи, сорокъ человѣкъ самыхъ отъявленныхъ враговъ его дали клятвенное обѣщаніе не пить и не Ѣсть, пока не убьютъ его. Съ цѣлью вызвать Павла изъ тюрьмы, они обратились къ тысячечерчальному съ просьбой представить Павла на судъ Синедріона. Сынъ сестры ап. Павла узналъ о заговорѣ и сообщилъ ему. Тогда Павелъ обратился къ одному изъ сотниковъ и сказалъ: — Отведи этого юношу къ тысячечерчальному, онъ можетъ сообщить ему нѣчто важное.—Съ цѣлью предупредить задуманное убійство, тысячечерчальникъ отправилъ Павла съ военнымъ конвоемъ въ Цезарію къ губернатору Феликсу.

Противники наши увѣряютъ, что разскажь этотъ свидѣтельствуетъ о томъ, что апостолъ не находилъ предосу-

дительнымъ прибѣгать подъ защищу военной власти съ цѣлью защиты своей личности. Это видимая натяжка. Апостолъ покровительства не просилъ, конвой не требовалъ, онъ только совѣтовалъ племяннику подѣлиться своими свѣдѣніями съ тысячечачальникомъ. Если бы Павелъ былъ на свободѣ, то, согласно съ ученіемъ о не-противленіи, онъ удалился бы и тѣмъ лишилъ бы своихъ враговъ привести въ исполненіе ихъ грѣховный замыселъ, но онъ былъ въ тюрьмѣ, онъ могъ предупредить только тысячечачальника и долженъ былъ то сдѣлать и ради спасенія собственной жизни, и ради уваженія къ тысячечачальнику, который ему незадолго до того доказалъ на дѣлѣ, что онъ читѣлъ законы своей страны. Другого спо-сoba предупрежденія убийства у апостола не было, а то, что онъ сдѣлалъ, было прямою его обязанностью. Возмездія заговорщикамъ онъ не добивался, никакихъ насильствен-ныхъ мѣръ противъ нихъ онъ не совѣтовалъ, не просилъ ничего и не угрожалъ никому; тысячечачальникъ же до-казалъ свое миролюбіе и здравомысліе, устроивъ дѣло такъ, чтобы предупредить совершеніе преступленія.

Аппеляція къ суду цезаря была послѣдствіемъ только-что разсказанного происшествія. О ней упоминается въ 25-й главѣ Дѣяній.

Апостолъ былъ ложно обвиненъ, подвергся продолжи-тельному заключенію и осужденъ за ересь и мятежъ, но въ теченіе двухъ лѣтъ приговоръ не приводился въ ис-полненіе, и Павелъ томился въ ожиданіи казни. Губерна-торъ Фестъ при поступленіи на должность засталъ Павла въ тюрьмѣ. При пересмотрѣ дѣла Павелъ доказалъ свою невинность во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Тогда первосвященники и знать еврейская стали просить Феста о переведѣ дѣла въ Іерусалимъ, помышляя убить Павла во время слѣдованія его изъ одного города въ дру-гой. Желая сдѣлать угодное евреямъ, Фестъ обратился

къ Павлу съ вопросомъ: хочетъ ли онъ итти въ Иерусалимъ для пересмотра его дѣла? Павель отвѣтилъ:—Я стою передъ судомъ кесаревымъ, которымъ я и долженъ быть судимъ. Евреямъ я зла никакого не сдѣлалъ, какъ ты въ томъ могъ убѣдиться самъ. Если я повиненъ смерти, то съ радостью прійму ее; если же нѣтъ тѣхъ преступленій, въ которыхъ они меня обвиняютъ, то никто не въ правѣ выдать меня имъ. Требую суда кесаря.

Какъ благородно это воззваніе къ правосудію кесаря, какое вполнѣ христіанское обращеніе! Въ Иерусалимѣ безпристрастное рѣшеніе не могло быть произнесено; соглашаться на предложеніе итти въ Иерусалимъ значило соизнательно идти на убийство. Онъ могъ выбирать между Римомъ и Иерусалимомъ, и онъ воспользовался этимъ правомъ, для защиты и распространенія ученія Христа, для одновременной проповѣди истины и защиты своей невинности.

И въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, Павель дѣйствовалъ именно такъ, какъ долженъ дѣйствовать всякой христіанинъ-непротивникъ.

14.

Заключеніе.

Разсмотрѣвъ всѣ, сколько я могъ припомнить, возраженія, которыя приводятся въ опроверженіе ученія о непротивленіи, я обращаюсь теперь съ увѣренностью къ суду разумѣнія и совѣсти читателя христіанина и жду его приговора.

Не доказалъ ли я неопровергимо, что Св. Писаніе получаетъ непротивленію въ томъ именно смыслъ, въ которомъ изложено оно въ первой главѣ настоящей книги?

Не отвѣтилъ ли я удовлетворительно на всѣ возраженія, приводимыя изъ того же Писанія моими противниками?

Существуетъ ли другая заповѣдь въ писаніяхъ, которая опиралась бы на большемъ числѣ и на болѣе убѣдительные доказательства?

Можетъ ли какое другое ученіе привести болѣе сильные доказательства въ отвѣтъ на возраженія противниковъ?

Чистосердечные люди не могутъ отвѣтить отрицательно на вышеприведенные вопросы.

Знаю, что заключеніе это знаменательно, что оно влечеть за собою самую радикальную перемѣну во всѣхъ существующихъ взглядахъ и чувствахъ, во всемъ образѣ дѣйствій, во всемъ міросозерцаніи, какъ христіанства, такъ и всего міра.

Но не славенъ ли и не спасителенъ ли былъ бы такой великий переворотъ?

Тогда всѣ искренно почитающіе Біблію, какъ слово Бога, признаютъ Ветхій Завѣтъ за пророчество и подготовленіе къ Завѣту Новому, сознательнымъ стремленіемъ къ полному развитію Царства Бога на землѣ. Тогда они увидятъ въ наставленіяхъ, примѣрахъ и духѣ ученія Христа совершиеннѣйшее проявленіе премудрости и благости Господней, тогда они всѣмъ существомъ своимъ почувствуютъ, что праведность Іисуса, проникшая во всѣ сердца, наполняющая ихъ своимъ живительнымъ тепломъ, исповѣдуемая всею жизнью человѣчества — единственное цѣлебное средство отъ всѣхъ болѣзней, бѣдъ и золъ міра.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Непротивленіе и законы природы.

1.

Природа и законы природы.

Выраженія—природа, законы природы—постоянно употребляются извѣстнымъ классомъ людей. Но эти господа, весьма проворно выговаривая эти слова, за весьма рѣдкими исключеніями понимаютъ опредѣленно значеніе ихъ. Выраженія эти могутъ быть, безъ сомнѣнія, употребляемы въ весьма широкомъ смыслѣ, но такъ какъ я прежде всего желаю быть яснымъ и опредѣленнымъ, то и предупреждаю, что слово — „природа“ будетъ употребляться мною всегда въ смыслѣ существенно-необходимаго, составного начала (элемента), свойства, качества и способности какого-нибудь существа или предмета. Совокупность же всѣхъ этихъ элементовъ, независимо отъ простоты или сложности ихъ, я буду называть природою разматриваемаго существа или предмета. То же, что не составляетъ безусловной необходимости, свойства, качества и способности какого-либо существа или предмета, будетъ не природою его, а только случайнымъ или искусственнымъ добавленіемъ.

Человѣческой природѣ присущи основные начала, свойства, качества и способности, совокупность которыхъ не-

обходима. Эти элементы присущи всему роду и только о нихъ мы въ правѣ сказать, что они безусловно необходимы, что они его природа. Но въ личностяхъ и въ обществахъ человѣческихъ имѣются много случайныхъ и искусственныхъ началъ, свойствъ и качествъ, которые являются только послѣдствіями различныхъ временныхъ, переходящихъ причинъ и обстоятельствъ, измѣняющихся подъ условіями данного времени. Ни одинъ изъ элементовъ этой второй категоріи не составляетъ необходимѣйшей части человѣческой природы и всѣ они могутъ быть измѣнены и даже отмѣнены, не извращая настоящей природы.

Законами же природы я буду называть тѣ формы, способы и методы, съ которыми природа дѣйствуетъ согласно въ различныхъ своихъ проявленіяхъ.

Когда мы замѣчаемъ, что стремленія и дѣйствія природы во всей сферѣ нашихъ знаній всегда при одинаковыхъ обстоятельствахъ одинаковы, мы заключаемъ, что этими стремленіями и дѣйствіями управляетъ известный законъ, и тогда мы говоримъ, что все управляется по законамъ природы. Все, что намъ кажется одинаковымъ, единообразнымъ и всеобщимъ, или почти таковымъ, мы считаемъ слѣдствіемъ закона природы, слѣдствіемъ известного, необходимаго стремленія, которымъ обуславливается форма, способъ и методъ данного проявленія.

Законы эти большей частью несовершенно истолкованы и о нихъ чаще разглагольствуютъ, чѣмъ ясно понимаютъ; они только звенья той непостижимой для ума человѣческаго цѣпи причинъ, которую мы, въ растерянности нашей, называемъ то причиною причинъ, то вѣчно сущей божественной природой, то Богомъ.

Все, что мы можемъ, съ иѣкоторой увѣренностью, признавать известнымъ въ этой цѣпи непостижимыхъ *иъчтo*, называемыхъ законами природы,— это только общность послѣдствій въ тѣсной рамкѣ нашихъ наблюденій.

Нѣчто о законахъ природы, пожалуй, и мы знаемъ достовѣрно; многое знаемъ лишь отчасти, при чмъ имѣемъ способность всегда предполагать, что знаемъ несравненно болѣе того, чмъ знаемъ въ дѣйствительности. О великомъ цѣломъ мы ничего не знаемъ. Даже о цѣломъ тѣхъ природъ, которыя болѣе другихъ поддаются нашему пониманію, мы очень мало знаемъ, мы очень невѣжественны. Подтверждениемъ сказанного служитъ тотъ несомнѣнныи фактъ, чо наши наблюденія длятся многія тысячелѣтія, а поле для наблюденій столь же широко и необъятно, какъ и было.

Будемъ же говорить только о томъ, чо намъ известно вполнѣ и основательно.

2.

Самосохраненіе.

— Самосохраненіе—первый законъ природы,—твердять пропагандисты закона о непротивлении.

— Согласенъ, чо же изъ этого слѣдуетъ?—спрашиваю я.

— Слѣдуетъ то, чо закономъ природы будеть и самозащита отъ всего того, чо угрожаетъ уничтоженіемъ.

— И съ этимъ положеніемъ согласенъ. Каковъ же конечный выводъ этой аргументации?

— Выводъ тотъ, чо борьба, и, какъ послѣдствіе всякой борьбы, гибель слабѣйшаго есть законъ природы, а этимъ закономъ, несомнѣнно, оправдывается и война, и насилие, и судебнное возмездіе; все это зло—прямой выводъ и послѣдствіе закона самосохраненія, а потому учение о непротивлении не вѣрно, такъ какъ оно противно природѣ и непримѣнно къ условіямъ жизни на землѣ.

Разсмотримъ это смѣлое утвержденіе.

Согласенъ съ тѣмъ, чо самосохраненіе—первый законъ природы, чо онъ побуждаетъ къ самозащите. Соглашаюсь съ вѣрностью того факта, чо люди, обыкновенно, по при-

мѣру низшихъ организмовъ, борются другъ съ другомъ, обижаютъ и даже убиваютъ другъ друга подъ предлогомъ самозащиты или ради чего-то, будто необходимаго для самосохраненія. Но прошу позволенія оговориться, что, соглашаясь съ послѣднимъ положеніемъ, я тѣмъ только утверждаю фактъ тотъ, что люди, обыкновенно, весьма безумны и злы.

3.

Истинный способъ самосохраненія.

Разсмотримъ, насколько общепринятый способъ самосохраненія хорошъ, практиченъ и цѣлесообразенъ.

Если бы возмездіе было истиннымъ и вѣрнымъ способомъ самосохраненія, то онъ достигалъ бы своихъ цѣлей безукоризненно вѣрно; онъ охранялъ бы человѣческую жизнь, обеспечивалъ бы безопасность отъ насилий и достигалъ бы этихъ результатовъ вѣрнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ всякий иной способъ самосохраненія.

Таковы ли послѣдствія отъ примѣненія вотъ уже семь тысячъ лѣтъ подъ рядъ, а то и еще болѣе продолжительное время, пресловутаго закона возмездія? Нѣтъ и нѣтъ! По самому умѣренному расчету во имя закона возмездія войнами и казнями убито четырнадцать тысячъ миллионовъ людей, и всѣ эти жертвы, принесенные ученію борьбы и возмездія ради самосохраненія, не привели ни къ чему. Сколько невыразимыхъ мукъ, страданій, горя и бѣдствій перенесло человѣчество, преслѣдуя цѣль самосохраненія на этомъ пути, сколько еще и теперь приносится ежедневно жертвъ этому безчеловѣчному закону, и все напрасно!

Неужели всѣ эти вопли, стоны, слезы и страданія, вся эта пролитая кровь не приведутъ насъ къ убѣждению, что законъ борьбы только дикій выводъ слѣпого инстинкта, излюбленная эмпирическая панацея темного невѣжества, губительный талисманъ варварскаго суевѣрія. Въ дѣйстви-

тельности же законъ борьбы злѣйшій врагъ человѣчества, истребитель рода людскаго!

Если бы законъ борьбы былъ бы дѣйствительно лучшимъ способомъ самосохраненія, какъ бы глубоко несчастна и жалка была судьба людей!

Если только цѣною крови возможно охранять жизнь, то и жизнь сама по себѣ весьма сомнительная цѣнность.

Если бы еще цѣною гибели миллионовъ людей достигли бы правды и добра, если бы хищеніе, насилие, неправда, гнетъ, обиды и оскорбления оказались бы, наконецъ, побѣжденными однимъ или иѣсколькими примѣрами страшнаго возмездія и водворилось бы затѣмъ довѣріе, правда и миролюбіе! Если бы мечъ самозащиты загналъ бы мечъ насилия въ его кровавыя ножны и въ вѣчномъ бездѣйствіи съѣла бы его ржавчина, тогда, и то съ трудомъ, возможно бы было допустить, что общепринятый способъ самозащиты если и безнравствененъ, то практически вѣренъ; теперь же, при наличности однихъ только отрицательныхъ фактovъ вѣрною истиной будетъ евангельское изреченіе: взявши мечъ мечемъ и погибнутъ.

Съ другой стороны, предположивъ, что со временемъ Авеля ни одинъ человѣкъ или народъ не поднялъ бы оружіе возмездія на обидчика, случилась ли хотя бы малѣйшая доля всѣхъ тѣхъ массовыхъ и личныхъ убийствъ, изъ которыхъ сложилась вся история человѣчества?

Представьте себѣ худшее изо всѣхъ предположеній, представьте себѣ, что всѣ люди обратились въ непротивниковъ и дайте притѣснителямъ самый неограниченный произволъ, допустите, что они совершаютъ грабительства, разбои, жестокости и убийства, какие имъ заблагоразсудится,—развѣ, даже и при этихъ, нарочито вымыщленныхъ, условіяхъ было бы загублено столько человѣческихъ жизней, было бы перенесено родомъ человѣческимъ столько бѣдствій, сколько онъ ихъ претерпѣлъ уже и переносить

до сихъ поръ, благодаря ложному взгляду на самосохраненіе? Правда же въ томъ, что человѣкъ самъ себѣ закрылъ свѣтъ истины, шелъ наперекоръ влечениямъ собственного сердца, былъ введенъ въ заблужденіе, былъ обманутъ, обольщенъ и шелъ къ собственной гибели, потому что внималъ внушеніямъ тѣхъ, кто эксплоатировалъ злые его помыслы. Онъ не хотѣлъ внимать слову Бога, желая самъ найти свой путь, хотѣлъ быть безумнымъ хищникомъ, истребителемъ и убийцей.

Но Богъ, какъ любящій Отецъ, не отрекается отъ него, хочетъ дать ему благо, указывая на истинный и вѣрный путь къ самосохраненію. Путь этотъ найденъ, онъ указанъ Христомъ въ заповѣди о непротивлѣніи.

Когда человѣчество услышитъ голосъ Христа и повѣритъ ему,—человѣчество будетъ спасено.

4.

Возраженіе.

— Вы осудили общепринятый способъ самосохраненія несправедливо,—возражаютъ противники наши,—вы взвели на него обвиненіе въ гибели всѣхъ жертвъ насилия, тогда какъ онъ отвѣтственъ только за жизни, отнятыя въ силу закона возмездія, въ случаяхъ невмѣняемыхъ убийствъ, казковы войны и смертныя казни по суду; за всѣ же остальные смерти отвѣтственность остается на злобѣ и порочности хищниковъ, преступниковъ и злодѣевъ, да кроме того вы умышленно умалчиваете о всѣхъ тѣхъ жизняхъ, которыхъ были спасены, благодаря системѣ устрашенія.

Дѣло не въ частныхъ случаяхъ. Вопросъ въ цѣлесообразности тѣхъ, по мнѣнію противной стороны, невмѣняемыхъ убийствъ. Очень можетъ быть, что устрашеніе и охранило многія жизни. Вероятно, что оно предупредило не мало обидъ въ частыхъ случаяхъ; но что сдѣ-

дала система эта вообще, и чего она безусловно не достигла.

Законъ борьбы не предохраняетъ человѣческой жизни и не даетъ блага міру. Послѣ шести тысячелѣтій неуклонной приверженности закону возмездія весь міръ вооруженъ и все еще вооружается, съ каждымъ годомъ растутъ и растутъ расходы на военную организацію; она поглощаетъ всѣ финансовые силы народовъ въ ущербъ улучшеннія народнаго здравія и народнаго образованія. Вездѣ застой; только и виденъ прогрессъ въ улучшенніи науки убийства. Ясно, что тутъ что-то не такъ ладно,—ясно, въ основѣ этого страшнаго явленія лежитъ обманъ или заблужденіе.

При отсутствіи всякаго сопротивленія, худшее, что возможно предполагать, были бы ни чѣмъ не мотивированныя убийства, хищническія нападенія, и, въ общей ихъ сложности, всѣ эти личныя правонарушенія были бы *ничто* въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, какое переносить человѣчество при дѣйствующемъ нынѣ законѣ борьбы и возмездія. При отсутствіи сопротивленія всѣ частныя проявленія злой воли постепенно исчезли бы, отступая невольно передъ нравственнымъ величиемъ возрожденной общественной совѣсти.

Кромѣ своей, тысячелѣтіями доказанной, практической несостоятельности, законъ возмездія имѣеть еще страшно растлѣвающее нравственное вліяніе. Насиліе само по себѣ опьяняетъ. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, послѣ нѣсколькихъ залповъ, нѣсколькихъ приступовъ и отступленій теряется сознаніе о томъ, кто зачинщикъ, кто виновникъ этого звѣрскаго дѣла и, въ глазахъ участвующихъ въ рѣзни братьевъ, все это вошющее зло пріобрѣтаетъ значеніе невмыслимыхъ убийствъ. Нѣтъ той воюющей стороны, которая не утверждала бы, что стоить за правду и домогается лишь честнаго мира: у той задѣта честь, другая лично обижена, третья защищаетъ свою собственность,

четвертая воображаетъ себя нравственно унженной, и всѣ они, запасшись лучшими средствами для лишенія жизни возможно большаго числа людей, готовы ринуться другъ на друга во имя первого изъ законовъ природы, закона самосохраненія. Они убѣждены, что самозащита — законное ихъ право и что высшій вершитель раздоровъ, единственный посредникъ и судья — мечъ.

Когда-то, очень давно, было первое хищническое нападеніе, и съ того времени накопилось столько взаимныхъ обидъ и оскорблений, что никто, кроме Бога, не въ силѣ опредѣлить: кто передъ кѣмъ наиболѣе виновенъ. Эту путаницу поддерживаетъ и увѣковѣчиваетъ теорія самозащиты, заявляя на словахъ о своемъ стремленіи къ прекращенію насилия и сама постоянно творя насилие, какъ способъ охраненія отъ него. Законъ возмездія обѣщаетъ личную безопасность, но подвергаетъ приверженцевъ своихъ не только усиленнымъ нападеніямъ, но и безчисленнымъ опасностямъ, жертвамъ и бѣдствіямъ. Онъ грозитъ кулакомъ, замахивается бичемъ, поднимаетъ мечъ, какъ бы для устрашенія и въ защиту мира, но тѣмъ самымъ постоянно возбуждаетъ, поддерживаетъ и увѣковѣчиваетъ борьбу.

Законъ этотъ изстари былъ обманщикомъ и лгуномъ. Онъ — сатана, хваляющійся, что изгонить сатану, — но утверждаетъ только его могущество и размножаетъ число демоновъ, существующихъ надъ несчастнымъ родомъ человѣческимъ. Онъ ведетъ не къ самосохраненію, а къ самоистребленію.

5.

Аналогія съ животными.

„Борьба за существованіе въ природѣ всѣхъ животныхъ, слѣдовательно, и въ природѣ человѣка. Человѣкъ прирожденный боецъ. Такимъ онъ всегда былъ и будетъ, пока сила будетъ имѣть рѣшающее значеніе на землѣ. Когда

всѣ люди добровольно перестанутъ считать сопротивленіе насилию дѣломъ правымъ и возможнымъ, тогда настанетъ миръ, но будетъ ли то когда? Вы можете, сколько угодно, убѣдительнейшимъ образомъ говорить на тему о вредѣ общепринятаго способа самосохраненія, можете безконечно разнообразно проклинать его, но человѣкъ не перестанетъ сопротивляться, будетъ все же отстаивать силою и жизнь свою, и права“.

Нѣть, это неправда.

Человѣкъ не созданъ озорникомъ, хищникомъ, забіякой, разбойникомъ и убійцей. Дѣйствительно, онъ, подобно нѣкоторымъ хищнымъ звѣрямъ и птицамъ, со временемъ Кaina и до нашихъ дней творилъ насилие и зло. Но это еще не можетъ служить доказательствомъ тому, чтобы таковъ былъ законъ его природы, чтобы вѣренъ былъ силлогизмъ, въ силу котораго то обстоятельство, что онъ дѣлалъ зло до сихъ поръ, давало бы право заключить, что онъ, кромѣ зла, ничего не будетъ дѣлать и во вѣки.

Вы говорите, что сопротивленіе, война, смертная казнь и всѣ кровопролитія не прекратятся, пока насилие будетъ существовать, и сомнѣваетесь въ томъ, чтобы это было осуществимо; вы даже утверждаете, что насилие, какъ необходимо послѣдствіе закона природы, не можетъ когда-либо прекратиться. Прямой же выводъ изъ вашихъ утвержденій тотъ, что сама природа заставляетъ, принуждаетъ человѣка нападать и сопротивляться именно такъ, какъ онъ это дѣлаетъ теперь, и что нѣть надежды когда-либо освободиться изъ-подъ гнета этой страшной необходимости.

Что за кощунственное утвержденіе!

Я отрицаю, чтобы существовалъ такой законъ природы; я отрицаю существованіе природной необходимости, заставляющей человѣка обижать ближняго своего; точно такъ же, какъ отрицаю существованіе закона природы,

предопредѣляющаго человѣка на безпросыпное пьянство въ теченіе вѣчныхъ временъ. Человѣкъ можетъ бросить пьянство, онъ можетъ и перестать драться, его можно вылѣчить отъ сумасшествія войны, его можно убѣдить въ необходимости воздержаться отъ нанесенія обидъ въ видѣ нападенія ли, сопротивленія или самозащиты. Вопросъ сводится только къ тому: слѣдуетъ ли внушать хорошимъ людямъ, что непротивление есть законъ, такъ же какъ мы внушаемъ злымъ, что ненападеніе есть законъ, или же, по заведенному обычаю, слѣдуетъ проповѣдывать только о ненападеніи, предоставляемъ сравнительно хорошимъ людямъ полный просторъ въ противлениі въ ожиданіи того момента, когда нападеніе прекратится само собою.

Добрые люди желаютъ, чтобы злые исправились, преобразились бы въ добрыхъ. Для достижениія этой цѣли они могутъ не платить зломъ за зло, могутъ добромъ содѣйствовать перерожденію злыхъ или, придерживаясь закона возмездія, тѣмъ самымъ мѣшать этому перерожденію.

Какой же путь изберутъ истинно добрые люди?

Христосъ училъ перерожденію этому итти разомъ съ обоихъ концовъ: дурнымъ людямъ прекратить обиды наступательныя, а добрымъ прекратить обиды оборонительныя. Кто же станетъ вожакомъ этого поступательного шествія? Мыслимо ли добрымъ выжидать, пока злые прекратятъ нападенія? Христіанство отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „Нѣтъ, не надо ждать, добрымъ надо быть солью земли, свѣтомъ міра, имъ слѣдуетъ терпѣть обиды скрѣе, чѣмъ наносить ихъ; ихъ дѣло побѣждать зло добромъ.

Возможно ли это или дѣйствительно существуетъ какая-то роковая сила, вынуждающая человѣка поддерживать борьбу?

Я отрицаю существованіе этой необходимости.

6.

Общепринятый способъ самосохраненія безусловно
ложень.

Борьба и возмездіе вовсе не законы природы, а только прискорбная ошибка человѣческаго разумѣнія, ошибка мысли, сдѣланная въ то время, когда ему пришлось впервые рѣшать, какими путями и средствами возможно достиженіе самосохраненія. Ошибка теперь сознана, и отъ человѣка, какъ разумнаго существа, требуется замѣна ошибочнаго вывода другимъ, истиннымъ.

Ясно такъ же и то, что природа можетъ заявлять требованіе на нападеніе совершенно въ равной степени съ требованіемъ сопротивленія; что, слѣдовательно, въ сущности, она не требуетъ ни того, ни другого.

Можно разучиться, можно отвыкнуть отъ нанесенія обидъ; онъ могутъ быть навѣки прекращены, не извращая тѣмъ ни одного основного начала, свойства, качества или способности человѣческой. Скажу болѣе: люди, когда достигнутъ этого нравственнаго совершенства, станутъ лучше, человѣчнѣе,—словомъ, станутъ настоящими людьми; вся физическая, нравственная и умственная природа ихъ будетъ гармоничнѣе и превосходнѣе развита, чѣмъ теперь,—слѣдовательно, непротивлѣніе не можетъ быть противно природѣ, и если оно будетъ проведено въ жизнь, то не можетъ оказаться неудачнымъ способомъ для достижениія всеобщаго и полнаго самосохраненія.

Итакъ христіанское непротивлѣніе находится въполномъ согласіи со всѣми извѣстными законами природы и оно необходимо безусловно, оно способствуетъ усовершенствованію всѣхъ формъ человѣческихъ отношеній, исправляетъ тѣ пагубныя условія, подъ гнетомъ которыхъ совершилось до сихъ поръ человѣческое развитіе.

Пять главныхъ законовъ человѣческой природы.

Основные законы человѣческой природы слѣдующіе: 1) самосохраненіе, 2) солидарность (общность), 3) нравственный долгъ, 4) рациональная гармонія, разумное согласіе и 5) совершенствованіе (прогрессъ).

Эти пять законовъ всемирны и вѣчны.

Подъ вліяніемъ закона самосохраненія, тождественнаго съ понятіемъ себялюбія, человѣка влечеть инстинктивно къ жизни и благу, онъ страшится смерти, избѣгаетъ всего, что можетъ быть вредно, старается сохранить уже приобрѣтенные блага и всѣми доступными ему способами стремится къ приобрѣтенію большаго и большаго блага. Этотъ законъ побуждаетъ человѣка беречь свою особь, заботиться о ней и обставить ее наилучшими условіями существованія. Пути же и средства къ достижению высшаго возможнаго блага законъ самосохраненія не указываетъ.

Указать пути и средства дѣло уже другого закона, и вотъ почему мы видимъ, что люди прибѣгаютъ часто къ такимъ путямъ и средствамъ, которые положительно мѣшаютъ достижению цѣли самосохраненія и нерѣдко губятъ самую цѣль.

Подъ вліяніемъ закона солидарности, который въ первобытнѣйшей формѣ сказывается въ половомъ влеченіи, люди сходятся сначала въ семьи, затѣмъ семьи группируются въ общины, роды, государства, народы, и при этихъ взаимныхъ сношеніяхъ возникаютъ чувства любви, привязанности, преданности,—словомъ, возникаютъ всѣ основы общественныхъ отношеній. Солидарность вызываетъ въ человѣкѣ потребность общительности, потребность дѣлежа благъ и золь жизни съ другими людьми, но и этотъ законъ не даетъ человѣку прямыхъ указаній на лучшій способъ къ достижению высшаго блага, не указываетъ вѣр-

ныхъ путей и средствъ къ достижению общественной пользы и общественного благосостоянія, и потому люди такъ часто входятъ въ самыя неподходящія соглашенія, устанавливаютъ и поддерживаютъ самыя извращенные противоположенія учрежденія; несмотря на то, благо ли, зло ли являются послѣдствіемъ этихъ ошибокъ, человѣкъ остается существомъ общительнымъ, потому что таковъ основной законъ его природы.

Подъ вліяніемъ закона нравственнаго долга человѣкъ вѣритъ въ Бога и въ законы Его, сознательно чувствуетъ зависимость свою отъ воли Бога, благодарность за благо жизни, сознаетъ себя неоплатнымъ должникомъ Его, отличаетъ правду отъ неправды, знаетъ, что воленъ выбрать любой изъ двухъ путей (путь добра или зла) и понимаетъ, что отвѣтственъ за сдѣланный выборъ.

Отъ внутренняго сознанія отвѣтственности нравственной происходитъ постоянная борьба между высшими и низшими свойствами природы человѣка. Плотской, чисто животный, инстинктъ стоитъ за необузданное удовлетвореніе всѣхъ животныхъ похотей; духовное же разумное начало твердитъ: дѣлай только добро, воздерживайся отъ всего остального, какъ бы страстно того ни желало бы твое тѣло.

Плотскія наклонности влекутъ человѣка по широкому пути удовлетворенія всѣхъ безъ стѣсненія физіологическихъ его потребностей; нравственный же долгъ, указывая на законъ Бога, запрещаетъ плотскую распущенность, указывая на нее какъ на грозную опасность духовнаго его благополучія.

Человѣкъ долженъ творить волю Пославшаго его, долженъ дѣлать добро несмотря ни на что; даже съ цѣлью сохраненія собственной жизни онъ не въ правѣ дѣлать зла. Человѣкъ долженъ отречься отъ себя во имя служенія закону любви, первому изъ законовъ Бога.

И этотъ даже великий и могущественный законъ не даетъ

человѣку безусловно вѣрнаго представлениѣ о добрѣ и злѣ, правдѣ и неправдѣ, и миллионы людей поклонялись и еще поклоняются ложнымъ богамъ, считая правдой и добромъ то, что въ дѣйствительности зло и неправда, и несмотря на всѣ эти ошибки, человѣкъ всегда былъ и будетъ существомъ нравственнымъ.

Займемся теперь закономъ разумнаго согласія. Въ силу этого закона люди находятъ наслажденіе только въ томъ, что соразмѣрно, строго согласовано одно съ другимъ. Человѣку неловко, онъ недоволенъ, его беспокоить и раздражаетъ всякая непослѣдовательность, всякая несообразность, всякая аномалія, на которую онъ наталкивается, какъ въ собственномъ быту, такъ и въ окружающемъ мірѣ. Его разсуждающая способность, умственныя его силы постоянно возбуждены и напряжены, онъ стремится разыскать и устраниТЬ всѣ, попадающіяся на пути его мышленія причины противорѣчій и несогласій. Пока человѣкъ находится на сравнительно низкой ступени умственнаго развитія, онъ ограничивается констатированіемъ недостатковъ, ошибокъ и вытекающихъ изъ того золь и бѣдъ, онъ только негодуетъ и скорбитъ, но по мѣрѣ того, какъ развиваются и крѣпнутъ его умственныя силы, по мѣрѣ того, какъ онъ самъ подается по пути развитія, онъ становится преобразователемъ, онъ движетъ міръ впередъ.

Человѣкъ не можетъ не быть преобразователемъ, онъ преобразователь въ областяхъ нравственной, правительственной, воспитательной, онъ преобразователь въ наукѣ, въ искусствѣ, во всѣхъ вопросахъ теоретическихъ и практическихъ. Все, что встрѣчаетъ онъ на пути, все подвергается его критическому анализу и преобразованію, и хоть онъ не въ силахъ сразу устроить все такъ, какъ должно быть, но его прямая обязанность устраниТЬ теперь же, сейчасъ, то, чего не должно быть.

Безпрерывная и неутомимая работа мысли происходит отъ непобѣдимо-глубокаго желанія примирить всѣ противорѣчія и привести все къ стройной соразмѣрности, къ полной гармоніи.

Противорѣчіе и несообразности указываютъ на ложь и зло; истина же и добро гармоничны.

Не мало преобразованій совершилъ уже законъ всеобщей гармоніи, не мало уже исправилъ онъ заблужденій, развившихся на почвѣ порочности и невѣжества, но ему остается совершить еще очень и очень много.

Пятый законъ, законъ совершенствованія или прогресса, слѣдуетъ по пятамъ предыдущаго закона,—даже, вѣрнѣе, существуетъ совмѣстно съ нимъ. Это стремленіе къ чему-то высшему и лучшему, чѣмъ то, что выработано уже человѣчествомъ. Этотъ законъ побуждаетъ человѣка искать, наблюдать, подражать, изучать, изслѣдовать, въ надеждѣ найти новые пути, и вызываетъ въ немъ неослабную настойчивую дѣятельность. Работа эта, на благо людямъ, исправляетъ, облагораживаетъ и совершенствуетъ человѣка, и онъ будетъ всегда совершенствоваться,—совершенствоваться безконечно въ мірѣ новыхъ чудесъ, новыхъ подвиговъ и откровеній, внушаемыхъ ему разумомъ Божіимъ.

Вся жизнь міра есть движеніе, и природа человѣка не можетъ мириться съ застоемъ.

8.

Гармоническая связь этихъ законовъ.

Между вышеперечисленными пятью законами природы немыслимы противорѣчія или несоответствія,—чѣмъ каждый изъ нихъ будетъ развить полнѣе, тѣмъ болѣе прекраснымъ и блаженнымъ существомъ станетъ человѣкъ; человѣчество же станетъ любящимъ, разумною, согласною, святою семьей.

Законъ самосохраненія или себялюбія будетъ обезпечи-

вать достижение своей цѣли тогда именно, когда законъ солидарности преобразитъ всякаго ближняго въ второго „самого себя“, и объ обидахъ, наносимыхъ другъ другу, не будетъ и помина. Достижение этого идеала въ зависимости отъ закона нравственного долга будетъ тогда, когда нравственный долгъ совершенно подчинитъ себѣ плотскія наклонности, отождествивъ правду съ безусловнымъ высшимъ благомъ. Эту же работу неустанно дѣлаетъ законъ разумнаго согласія. Онъ вездѣ и во всемъ выясняетъ заблужденія, искореняетъ злоупотребленія, борется съ предвзятыми ложными мнѣніями и находитъ всегда истинный свѣтъ, освѣщающей путь къ прогрессу.

Безусловное добро, безусловное зло и вѣчныя истины существуютъ,—они есть, и законъ рациональной гармоніи приведетъ человѣчество къ познанію ихъ.

Законъ прогресса или совершенствованія увеличить и расширить познанія, прибавить свѣтъ къ свѣту, истину къ истинѣ и победу къ победѣ. Невѣжество, заблужденія, безуміе, порокъ, всѣ эти язвы человѣчества останутся позади, всѣ они отойдутъ въ прошедшее и усовершенствованія послѣдуютъ за усовершенствованіями, пока всѣ борющіяся начала не примирятся, пока всѣ противорѣчія не сгладятся и не водворится одна кроткая, любящая, высшая гармонія и наполнитъ счастьемъ всю вселенную.

Эта славная цѣль предначертана Богомъ, ее предсказывали пророки Его,—это то Царство Бога, на которое уповали всѣ передовые люди прошлыхъ поколѣній; то, на что уповаляемъ и мы.

9.

Совершенное согласіе непротивленія съ этими законами.

Не согласно ли ученіе о христіанскомъ непротивленіи съ общими законами человѣческой природы.

Противно ли оно закону самосохраненія?

Непротивленіе не губить жизни, а охраняетъ ее, не увеличиваетъ, а уменьшаетъ число человѣческихъ обидъ, не дѣлаетъ человѣка несчастнымъ и жалкимъ, а даетъ ему несравненно болѣе безопасности, спокойствія и счастья. Ученіе о непротивленіи предлагаетъ именно то, чего требуетъ законъ самосохраненія, предлагаетъ всеобщую, полную неприкосновенность человѣческой жизни, неприкосновенность той именно жизни, которую при ученіи о возмездії такъ дешево цѣнятъ и такъ легкомысленно расточаютъ.

Противно ли ученіе закону солидарности?

Оно все построено на солидарности. Ученіе наше имѣнемъ любви и милосердія умоляетъ человѣчество считать себя однимъ великимъ братствомъ, умоляетъ воздерживаться отъ угнетеній и насилий, а все прощать, безъ конца прощать.

Противно ли ученіе о непротивленіи закону нравственнаго долга?

Ученіе это существеннѣйшая часть проповѣди Христа. Ученіе это краеугольный камень, на которомъ построенъ весь сводъ нравственныхъ обязанностей. Примѣненіе ученія этого къ жизни—высшее повиновеніе волѣ Бога, служеніе вѣчной правды.

Противно ли оно закону рациональной гармонії?

Конечно, нѣть! Оно прекращаетъ всякія войны, насилия, обиды, уничтожаетъ всякий раздоръ, всякую борьбу, на несокрушимой скалѣ нравственныхъ правилъ закладываетъ прочное и широкое основаніе умиротворенію и гармонії міра.

А теперь, вмѣсто разума и чувства, править всѣмъ грубая сила и стоить на стражѣ ею созданныхъ заблужденій. Правда и истина въ загонѣ. Сила—есть право,—говорятъ защитники существующаго порядка,—и сѣдое безуміе скажетъ впередъ на боевомъ конѣ и въ своемъ бѣшеномъ натискѣ давить все святое и живое.

Противно ли наше учение закону прогресса?

Напротивъ того, оно плодъ закона прогресса, доказательство существованія этого закона. Ученіе это говоритъ: слишкомъ уже долго человѣчество остается въ роли буйного, злонравнаго, битаго и сѣченаго ребенка, пора ему стать разумнымъ существомъ. Человѣчество можетъ быть руководимо нравственными началами; пора ему прекратить служеніе свое похотямъ плоти въ ущербъ началамъ разума, пора ему прекратить ссоры, драки, вражду, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что зло побѣждается только добромъ.

Нѣтъ болѣе ложнаго утвержденія, какъ то, что христіанское непротивленіе противно законамъ природы. Оно въ полнѣйшемъ согласіи съ ними; оно противно только тѣмъ безумнымъ и извращеннымъ способамъ, къ которымъ человѣчество прибѣгало до сихъ поръ, увѣряя себя, что дѣйствуетъ по велѣніямъ законовъ природы.

Закоренѣлый пьяница, привязанный многолѣтней привычкой къ одуряющей его водкѣ, увѣряетъ, что полное воздержаніе противно его природѣ; на самомъ же дѣлѣ водка эта противна его природѣ. Хотя онъ и не разъ прибѣгалъ къ алкоголю для поддержанія своихъ силъ, и хотя при этомъ и казалось ему, что средство это ему помогало, но это такъ только ему кажется; въ дѣйствительности же водка убиваетъ его умственныхъ и физическихъ силы. Алкоголикъ не хочетъ вѣрить тому, и продолжаетъ видѣть въ водкѣ свое спасеніе.

Точь въ точь въ такомъ же положеніи находятся и общества, одержимыя запоемъ борьбы и возмездія.

10.

Все рождаетъ себѣ подобное.

Во всемъ мірѣ физическомъ, умственномъ, нравственномъ и духовномъ—все рождаетъ себѣ подобное.

Не какъ послѣдствіе ли обиды родилась или, вѣрнѣе, произошла та обида, отъ которой страдаетъ весь міръ? Отчего человѣкъ, который перенесъ обиду, всегда желаетъ нанести равную обиду?

На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ, что это дѣлается изъ чувства самозащиты, но отвѣтъ этотъ нелогиченъ, такъ какъ самозащита могла бы быть достигнута и другими способами, а тутъ идетъ рѣчь о томъ именно, что на всякую обиду отвѣчаютъ непремѣнно обидою же, и становится вопросъ, почему такъ?

— Потому что только такимъ способомъ достигается цѣль,—отвѣчаютъ мнѣ. Но этотъ отвѣтъ вполнѣ голословенъ и, ничего не разъясняя, не отвѣчаетъ на вопросъ: отчего первымъ влечениемъ обиженнаго будетъ всегда желаніе отвѣтить обидой на обиду? И такъ какъ удовлетворительного отвѣта я не получаю, то и отвѣчу самъ:

Это происходитъ именно такъ вслѣдствіе закона природы: все рождаетъ себѣ подобное.

Это ветхозавѣтныя око за око, зубъ за зубъ, ударъ за ударъ, насилие за насилие, жизнь за жизнь. Это изречения современной мудрости въ родѣ слѣдующихъ:— Сдѣлаю съ нимъ то же, что онъ со мною сдѣлалъ! Отплачу ему тою же монетою! И по дѣломъ ему! Пусть знаетъ на опытѣ, каково поступать такъ, какъ онъ поступаетъ!

Таковы чувства и рѣчи противящагося. И чувства тѣ и рѣчи доказываютъ, что обида рождаетъ наклонность къ такой же обидѣ, что насильственное дѣйствіе ведеть къ другому такому же насильственному дѣйствію. Слѣдя другъ за другомъ, всѣ эти насилия, вызывая другъ друга, прекращаются только полнымъ истощеніемъ силъ одной изъ борющихся сторонъ. Если нападающій сильнѣе, то станетъ только сильнѣе драться; если же онъ окажется слабѣе противника своего, то уступить, покорится ему, вовсе не по убѣжденію въ своей неправотѣ, а только по

необходимости, и затаить свою бессильную злобу и отложить отмщениe за поражение до болѣе удобнаго времени.

Если бы справедливость и совѣсть имѣли бы такое вліяніе на нападающую сторону, то эти чувства подѣйствовали бы не въ примѣръ могущественнѣе на его душу при отсутствіи всякой обороны со стороны подвергающейся нападенію.

11.

Примѣры изъ обыденной жизни.

Примѣръ первый:

Иванъ Ивановичъ—человѣкъ характера вспыльчиваго, сарливатаго и буйнаго. Можно безошибочно предсказать, что при встрѣчѣ его съ другимъ субъектомъ такого же типа, какъ онъ, между ними непремѣнно произойдетъ ссора или даже драка. Иванъ Ивановичъ заряженъ какъ Лейденская банка; отъ него во всѣ стороны идутъ нѣчто въ родѣ магнетическихъ токовъ,— не можетъ онъ приблизиться къ другому субъекту, насыщенному электричествомъ такъ же, какъ онъ, чтобы между ними не послѣдовалъ бы взрывъ. Куда бы ни шелъ Иванъ Ивановичъ, онъ повсюду несетъ съ собою атмосферу, насыщенную ссорами и недоразумѣніями; даже люди, обыкновенно миролюбивые и вѣжливые, въ обществѣ Ивана Ивановича раздражаются и вступаютъ съ нимъ въ споръ. Онъ однимъ присутствиемъ какъ бы магнетизируетъ. Если Иванъ Ивановичъ и живетъ въ миРѣ съ нѣкоторыми людьми, то только съ тѣми, которые по прирожденной скромности или по убѣждѣнію являются относительно его непротивящимися. Безъ сомнѣнія, людямъ этимъ не особенно пріятны отношенія съ нимъ, имъ живется не легко, но прощая и перенося его обиды терпѣливо, имъ удается удержать его въ границахъ сравнительного приличія; они могутъ даже прожить съ нимъ цѣлую жизнь.

Кто не знаетъ такихъ людей, и кому не извѣстно, что съ ними ничего не подѣлаешь при помоши сопротивленія и насилия? Ихъ можно поколотить, избить до полусмерти и не разъ, а безконечное число разъ, и ничего не добиться, кромѣ усиленной злобы и ожесточенія.

Этотъ родъ зла изгоняется только постомъ и молитвою, то-есть кроткимъ обращеніемъ и воздержаніемъ отъ насилия.

Возьмемъ другой типъ: типъ Николая Васильевича.

Онъ одержимъ безграничнымъ высокомѣріемъ, самомнѣніемъ и самолюбіемъ, гордъ, спесивъ, чванливъ и презрительно обращается всегда со всѣми.

Какія явленія можетъ вызвать встрѣча двухъ такихъ самодуровъ при взаимномъ раздраженіи ихъ болѣзnenного самолюбія? Они немедленно станутъ другъ передъ другомъ важничать, кичиться, хвастьаться и унижать другъ друга, и каждый изъ нихъ будетъ винить другого въ томъ, въ чемъ самъ виноватъ; будетъ громко обличать невыносимую наглость своего собесѣдника,—даже не подозрѣвая, что ему такимъ отвратительнымъ кажется отраженіе собственного лица. Предположите, что Николай Васильевичъ появляется въ обществѣ людей скромныхъ и не-притязательныхъ; онъ непремѣнно поведетъ рѣчъ свысока, будетъ невнимателенъ къ рѣчи другихъ, будетъ пренебрежительно относиться ко всѣмъ присутствующимъ, и эти скромные люди обидятся, въ ихъ души западетъ вопросъ: чѣмъ же мы хуже его? какъ онъ смѣеть такъ невнимательно относиться къ намъ? Эти скромные люди заразятся самомнѣніемъ. Откуда же взялось оно? Если не родилось, то въ значительной степени развилось самомнѣніе это отъ соприкосновенія съ зараженною самомнѣніемъ личностью Николая Васильевича.

Все рождаетъ себѣ подобное.

Въ контрастъ Николаю Васильевичу вспомните тѣхъ

людей, талантливыхъ, всѣмъ известныхъ, пользующихся большимъ вліяніемъ на духовную жизнь своихъ современниковъ, которые доступны вся кому, внимательны къ каждому жаждущему просвѣтиться въ бесѣдѣ съ ними, скромны, гостепріимны, вѣжливы,—какъ тѣ люди любими, какъ вокругъ ихъ образуется семья преданныйшихъ друзей. Даже завистники—и тѣ бываютъ обезоружены отсутствиемъ отпора на клевету и брань.

Въ заключеніе представлю вамъ еще Амвросія Пантелейевича, какъ человѣка, очень любящаго барыши вообще. Онъ считаетъ себя какъ бы обязаннымъ всегда и со всякаго взять лишнее; всякий разъ какъ онъ при расчетахъ даетъ сдачу, къ его рукамъ непремѣнно пристанетъ чужая полушка; онъ только и счастливъ въ тѣ дни, въ которые ему удалось содрать съ кого-нибудь какой излишокъ. Замѣтьте еще ту особенность, что нѣть человѣка, который чаще и убѣжденнѣе жаловался бы на людскую скаредность, чѣмъ Амвросій Пантелейевичъ, и со своей точки зрењія Амвросій Пантелейевичъ правъ: ему очень рѣдко удается встрѣтить людей, которые не протестовали бы противъ этихъ мелкихъ правонарушений, рѣдко кто пропускаетъ ему безъ замѣчаній мелкія ошибки его при расчетахъ, а онъ плачетъ надъ отсутствиемъ въ людяхъ евангельскихъ добродѣтелей.

Отчего же люди не мелочные, люди даже безкорыстные не пропускаютъ Амвросію Пантелейевичу его копеечныхъ ошибокъ?

Оттого, что эгоизмъ этого человѣка заражаетъ ядомъ своимъ тѣхъ, кто съ нимъ имѣетъ дѣло. Его жадность къ пріобрѣтенію возбуждаетъ такую же жадность, и клиенты его начинаютъ стоять за свои гроши, ставя себѣ какъ бы въ обязанность не поощрять хищническихъ стремленій Амвросія Пантелейевича. Клиенты его говорятъ:

— Мы не бараны, не позволимъ себя стричь, не позво-

лимъ ему эксплуатировать себя ни подъ видомъ барышей, ни подъ видомъ лихоимства. Надо въ оба глядѣть, имѣя дѣло съ такимъ старымъ скрягою. Полушка небольшія деньги, да пусть же она достанется не ему.

Все родитъ себѣ подобное.

Тѣ же самые люди, которые при счетахъ съ Амвросіемъ Пантелеевичемъ торговались изъ-за бездѣлицы, стояли горою за незначительный барышъ, въ сношеніяхъ съ человѣкомъ совѣтливымъ, безкорыстнымъ и правдивымъ никогда не поднимутъ вопроса о такихъ вздорахъ и всегда скорѣе поступятся своими интересами, чѣмъ сдѣлаютъ шагъ, который могъ бы казаться неделикатнымъ относительно всѣми признанной безукоризненности человѣка, выставляемаго мною, какъ противоположность типу Амвросіевъ Пантелеевичей.

Всѣ описанные мною случаи не въ природѣ ли вещей, не встрѣчаются ли они въ обыденной жизни на каждомъ шагу?

Законъ: все рождаетъ себѣ подобное,—долженъ бы открыть глаза и убѣдить всѣхъ въ томъ, что непротивление не только не противно законамъ природы, но вполнѣ согласно съ ними.

Если справедливо то утвержденіе, что всѣ добрые люди желаютъ прекращенія хищничества, жестокостей, убийствъ и всѣхъ позорныхъ преступленій, которыми омрачено счастье человѣчества, то имъ слѣдуетъ твердо запомнить ту истину, что эти результаты недостижимы при помощи борьбы и возмездія. Все родитъ себѣ подобное, и пока мы не противопоставимъ обидамъ и насилиямъ злодѣевъ совершенно противоположнаго ихъ обращенію образа дѣйствій, пока мы будемъ дѣлать то же, что и они, то тѣмъ будемъ только побуждать, поощрять и воспитывать въ нихъ тѣ злые начала, обѣ искорененіи которыхъ какъ будто хлопочемъ. Мы будемъ только разнообразить формы проявленій зла, но зла самого не искоренимъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Отвѣты на возраженія.

1.

Догматъ Хеліазмы.

„Быть-можеть, ученіе о непротивленіи и истинно въ главныхъ своихъ правилахъ и требованіяхъ, но оно не-осуществимо до наступленія Хеліазмы (тысячелѣтія), то-есть до второго пришествія Христа и установленія Царства Бога на землѣ за тысячу лѣтъ до страшнаго суда. Въ періодъ же тысячелѣтія, когда весь родъ людской будетъ возрожденъ, высокая нравственность ученія о непротивленіи внезапно разовьется во всѣхъ сердцахъ. При настоящихъ же условіяхъ жизни, при существованіи та-кого ужаснаго разврата, когда большая масса людей безъ-устали принимать участіе въ борьбѣ за существова-ваніе, ученіе это совершенно непримѣнимо: злые люди очень скоро порѣшили бы съ вашими праведниками, если бы они продолжали упорствовать въ примѣненіи на дѣлѣ правила непротивленія“.

Я утверждаю совершенно противоположное.

Я утверждаю, что праведные истребили бы злыхъ, и истребили бы ихъ въ лучшемъ, высшемъ смыслѣ этого слова. Я утверждаю, что нужно только искренне и не-ослабно исполнять законъ Христа о непротивленіи злу

зломъ, чтобы немедленно же настало „Тысячелѣтіе“, чтобы немедленно вдворилось бы Царство Бога на землѣ. При отсутствіи торжества закона о непротивлѣніи, развѣ мыслимо представлѣніе о томъ благосостоянії, какое рисуетъ нашему воображенію докторъ „Хеліазмы“? Развѣ Царство Бога прійдетъ сразу, какъ вполнѣ законченное произведеніе какого-нибудь чуда? Развѣ оно настанетъ внезапно, непосредственно, механически? Развѣ Царство Божіе не внутри людей, и не изъ нѣдра сердца и души ему изойти должно; не ложка ли дрождей, положенная въ три мѣры муки руководила броженіемъ всѣхъ бывшіхъ муки и преобразила ихъ въ питательный хлѣбъ? Развѣ каждое христіанское сердце не должно заключать въ себѣ зародыши Царства Божія и всякая христіанская община не должна представлять собою въ маломъ видѣ приблизительное изображеніе Царства Бога?

А если всѣ мои вопросы—вопросы праздные, то чѣмъ же выяснится, чѣмъ же означается то, что люди „родились вновь“; да существуетъ ли, наконецъ, то нѣчто, что называется „возрожденіемъ“?

Исповѣдуя Христа, называя себя Его послѣдователями, люди, даже и при посредствѣ благодати, не могутъ исполнить ученіе Іисуса только потому, что другие люди незадержаны и злы. Это говорятъ убѣжденно, серьезно, и говорящіе дѣлаютъ видъ, будто не понимаютъ, что этимъ заявленіемъ они говорятъ откровенно, что ихъ религія никакда не годится, что ихъ исповѣданіе пустые звуки, а о своемъ возрожденіи они никогда и не думали.

Логическій выводъ изъ возраженія о „Тысячелѣтіи“ представляетъ много крайнихъ несообразностей. Разсмотримъ ихъ.

1. Согласившись съ мнѣніемъ возражателей, нужно согласиться съ предположеніемъ о томъ, что „Христосъ, давая заповѣдь о непротивлѣніи, какъ правило жизни, изрекъ

такія требованія, которые были неисполними до наступленія эры Тысячелѣтія, и что Христосъ, зная неисполнимость своихъ требованій, счелъ ненужнымъ предупредить о томъ учениковъ своихъ.

2. Слѣдуетъ предположить, что Іисусъ говорилъ о многихъ обязанностяхъ, о примѣненіи которыхъ въ эру Тысячелѣтія не можетъ быть и рѣчи; слѣдовательно, предписывалъ такія правила, которые никогда исполняемы не будутъ.

3. Прямымъ выводомъ изъ догмата Хеліазмы, какъ его понимаютъ оппоненты наши, то предположеніе, что нравственные обязанности людей, ихъ душевный міръ въ періодъ тысячелѣтія будетъ существенно различенъ отъ того духовнаго міросозерцанія, въ которомъ жить должны мы на основаніяхъ, высказанныхъ евангельскою проповѣдью Христа.

Безсмысленность логическихъ выводовъ говорить неопровергжимо въ пользу безсмысленности самого основного положенія возраженія. Ясно, какъ день, что Іисусъ изрекъ заповѣдь о непротивлѣніи, какъ заповѣдь обязательную нынѣ и легко исполнимую нынѣ же; что Христосъ никогда, нигдѣ и ничѣмъ не намекнулъ о неисполнимости своихъ завѣтовъ ранѣе какого-то опредѣленнаго періода; и разсужденія на темы, случайно ли Христосъ это сдѣлалъ, или по ошибкѣ, разсужденія въ родѣ такихъ, по меньшей мѣрѣ невозможны, такъ какъ они умаляютъ достоинство Христа.

Очевидно также, что изъ предположеній возраженія вытекаетъ, будто Христосъ предписывалъ на время Хеліазмы такія частные обязанности, для исполненія которыхъ не будетъ ни повода, ни почвы.

При водвореніи на землѣ Царства Божія, когда установленіе его окажется осуществившимся уже фактъ, не представится никому случая примѣнять въ жизни законъ

непротивління злу зломъ, такъ какъ въ то время зла уже не будетъ, не отъ кого будетъ терпѣть обидъ и некому будетъ прощать. Не можетъ представиться случая для непротивління тамъ, гдѣ нѣтъ нападеній, обидъ и оскорблений. Если соглашаться съ мнѣнiemъ возражающихъ, то придется вкладывать въ уста Христа такую проповѣдь:

„Вы слышали, что было сказано: око за око, зубъ за зубъ, а Я говорю вамъ: не противьтесь злому въ дни Тысячелѣтія, когда силою воли Бога злыхъ не будетъ, и если кто ударить васъ въ лѣвую щеку тогда, когда дратъся никто уже не будетъ, то подставьте ему и правую щеку,—словомъ, примѣняйте всѣ возвышенныя добродѣтели, которыя передаю вамъ, какъ волю Бога, не теперь, когда столько къ тому предстоитъ случаевъ, не теперь, когда ихъ примѣненіе имѣло бы могущественное влияніе на вдовореніе среди людей религіи любви, какъ противодѣйствіе ученію міра; дѣлайте все это не теперь, потому что добродѣтели, указываемыя мною, непримѣнимы на практикѣ при общемъ невѣріи,—міръ слишкомъ золъ,—не стоитъ онъ того, чтобы передъ нимъ расточать такія сокровища благочестія; дѣлайте все это не теперь, а тогда, когда всѣ эти добродѣтели никому и ни на что не будутъ нужны“.

Вотъ до какого безобразія доходять возражатели, старайсь не мытьемъ, такъ катаньемъ выгораживать свои мірскіе законы.

Третье положеніе предполагаетъ, что правила, духовное настроеніе и нравственные обязанности людей во время Хеліазмы будутъ иные, чѣмъ тѣ, которыя указаны намъ проповѣдью Нового Завѣта.

Заблужденіе это до того распространено между исповѣдующими христіанство, что на немъ счель своимъ долгомъ остановиться профессоръ Уфамъ. Въ сочиненіи своемъ, озаглавленномъ „Руководство мира“, онъ говорить:

„Слѣдуетъ ли намъ ожидать новаго закона, новой системы образа дѣйствій? Слѣдуетъ ли намъ ожидать новаго Спасителя, новаго распятія, новаго исправленнаго изданія Завѣта?“

„Конечно, нѣтъ! Доктрины Хеліазмы—нынѣшнія доктрины, принципы „Тысячелѣтія“—тѣ самые принципы, которые обязательны для людей нынѣшняго поколѣнія, тотъ самый союзъ, который исключаетъ всякую борьбу и соединяетъ всѣ сердца, то самое Христово Евангеліе.

„Евангеліе есть книга великихъ, могущественныхъ, неизмѣняемыхъ принциповъ. Люди осуждаютъ евангельскіе принципы, потому что не понимаютъ ихъ, христіане даже виновны въ неуваженіи Евангелія, потому что, вслѣдствіе мірскаго легкомыслія, не дали себѣ труда измѣрить высоту и глубину этой проповѣди.

„Если бы небо могло быть низведено на землю, если бы всѣ материки заселились бы въ данную минуту одними ангелами и серафимами, то и тогда Евангеліе, въ настоящей его редакціи, было бы достаточнымъ ихъ руководителемъ, и блаженнымъ небожителямъ не понадобился бы высшій и лучшій законъ. А можемъ ли мы представить себѣ, чтобы, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, ангель съ ангеломъ быль бы во враждѣ, чтобы серафимъ мстилъ бы серафиму, чтобы кто-либо изъ этихъ святыхъ созданій присвоилъ бы себѣ право отнимать жизнь у другого? Какое бы то было небо, если бы на немъ допущены были такие порядки, такие принципы? И невольно рождается вопросъ: что же это будетъ за Хеліазма, во время которой допустить можно что-либо такое теоретически или практически?

„Когда люди вполнѣ водворятся въ благодати и милосердіи, на землѣ ли, на небѣ ли, развѣ будутъ тогда существовать два закона, два различныхъ сборника руководящихъ принциповъ, изъ коихъ одинъ будетъ изданъ для

людей, а другой для прочихъ святыхъ силъ. Во всѣхъ великихъ дѣлахъ правды и долга, законъ для серафимовъ въ то же время и законъ для ангеловъ, а законъ для ангеловъ будетъ и закономъ для людей.

„Такъ какъ безусловно несомнѣстимо съ нашимъ понятіемъ о небесномъ мірѣ представлениe о томъ, чтобы власть надъ жизнью и смертью была бы изъята изъ рукъ Бога, и чтобы ангелы и серафимы имѣли бы право прекращать жизнь другъ друга, то точно такъ же существованіе такого права не представляется намъ возможнымъ и во время Тысячелѣтія, а если въ эру Хелазмы люди не будутъ имѣть права надъ жизнью и смертью другъ друга, то, слѣдовательно, они этого права не имѣютъ и теперь.

„Тотъ же законъ, который управляетъ нами теперь, будетъ управлять нами и тогда. У насъ есть Новый Завѣтъ—онъ же будетъ у насъ и тогда. Вся разница лишь въ томъ, что мы тогда будемъ лучше понимать его и любить мы будемъ сильнѣе и искрѣннѣе.

„Ничего къ Новому Завѣту не прибавится, ничего отъ него не отпадетъ.

„Если законъ Христа не признаетъ неприкосновенность человѣческой жизни теперь,—то неприкосновенность эта никогда не будетъ признана. Если законъ Христа не запрещаетъ теперь войнъ, то онъ никогда запрещены не будутъ. Допустивъ, что теперь можетъ существовать законное непреступное убийство, что у кого-либо можетъ быть право въ настоящее время отнять жизнь у человѣка, то и во время водворенія на землѣ Царства Бога нужно будетъ признать убийство законнымъ, правымъ и дозволеннымъ даже и въ ангелоподобномъ состояніи людей.

„А потому, говоря, что жизнь человѣческая будетъ неприкосновенна во время Тысячелѣтія, и что тогда не бу-

деть считаться правымъ дѣломъ убіеніе одного человѣка другимъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, говоря это, тѣмъ самимъ мы утверждаемъ, что люди и теперь не въ правѣ дѣлать этого.

„Такое разсужденіе примѣнімо ко всѣмъ терпимымъ и оправдываемымъ нынѣ правонарушеніямъ сильныхъ міра сего по отношенію къ слабымъ и беззащитнымъ,—словомъ, принципы, которые признаны будуть обязательными во время Тысячелѣтія, тѣ самые принципы обязательны для насть и теперь; никакой перемѣны въ руководящихъ началахъ не будетъ и не требуется. Нужно только примѣніе принциповъ этихъ въ жизни. Начни завтра люди примѣнять въ жизни ученіе Христа, завтра же и настало бы „Тысячелѣтіе“, завтра бы и настало Царство Бога на землѣ“.

„Мы какъ будто находимъ наслажденіе въ замедленіи наступленія Царства Божіяго, словно въ понятіи этомъ заключаются какія-то чары. Scribent manum injicit et quam libet festinantem in se morari cogit. Крыло поэзіи вѣтъ надъ представлениемъ о великому событии Хеліазмы. Иногда оно рисуется нашему воображенію въ видѣ внезално расцвѣтшей пустыни, покрывшейся вдругъ свѣжими побѣгами и почками, то представляется оно въ видѣ дивнаго города, спустившагося съ неба разукрашеннымъ и сияющимъ, какъ невѣста при встрѣчѣ жениха, иногда кажется оно намъ великимъ храмомъ, выросшимъ изъ-подъ земли, и до того обширнымъ, что подъ сѣнью его пріотились народы со всего земного шара, и храмъ тотъ построенъ не изъ тлѣнныхъ матеріаловъ, а стоитъ на нетлѣнныхъ столбахъ. Каждый великий религіозный принципъ—одинъ изъ столбовъ храма Тысячелѣтія. Принципъ полнаго воздержанія отъ пьянства—одинъ изъ столбовъ; онъ внезапно поднялся и теперь уже стоитъ, озаренный лучами сіянія Царства Божія. Принципъ правъ человѣка, какъ

человѣка, такъ же твердо, непоколебимо уже стоящей столбъ храма того. Принципъ неприкосновенности человѣческой жизни—третій столбъ. Онъ еще воздвигается, но скоро и онъ будетъ воздвигнутъ и весь сияющій въ великой своей славѣ станетъ на свое мѣсто. И такъ одинъ за другимъ всѣ принципы евангельскіе будутъ установлены, одна колонна за другой будутъ воздвигнуты, и духовный домъ Господень, отстроенный вполнѣ, станетъ „на верху горы“ и представится глазамъ созерцателя куда прекраснѣе древняго Паронона.

„Чего же еще будетъ не доставать тогда?

„Останется только людямъ прійти подъ сѣнь этого храма и радоваться, и ликовать. Въ этомъ все значение слова „Хелазма“.

„Но пока нѣтъ въ вѣсъ твердыхъ, неизмѣнныхъ, непоколебимыхъ принциповъ, храмъ, вами выстроенный, похожъ на тотъ домъ, который былъ построенъ на пескѣ: „и пошли дожди, и раскрылись рѣки, и подулъ вѣтеръ, и устремился на домъ тотъ, и онъ упалъ и падение его было великое“.

2.

Возраженіе.

„Примѣненіе непротивленія къ дѣлу если не вполнѣ невозможно для большинства христіанъ, то, безъ сомнѣнія, крайне трудно даже для самыхъ передовыхъ, для самыхъ развитыхъ изъ ихъ среды. Непротивленіе до того не по силамъ людей, что большинство ихъ, изнемогая подъ тяжестью этого бремени, одновременно съ бременемъ этимъ отвергаютъ и самое христіанство, какъ совершенно недоступное для человѣческихъ силъ ученіе. Неразумны такія требованія, которые недосыгаемостью своею приводятъ въ отчаяніе тысячи людей и отвращаютъ ихъ даже отъ по-

пытки хотя бы что-нибудь сдѣлать въ качествѣ послѣдователей Иисуса Христа“.

Такъ говорятъ многіе, мнящіе себя христіанами, люди. Но, во 1-хъ, кто судья тому, что возможно и что невозможнo,—человѣкъ или Богъ? Во 2-хъ, кто можетъ судить о томъ, что требуется и сколько требуется,—учитель или ученикъ? 3) Имѣемъ ли мы право отказываться отъ долга, по тому соображенію, что уплата по немъ намъ кажется трудною? 4) Имѣемъ ли мы основаніе сомнѣваться въ благости и милосердія Бога, и предположить, что Онъ не принялъ въ расчетъ силъ своихъ должниковъ и не соразмѣрилъ своихъ къ нимъ требованій? 5) Можемъ ли мы урѣзывать Христову истину съ цѣлью размноженія поверхностныхъ и неустойчивыхъ послѣдователей Его ученія? 6) Можемъ ли мы, въ угоду невѣрующимъ, въ угоду неискреннимъ исповѣдникамъ умалять превѣчныя требованія небеснаго Отца? 7) Такимъ ли путемъ Христосъ и Его апостолы распространяли ученіе любви подъ гнетомъ презрѣнія и преслѣданія міра?

Наконецъ, положа руку на сердце, спросимъ себя, великимъ ли было бы несчастіемъ для истиннаго христіанства, если бы девять десятыхъ нынѣшихъ лицемѣрныхъ и легкомысленныхъ исповѣдниковъ Христа, убѣдившись въ обязательности закона непротивленія, отреклись бы откровенно отъ Христа? Воистину говорю вамъ, тогда міръ сталъ бы ближе къ своему возрожденію.

Царствуетъ надъ нами и править нами Богъ, а не люди. Богъ объявилъ законъ совершенной праведности устами учителя нашего Иисуса. Богъ повелѣлъ примѣнять къ дѣлу законъ непротивленія всѣмъ, исповѣдующимъ Его, переданное Христомъ, ученіе. Такъ сказано въ Евангелии, и потому пусть перестанутъ лицемѣрить наши противники, пусть скажутъ откровенно и прямо: вѣрятъ ли они въ учение Христа или нѣтъ? хотятъ ли постараться слѣдоватъ за

Нимъ и хранить Его ученіе, хотять ли исполнять свой долгъ, уповая на силу свыше, или нѣтъ?

Если мы хотимъ быть христіанами, то постараемся всѣми силами нашими исполнить долгъ нашъ и тогда увидимъ, насколько хватить у насъ силь и недоступна ли наша цѣль. Пусть только люди искренне попробуютъ нести христіанское непротивленіе, — хотя подчасъ и тяжелымъ покажется имъ этотъ крестъ, но за то вскорѣ усилия увѣнчиваются вѣнцомъ Царства Божія.

Нѣтъ такой добродѣтели, которая иногда не влекла бы за собой мучительныхъ попытокъ. Если бы мы стали освобождать себя отъ всѣхъ обязанностей въ виду трудности исполненія ихъ, мы бы не могли выполнить ни единой заповѣди Бога. Нѣтъ той заповѣди, которая не имѣла бы своихъ мучениковъ и своихъ отступниковъ, павшихъ подъ вліяніемъ сильныхъ искушеній, но для истинно вѣрующаго и самая смерть во имя долга будетъ блаженствомъ, а для добровольно несущаго крестъ сколько правды въ словахъ Христа: „иго Мое благо и бремя Мое легко“.

Неужели мало примѣра жизни Христа и примѣра жизни христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ для утвержденія того, что въ непротивленіи нѣтъ ничего недосягаемаго? Неужели этого недостаточно и найдутся люди, которымъ потребуется личное мое свидѣтельство въ дополненіе къ столь славнымъ свидѣтельствамъ? Неужели обратятся еще и ко мнѣ съ вопросами личнаго свойства:

— Какъ поступите вы, если на васъ нападутъ разбойники? Что сдѣлаете вы, если убийца будетъ угрожать вашей жизни, если племя дикарей ворвется въ вашъ домъ, если чужеземная армія нападетъ на вашу родину?

— Что сдѣлаю я? Если я творю правду, если я живу по-христіански, то-есть разумно и любя, я буду держаться принципа непротивленія, и девять разъ изъ десяти испытываю на себѣ самые удивительные случаи избавленія отъ

опасности и одержу самыя славныя изъ всѣхъ побѣдъ: побѣды надъ собственными страстями и надъ страстями людей, нападавшихъ на меня.

Крайняя вздорность возраженія этого сразу становится ясною, когда вопросъ поставленъ будетъ прямо. Слѣдовать ученію непротивленія трудно, но легко ли слѣдованіе ученію борьбы и возмездія? Для полученія отвѣта на этотъ вопросъ раскройте исторію любого народа и прочтите описание одного изъ тѣхъ ста тысячъ сраженій, которыя вели люди въ угоду закона борьбы. На этихъ войнахъ убито нѣсколько миллиардовъ людей, а въ каждомъ изъ тѣхъ сраженій загублено больше жизней, перенесено больше страданій, чѣмъ бы ихъ накопилось вѣками по причинѣ непротивленія злу.

3

Возраженіе.

„Примѣненіе непротивленія гораздо труднѣе въ мелкихъ дѣлахъ жизни, чѣмъ въ случаяхъ, выходящихъ изъ ряда обыденныхъ явлений. Въ такихъ случаяхъ люди черпаютъ силы въ сознаніи общественного одобренія и всеобщей симпатіи, черпаютъ силы въ размѣрахъ самой борьбы и славѣ торжества. Необыкновенные события возбуждаютъ и необыкновенный подъемъ духа, а этотъ энтузіазмъ рождаетъ и силу, и непоколебимость. Въ обыденныхъ же явленіяхъ, когда люди незамѣтно, безслѣдно, не вызывая ни въ комъ ни сочувствія, ни сожалѣнія, проходятъ черезъ тысячи испытаній, подтачивающихъ ихъ жизненные силы, несказанно тяжело переносить этотъ сонмъ мелкихъ, несносныхъ нападеній, обидъ и оскорблений. По смыслу же ученія вашего и забитая жена грубаго, пьяного мужа, и оскорбленая жертва дерзкаго негодяя должны не только воздержаться отъ оборонительнаго насилия, но и отъ преслѣдованія судомъ своихъ мучителей. Противъ этой-то,

крайне невыносимой, придиличности въ конечныхъ вывodaхъ изъ учения вашего я и возстаю“.

Есть доля правды въ томъ, что примѣненіе непротивленія въ мелочахъ ежедневной жизни не въ примѣръ труднѣе, чѣмъ примѣненіе того же закона въ дѣлахъ чрезвычайной важности. Но эта правда относится въ равной степени и ко всѣмъ другимъ добродѣтелямъ. Нѣть сомнѣнія въ томъ, что гораздо легче воздерживаться отъ пороковъ своихъ, находясь подъ наблюдениемъ, подъ надзоромъ общественнаго мнѣнія, несмотря даже на сильнѣйшія искушенія, чѣмъ не поддаваться тѣмъ же искушеніямъ въ частной жизни подъ покровомъ тайны. Допускаю даже мысль о томъ, что легче вынести мучительную смерть при изумленной и восторгающейся толпѣ, чѣмъ выносить мучительство ежедневныхъ попрековъ, пинковъ и затрещинъ, о которыхъ никто не знаетъ, а если и узнаетъ, то не обратить вниманія. Допустимъ, что такъ, но развѣ отъ этого соображенія можетъ вытекать доводъ въ отмѣну самого закона? Вопросъ вовсе не въ томъ, что кому больше нравится или что кому удобнѣе или легче исполнить, вопросъ въ томъ: что праведно—сопротивленіе или прощающая любовь?

Что за жалкое обращеніе къ снисходительности нравственнаго закона для такъ называемыхъ мелочей жизни! Противники наши просятъ разрѣшенія сопротивляться немножко, только въ мелочахъ обыденной жизни; для того же, чтобы имъ быть послѣдовательными въ своемъ прошеніи, слѣдуетъ уже заодно просить снисхожденія закона и по поводу всѣхъ заповѣдей. Разрѣшите же имъ въ обыденной жизни и лгать немножко, и мошенничать и обманывать немножко, и грабить помаленьку, и красть полегоньку,—да, куда бы ни шло, позвольте имъ уже и распутничать немножко для поддержанія здоровья, съ чисто гигіенической цѣлью.

Нѣть! поблажекъ не можетъ быть никакихъ! Законъ и

знамя правды не могутъ быть унижены ради личныхъ удобствъ. Законъ на то и изданъ Богомъ, чтобы онъ исполнялся безъ унынія во всѣхъ дѣлахъ жизни, безъ дѣленія ихъ на большія и меньшія, вѣдь именно въ мелочахъ всякая добродѣтель подвергается наиболышимъ искушеніямъ.

Постоянно падающая капля воды точитъ самый твердый камень; постоянными поблажками, которыя дѣлаютъ себѣ люди въ мелочахъ жизни, подрываютъ въ конецъ всѣ нравственные устои.

Океанъ состоитъ изъ капель, праведность слагается изъ мельчайшихъ проявленій вѣрности принципамъ любви и всепрощенія.

4.

Заключеніе.

Возможно ли безъ боли и отвращенія видѣть въ жизни народовъ эти поля битвъ, эти походные лазареты, въ которыхъ дорѣзываются изувѣченыхъ людей, эту пеструю роскошь военныхъ нарядовъ, этихъ ликующихъ и забрызганныхъ кровью вождей? Возможно ли безъ жалости и презрѣнія видѣть въ ежедневной жизни эти схватки, драки, дуэли, ненависть, месть, сутяжничество и безконечная дрязги человѣчества, влюбленнаго въ законъ борьбы и возмездія?

Какъ низко, презрѣнно и позорно все это, въ сравненіи съ духовнымъ геройствомъ, нравственнымъ безстрашіемъ и славнымъ самопожертвованіемъ! Какъ скверенъ плодъ ученія міра въ сравненіи съ возрождающими сердце, спасающими душу дѣлами истиннаго поборника ученія Христа!

О! духъ мой, не входи въ тайны ихъ, не входи въ кругъ, освѣщаемый ихъ свѣтомъ! Честь моя, ни въ чемъ не будь причастна съ ними! Неужели же тѣ, которые должны быть „свѣтомъ міра“, тѣ, которые названы Иисусомъ „солью земли“, — неужели они опозорятъ себя, свое

высокое призвание и осквернять одежды свои, принимая хотя бы малейшее участие въ борьбѣ человѣческихъ властолюбія, честолюбія, насилия и возмездія? Неужели пользуются они на часть изъ оргіи людоѣдовъ, станутъ восторгаться великолѣпіемъ военного идолопоклонства и найдутъ наслажденіе въ дѣлахъ жестокости и смерти?

Ихъ удѣлъ искать дѣль Христовыхъ, вдыхать въ себя духъ Его, итти по Его слѣдамъ и находить высшее удовлетвореніе въ совершеніи воли Отца. Прилично ли имъ бѣжать отъ опасностей Геѳсиманіи, глядѣть съ отчаяніемъ издали на крестъ непротивленія и становиться причастнымъ въ дѣлахъ ненавидящаго и убивающаго ученія міра?

Могутъ ли они жаловаться на то, что обязанности любви трудны. Да совмѣстимы ли эти два понятія? Трудно любить!

Могутъ ли они говорить, что непротивленіе невозможно или крайне трудно, когда принципы Христа, которые составляютъ суть и смыслъ жизни послѣдователей Его, такъ божественно хороши, когда духъ этихъ принциповъ такъ небесно прекрасенъ, когда плоды исполненія ихъ столь славны и святы?!

Не спорю—непротивленіе требуетъ точной дисциплины похотей и вожделѣній, требуетъ нѣкоторыхъ суровыхъ усилий и упражненій, нѣкоторой выносливости; не спорю—бываютъ случаи, когда требуется известная доля нравственного героизма,—но развѣ вслѣдствіе этого непротивленіе становится менѣе привлекательнымъ подвигомъ для благородныхъ душъ?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Чѣмъ труднѣе подвигъ, тѣмъ громче звучитъ призывный голосъ, тѣмъ сильнѣе возбуждается онъ благородное честолюбіе сдѣлать хоть что-нибудь достойное Христа, быть хотя бы чуть похожими на Божественного Учителя, быть достойнымъ той любви, которая купила наше спасеніе цѣною собственныхъ слезъ, муки и крестной смерти.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Непротивлениe по отношенiю къ правительству.

1.

За человѣческое правительство или противъ него стоитъ непротивлениe?

За человѣческое правительство *per se* или противъ него стоитъ непротивлениe въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно опредѣлено и разъяснено въ настоящемъ сочиненiи?

Это зависитъ отъ того, какой смыслъ приданъ будетъ прилагательному „человѣческое“. Если словамъ: „человѣческое правительство“ приданъ будетъ тотъ смыслъ, что будто человѣкъ имѣеть присущее ему, прирожденное, безусловное право предписывать другимъ людямъ законы и произвольно властвовать надъ ними, то ученiе о непротивлениi высаживается противъ человѣческаго правительства. Оно отрицаетъ существованiе у человѣка такого права и признаетъ это право только за Богомъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ правительство непремѣнно божественно, такъ какъ человѣкъ всегда подчиненный, а не правитель, и если онъ потребуетъ когда-либо чего-либо противнаго закону Бога, онъ всегда является мятежникомъ противъ Бога и самозванцемъ относительно ближнихъ своихъ, равныхъ ему людей.

Человѣкъ не можетъ издавать другихъ законовъ, кромѣ

Божихъ, и управлять можетъ онъ только съ Божиаго соизволенія и утвержденія.

Если же подъ словами: „человѣческое правительство“ подразумѣвать осуществленіе правительства Божескаго посредствомъ человѣческихъ учрежденій, которыя будутъ, какъ и все человѣческое, не безъ случайныхъ несовершенствъ, то учение о непротивлѣніи будетъ стоять за такое правительство.

Непротивлѣніе признаетъ человѣка за существо общительное, оно признаетъ связь и обязательства, существующія между людьми, между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, ближними между собою родами, общинами и народами. Непротивлѣніе сочувственно относится ко всяkimъ общественнымъ учрежденіямъ, основаннымъ на любви къ Богу и людямъ.

Человѣческое правительство, какъ понимаетъ его законъ непротивлѣнія, было бы учрежденіемъ общественнымъ, конституцію, подвластною высшему закону,—закону Бога. Конституція эта отрицала бы всякое превышеніе власти, клонящееся къ установленію такого закона или обычая, которое нарушило бы естественное равенство и братство всѣхъ людей. Она положила бы въ основу права изреченіе: „Не противъся обидѣ—обидою, не воздавай зломъ за зло. Зло можетъ быть побѣждено только добромъ“. Она направила бы всѣ умственныя, нравственныя, физическія и финансовые силы народовъ къ развитію образованія, къ общему благосостоянію; въ администраторахъ и чиновникахъ своихъ признавала бы слугъ общества, а не повелителей его, не присваивала бы имъ ни особыхъ вознагражденій, ни особыхъ почестей,—всѣ люди равны, а слуги не больше господъ своихъ. Въ этомъ конституціонномъ правительстве не существовало бы государственной тайны, и интересы правительства не могли бы расходиться съ интересами людей, добровольно подчинив-

шихъ себя статьямъ конституції. Отрицая всякий произволъ, она установила бы все законодательство и исполнительные мѣропріятія свои единственно на правотѣ и способности своей обеспечить общее благо. О пышности, отличающей представителей правящихъ классовъ, перестали бы и помышлять; всѣ парады, колокольный трезвонъ, пушечная пальба, всѣ ребяческіе знаки отличія были бы преданы забвенію; правительство конституції было бы просто и не вызывало бы потребности на безсмысленные затраты, на расходы правительства, для развлеченія толпы и на показъ зѣвакамъ.

Подъ мудрыми законами такой конституції не нашлось бы ни одного сановника, который согласился бы жить въ лучшемъ домѣ, ѿсть лучшую пищу, носить болѣе богатую ливрею, чѣмъ всякой обыкновенный гражданинъ. Всякому неиспорченному человѣку стыдно отличаться роскошью своею отъ обыкновенныхъ смертныхъ, а въ конституції той, которую рисуетъ намъ наше воображеніе, всѣмъ памятны бы были слова Христа: „Большій изъ васъ да будетъ всѣмъ слугою“.

Вотъ какова будетъ христіанская республика. Она осуществить предсказаніе пророка:

„И сдѣлаю начальствомъ твоимъ миръ и приставникомъ твоимъ правосудіе и не будетъ болѣе слышно насилия на землѣ твоей, обиды и несчастія въ предѣлахъ твоихъ“ (Исаія, гл. LX, ст. 17 и 18).

И такое правительство будетъ, и будетъ по всей землѣ!

Христіанское непротивленіе—предвозвѣстникъ того правительства, и оно будетъ привѣтствовать приходъ правительства будущаго среди радостныхъ кликовъ просвѣщенаго міра. Тогда люди оглянутся на наши теперешнія полуварварскія правительства, и они покажутся имъ такими, какими кажутся современнымъ философамъ военноначальники краснокожихъ индѣйцевъ.

2.

Человѣческое правительство *de facto*.

Ученіе о непротивлснїи не можетъ въ одно и то же времѧ отстаивать два противоположныхъ направленія и потому не можетъ сочувственно относиться къ правительсткамъ, какими они сложились въ дѣйствительности. Непротивлениe не можетъ защищать войны, смертной казни, порабощенія ума и духа массъ въ угоду нѣсколькимъ личностямъ, не можетъ сочувствовать судебному возмездію, насилиямъ и обидамъ. А потому ученіе о непротивлениi отрицаетъ законность всѣхъ тѣхъ правительствъ, которыя основаны и держатся закономъ борьбы и возмездія.

Прежде чѣмъ добровольно сдѣлаться участниками въ управлениi страною, послѣдователи Христовой заповѣди о непротивлениi требуютъ отмѣны всѣхъ анти-христіанскихъ статей нашихъ національныхъ и государственныхъ конституцій, и въ этомъ случаѣ они безусловно правы.

„Нѣть, они не правы, — отвѣчаютъ наши противники, — не правы они въ томъ, что обвиняютъ нашу конституцію въ принципіальномъ отстаиваніи войны, смертной казни и судебнаго возмездія. Конституція наша мирится съ необходимостью этихъ бѣдъ, но не сочувствуетъ имъ“.

„Но допустивъ даже, что обвиненіе въ жестокости, взводимое на конституцію, и вѣрно, то и тогда послѣдователи ученія о непротивлениi все же остаются неправыми, отказываясь отъ участія въ управлениi своей страной, пока все существующее зло не будетъ отмѣнено“.

„Устранившись отъ служебной дѣятельности, отказываясь отъ права голоса въ вопросахъ законодательныхъ, на чемъ могутъ они основывать надежду свою, что зло, ими намѣченное, когда-либо будетъ вырвано съ корнемъ?“

„Кто же отмѣнить, кто отбросить это зло, кто сдѣлаетъ нужные поправки въ конституціи, если тѣ, которые

видяль его и скорбяль душою надъ тѣми несовершенствами, если они не хотять пошевельнуть даже пальцемъ съ цѣлью сдвинуть зло съ насиженного имъ мѣста? Участвуйте въ правительствѣ вашей родины съ цѣлью преобразованія его: вашимъ отступничествомъ отъ дѣятельнаго участія въ немъ вы больше всего вредите собственнымъ цѣлямъ".

Такъ ли?

Противны ли основному закону нашего государства война, смертная казнь и судебное возмездіе и не процвѣтаютъ ли всѣ эти ужасы подъ его покровительствомъ.

За отвѣтомъ далеко ходить не нужно, всѣ отвѣты изложены въ конституції Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Но почему бы не принимать участія въ управлѣніи съ цѣлью преобразовать его?

И большинству людей это соображеніе кажется полнымъ здраваго смысла. Но это только такъ кажется. Если бы мнительность непротивящихся касалась мелкихъ подробностей и случайныхъ несовершенствъ въ существующемъ порядкѣ вещей, то приведенное умозаключеніе было бы, пожалуй, и вѣрно. Убѣжденіе послѣдователей Христа не требуетъ полнаго совершенства,—они охотно признаютъ правительство, которое было бы христіанскимъ въ своихъ основахъ, и знаютъ, что мелкія заблужденія, недостатки въ подробностяхъ и случайныя злоупотребленія не могутъ быть совершенно устраниены. Но въ существующихъ правительствахъ все основано на антихристіанскомъ фундаментѣ: военная и судебная карающая власть составляетъ плоть и кровь ихъ, основу ихъ жизни. Существующія правительства—полная противоположность непротивленію и относятся они другъ къ другу, какъ гордость къ смиренію, гнѣвъ къ кротости, мщеніе ко всепрощенію, смерть къ жизни.

Всѣ существующія конституціи имѣютъ двойной характеръ: характеръ провозглашенія и характеръ договора. Они провозглашаются, что именно должно считать правдой

и долгомъ, они же составляютъ и торжественный договоръ, въ силу которого всѣ граждане уговариваются между со-бою относительно того, что можетъ и что должно быть сдѣлано во имя блага всего народа. Конституціи на-писаны ясно и точно, и человѣкъ, согласившійся съ тѣми конституціями и присягнувшій въ вѣрности имъ, тѣмъ самыемъ признаетъ себя членомъ установленнаго тѣмъ дого-воромъ сообщества, тѣмъ самыемъ онъ признаетъ правдой и добромъ всѣ цѣли, какія преслѣдуется тотъ договоръ-конституція и обязанъ честно содѣйствовать выполненію всѣхъ тѣхъ цѣлей.

Если я подпишуясь подъ конституціей, которая провоз-глашаетъ не мои убѣжденія, то я лжецъ; если же я не намѣренъ честно содѣйствовать практическому осущест-вленію цѣлей договора-конституціи, то я буду лжецомъ, клятвопреступникомъ.

Непротивленіе не можетъ ни лгать, ни нарушать клятвы.

Принимая какую бы то ни было должность, даже должность полевого сторожа, требуется присяга и торжествен-ное обѣщаніе поддерживать конституцію не отчасти, а вполнѣ; даже мнѣнія своего въ собраніяхъ гражданинъ не въ правѣ подать, не связавъ себя предварительно присягою ни въ чемъ не расходиться съ основными началами кон-ституціи; даже избиратель при общей подачѣ голосовъ и тотъ связанъ провозглашеніемъ общихъ убѣждений и вза-имнымъ договоромъ.

Всѣ обязаны вести дѣло управлениія извѣстнымъ, опре-дѣленнымъ путемъ и поддерживать его значеніе военною силою, и потому, со стороны того, чье сердце не вѣрно конституціи, было бы мошенничествомъ являться на балло-тировку, такъ какъ онъ не намѣренъ добросовѣстно под-держивать конституцію въ томъ видѣ, въ какомъ она есть, а мечтаетъ о нарушеніи договора, о замѣнѣ суще-ствующей конституціи другою.

Неужели возможно допустить, чтобы я, непротивящийся, былъ бы членомъ общества, имѣющаго армію, флотъ и военные учрежденія?

Неужели я могу согласиться на то, чтобы нашъ первый слуга, президентъ, командовалъ бы арміей и флотомъ и водилъ бы братьевъ моихъ убивать братьевъ же моихъ—иностранцевъ?

И я буду участвовать въ выборѣ такого сановника, буду приводить его къ присягѣ и именемъ Бога буду обязывать его дѣлать дѣло убийства и насилия? Никогда!

Какъ безобразно нелогично оказывается выражение въ пользу участія въ дѣлахъ міра сего и какъ безсмысленно оказывается по повѣркѣ то, что съ первого взгляда казалось послѣднимъ словомъ здраваго смысла!

Конгрессъ уполномочиваетъ объявить войну.

Мои представители уполномочиваютъ дѣлать это злодѣяніе отъ моего имени и по своему произволу. Они имѣютъ власть обратить цѣлую націю въ безбожныхъ убийцъ и разбойниковъ, они имѣютъ власть объявлять справедливыми и правыми всѣ эти ужасы, они имѣютъ право дозволять совершение всѣхъ преступленій, и все это на основаніи моего уполномочія.

Ни за что, никогда! Это вопіющая мерзость!

На такихъ условіяхъ я никогда не приму никакой должности. На такихъ условіяхъ не хочу быть ни избирателемъ, ни избираемымъ, при такихъ условіяхъ я не присоединюсь ни къ церкви, ни къ государству, пока они будутъ поддерживать такія вѣрованія, пока и церковь и государства не перестанутъ распинать Христа.

Каперскія свидѣтельства дозволяются правительствами.

Каперскія свидѣтельства не что иное, какъ порученіе, даваемое правительствами воюющихъ сторонъ безнравственнымъ разбойникамъ грабить и убивать безоружныхъ людей въ открытомъ морѣ. Люди тѣ могутъ быть

самыми мирными и честными людьми на свѣтѣ, но если они принадлежать къ извѣстной націи, которой объявлена война правительствомъ моей страны, то грабить ихъ имущество становится дѣломъ законнымъ и даже патріотичнымъ, а жизнь ихъ отдается на произволъ кровожаднымъ акуламъ—пиратамъ.

Обыкновенного разбойника презираютъ, ловятъ и вѣшаютъ, а выдаютъ каперскія свидѣтельства,—уполномочиваютъ на воровство, грабежъ и убийство.

И въ такихъ возмутительныхъ дѣлахъ предлагаются принимать участіе истиннымъ ученикамъ Христа, вѣрующимъ въ обязательность заповѣди о непротивленії?

Смѣшино сказать, а предложеніе такого рода дѣлается даже искренно.

„Если свѣтъ, который въ васъ, сталъ тьмою, то какова ужасна та тьма, въ которой ходите вы и спотыкаетесь!“

3.

Законодательная и политическая дѣятельности.

Многіе полагаютъ, что законодательная и политическая дѣятельности даютъ возможность добрымъ, хорошимъ людямъ способствовать нравственному преобразованію общества или, по крайней мѣрѣ, даютъ имъ возможность поддерживать здравый общественный порядокъ.

Вотъ причина того, что такъ часто приходится слышать голоса, раздающіеся въ пользу усиленія нѣкоторыхъ карательныхъ узаконеній и о выборѣ на отвѣтственные должности честныхъ и правдивыхъ правителей.

Ничего нельзя сказать противъ законодательной и политической дѣятельности, которая преслѣдовали бы истинно-христіанскія цѣли. Нельзя отрицать той мѣстной и временной пользы, которая была принесена законодательной дѣятельностью народныхъ избирательныхъ голосованій, но

я утверждаю, что при существованиі этой системы слишкомъ мало той законодательной и политической дѣятельности, которая могла бы быть признана дѣятельностью вполнѣ христіанской; я отрицаю, чтобы добрые, хорошие люди способствовали бы поступательному движению въ сторону осуществленія евангельскихъ истинъ настолько, насколько они вредятъ нравственному преобразованію своею законодательной и политической дѣятельностями.

Что скажутъ намъ факты?

Развѣ не фактъ, что люди, ревностно преданные судебнѣй дѣятельности, люди, посвятившіе себя всецѣло преслѣдованію нарушителей закона, теряютъ обыкновенно чуткость души, теряютъ способность нравственного воздѣйствія? Въ характерѣ ихъ развивается непримиримая, гнетущая, упрямая сила, и они становятся предметомъ страха для смиренныхъ и добрыхъ людей и предметомъ ненависти и презрѣнія для беззаконниковъ. Общее и повсемѣстное явленіе—то, что упованіе на судебнія кары, упованіе, возлагаемое на насилие, вездѣ и всегда дѣйствуетъ болѣе растѣлающе, чѣмъ приносить пользы. Упованіе это въ отношеніи нравственному немногимъ менѣе вредно, чѣмъ въ отношеніи религіозномъ, но вредно оно всегда и безусловно.

Развѣ не фактъ, что хорошие, добрые и по природѣ своей честные люди, благодаря тому обстоятельству, что состоять въ разныхъ политическихъ партіяхъ, подъ предлогомъ исполненія своего долга подаютъ свой голосъ то за, то противъ тѣхъ же политическихъ дѣятелей, то за, то противъ тѣхъ же правительственныйыхъ мѣропріятій. Зачѣмъ эти постоянныя противорѣчія самому себѣ? Требуетъ ли такого двуличія просвѣщенное человѣчество? Безъ сомнѣнія, не требуетъ, и одно изъ двухъ: или люди эти нехорошие, нечестные люди, или понятіе ихъ о долгѣ фальшиво.

Развѣ не фактъ, что во всѣхъ парламентскихъ схваткахъ самые честные, добросовѣстные и осмотрительные люди всегда находятся въ заднихъ рядахъ, въ хвостѣ своей партіи? Развѣ лучшіе, самые мудрые люди каждой партіи выдвигаются впередъ, какъ вожди-предводители? Развѣ главными распорядителями, настоящими хозяевами всякаго положенія, тѣми, кто за кулисами двигаетъ всѣми пружинами, не бываютъ всегда себялюбивые недобросовѣстные люди? Сколько бы ни приводилось отдѣльныхъ исключений, но не таково ли общее правило? А разъ оно таково, то куда дѣвается предположеніе о томъ, будто политическая дѣятельность такъ пригодна для нравственного преобразованія и для водворенія здраваго общественнаго порядка?

Факты противорѣчать теорії.

Хорошіе люди въ политическихъ партіяхъ—не вожаки, а ведомые; сами они не пользуются своей политической дѣятельностью, сами они — обманутыя орудія въ рукахъ безнравственныхъ руководителей; они всегда служатъ пѣшками, которая произвольно передвигаютъ съ верху въ низъ, съ центра на фланги, туда, где они окажутся нужными для счета или для показа. Они нужны для того, чтобы предложеніямъ коноводовъ своей партіи придать извѣстную почтенностъ, извѣстный вѣсъ; они составляютъ нравственный капиталъ своей партіи и служить какъ бы приманкой для уловленія въ сѣти такихъ же, какъ они, честныхъ и добрыхъ простаковъ.

Развѣ не фактъ, что рѣдко кто изъ достигшихъ высшихъ политическихъ сферъ людей высоконравственныхъ и обладающихъ возвышеннымъ образомъ мыслей оставилъ бы свой постъ не оклеветаннымъ, не запятнаннымъ или не бросилъ бы политическую дѣятельность съ полнымъ отвращеніемъ?

Что же доказываютъ всѣ эти факты?

Они доказываютъ, что при существующей системѣ упра-
вленія законодательная и политическая дѣятельности —
дѣятельности антихристіанскія и что политическіе люди
вліятельны лишь какъ орудія зла.

4.

Какъ преобразовать правительство?

Главное достоинство всѣхъ существующихъ правительствъ то, что они могли бы быть хуже, чѣмъ они есть. Они хороши настолько, насколько требуютъ того народныя массы, насколько народныя массы способны ихъ оцѣнить. Правительства вездѣ и всегда являются точными представителями совокупности разума, свѣта, нравственного чувства и умственнаго развитія того народа, который живетъ подъ тѣмъ или другимъ правительствомъ. Народъ съ ложными и низкими вѣрованіями, съ фальшивой и ложной нравственностью, съ низкимъ и неразвитымъ умомъ, будетъ имѣть соответственную ложную и низкую общественную организацію, будетъ имѣть ложное и низкое правительство. Эскимосъ, готтентотъ и ново-зеландецъ непремѣнно измыслятъ себѣ и учредятъ эскимосское, готтентотское и ново-зеландское правительства.

Причина, въ силу которой у насъ нѣтъ христіанского правительства,— въ томъ, что народъ нашъ въ совокупности своей не христіанскій народъ. Общая религія гораздо ниже Христовой проповѣди, совокупная общественная совѣсть, общественное нравственное чувство еще полуварварскія и общественное разумѣніе еще не развито знаніемъ, еще недостаточно просвѣщено, чтобы понять, какъ низка общепринятая государственная религія и какъ подла общепринятая законность.

Вотъ почему народъ не стыдится ни войнъ, ни висѣлицъ, ни судовъ. Онъ не видитъ, не понимаетъ, что

эти вопіющія противорѣчія заповѣдямъ Христа губять его счастье, что въ нихъ — причина его проклятія. Отреченіе отъ ученія Іисуса до того полно въ народѣ, что предложи ему кто-нибудь сегодня вполнѣ согласную съ евангеліемъ конституцію, онъ навѣрно съ презрѣніемъ забаллотируетъ это предложеніе, а если бы удалось его обманнымъ образомъ подвести подъ управлениѣ вполнѣ христіанской конституції, онъ бы не сумѣлъ ужиться подъ кроткой ея державою.

Прежде всего надо просвѣтить народъ, надо очистить его нравственное чувство, разбудить въ немъ совѣсть и преобразовать его религіозныя вѣрованія и убѣжденія, — а этого сдѣлать нельзя ни посредствомъ баллотировокъ, ни общей подачей голосовъ, ни въ погонѣ за вліятельными должностями, — это достижимо только вѣрною передачей истинно-христіанскаго ученія посредствомъ истинно-христіанскихъ примѣровъ. Это дѣло тѣхъ людей, которымъ посчастливилось познать высшія истины и увѣровать въ нихъ. Эти люди должны высоко держать знамя истины, просвѣщать другихъ свѣтомъ, который въ нихъ есть, и терпѣливо совершать великое свое дѣло возсозданія новыхъ сердецъ и новаго духа. Эти люди не должны ни отрекаться отъ своихъ убѣжденій, присоединяясь къ правительсткамъ, чтобы искоренять злое, ни прибѣгать къ антихристіанскимъ средствамъ въ борьбѣ съ правительсткамъ, ни презирать того, что въ правительствахъ есть праваго и доброго.

Таковъ узкій путь, но прямой путь Христа.

Когда значительная часть народа, просвѣтившись, посвятить себя христіанскому непротивленію, тогда такъ силенъ станетъ приливъ общественного мнѣнія и общественное чувство такъ громко выскажется противъ войны и всей системы насильственно карательного управлениѣ, что менѣе просвѣщенная и менѣе совѣстливая часть народа силою вещей, даже помимо воли, послѣдуетъ за об-

щимъ течениемъ, и всѣ остатки варварства одинъ за другимъ будутъ отвергнуты и отойдутъ въ преданіе. Одновременно и правительства будутъ обращены въ христіанство, и тогда самый изъ добросовѣстныхъ послѣдователей ученія о непротивлѣніи свободно станетъ исполнять любую должность, какая ни выпадетъ на его долю для общаго блага.

И дѣятельность истинныхъ послѣдователей Христа въ этомъ направленіи уже началась, и переворотъ уже совершается и совершится онъ гораздо скорѣе, чѣмъ предполагаютъ и ожидаютъ того какъ слабые сердцемъ друзья наши, такъ и глумящіеся надъ нами противники.

Было бы безуміемъ или шутовствомъ, если бы кучка непротивящихся вмѣшалась бы въ политическую борьбу и запряглась бы въ колесницу Джагернаута въ надеждѣ убѣдить ошалѣвшую толпу въ ложности того идола, которому она поклоняется. Призваніе истинныхъ учениковъ Христа въ томъ, чтобы не имѣть ничего общаго съ бесплодными дѣлами тьмы, но обличать ихъ, учить народъ, показывать ему примѣръ того, что и какъ должно быть, а не подчиняться тому, что есть. Свидѣтельствовать противъ духовной испорченности руководящихъ сферъ, побуждать народъ къ вѣрной оцѣнкѣ политической жизни родной страны и заставлять его гнушаться дурныхъ ея проявленій, просвѣщать народъ, а не призывать его къ покаянію, убѣдить тридцать тысячъ вѣроучителей нашихъ въ томъ, что они учатъ не Христовой вѣрѣ, и что пора перестать способствовать торжеству военной силы, пора перестать благословлять убийство и насилия, пора не прикрываться именемъ Христа въ угоду лжи и коварства и обмана, пора обратить нашихъ членовъ разныхъ церквей въ истинное, правое христіанство, въ то первое и древнѣйшее христіанство, которое побудило мученика сказать передъ грозящей ему смертью: „Я христіанинъ и потому не могу сражаться“.

б.

Правительству не нужна сила сокрушающая.

„Все это утопія, мечтанія поэтическихъ душъ, это химеры разстроеннаго воображенія!—восклицаютъ защитники существующаго порядка вещей.—Правительство немыслимо безъ военной силы, правительство безъ карающей власти—абсурдъ, такъ какъ оно обязано прекращать личныя преступленія и возстановлять порядокъ, нарушаемый мятежною толпой; при отсутствіи власти военной и судебной правительство было бы тѣломъ безъ души, домомъ безъ фундамента, чѣмъ-то такимъ, что не можетъ существовать“.

Таково, дѣйствительно, мнѣніе большинства относительно правительства вообще, но это мнѣніе ложное; оно—порождение невѣжества и заблужденія, это—чистѣйшій самообманъ.

Мнѣніе это главнымъ образомъ основано на данныхъ историческихъ, и изъ того факта, что такъ было всегда въ прошломъ и въ настоящемъ положеніи существующихъ государствъ, дѣлается тотъ выводъ, что такъ будетъ всегда и иначе быть не можетъ. Такъ какъ до сихъ поръ люди были варварами и законы у нихъ были варварскіе, то они должны оставаться варварами во вѣки вѣковъ.

Африканецъ, житель тропическихъ странъ, не хочетъ вѣрить въ то, что вода можетъ представлять изъ себя твердое тѣло, онъ отрицає существованіе льда и готовъ даже силою оружія поддержать свое убѣжденіе.

Зашитники правительствъ борьбы и насилия разсуждаютъ такъ же логично, какъ и африканецъ.

Существуетъ законъ природы, въ силу котораго вода переходитъ изъ капельножидкаго состоянія въ твердое, и африканецъ не правъ, отрицаю этотъ законъ потому только, что ему не приходилось присутствовать при этомъ явленіи природы.

Существуетъ законъ Христа: не противъся злому, и отрицать исполнимость этого закона тѣмъ, кто называетъ себя послѣдователемъ Христа, еще болѣе непозволительно, чѣмъ отрицаніе африканца.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловіе. И. Горбунова-Посадова	3
Предисловіе	11

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О христіанскомъ непротивлениі злу насилиемъ.

1. Различные роды непротивлениі	13
2. Значеніе слова „непротивлениі“	14
3. Значеніе слова „сила“	16
4. Значеніе слова „обида“	17
5. Значеніе выраженія „христіанское непротивлениі“ . .	20
6. Основной текстъ непротивлениі	21
7. Необходимыя примѣненія непротивлениія	24
8. Чего истинный христіанинъ дѣлать не можетъ	26
9. Основное правило непротивлениія	27
10. Заключеніе	32

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Доказательства изъ Св. Писанія.

1. Первое доказательство	34
2. Уклончивыя толкованія этого текста	36
3. Первое уклончивое толкованіе	37
4. Второе уклончивое толкованіе	—
5. Третье уклончивое толкованіе	39
6. Четвертое уклончивое объясненіе	40
7. Пятое уклончивое толкованіе	41
8. Шестое уклончивое толкованіе	42
9. Зачѣмъ отвѣтить на уклончивыя толкованія	45
10. Второе доказательство	—
11. Третье доказательство—всепрощеніе	48
12. Дальнѣйшія важныя доказательства	51
13. Апостольскія свидѣтельства	53

Стр.

14. Общий обзоръ очевидныхъ доказательствъ	56
15. Первые христіане	59
16. Свидѣтельство Цельзія и Гиббона	61

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отвѣты на возраженія, ссылающіяся на св. Писаніе.

1. Возраженіе первое. Отрицаніе Ветхаго Завѣта	63
2. Голосъ Новаго Завѣта	65
3. Голосъ Ветхаго Завѣта	70
4. Возраженіе второе. Бичъ изъ веревокъ	73
5. Два меча	77
6. Возраженіе четвертое. Смерть Ананія и Сапфирѣ	79
7. Возраженіе пятое. Человѣческія правительства	80
8. Покорность правительствамъ, а не соучастіе въ нихъ	85
9. Въ какомъ смыслѣ всѣ существующія власти установлены Богомъ	86
10. Фараонъ—служитель Бога	87
11. Ассирийскій царь—служитель Бога	88
12. Соображенія, по которымъ правительства установлены Богомъ	89
13. Отношеніе апостола Павла къ правительству	92
14. Заключеніе	96

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Непротивленіе и законы природы.

1. Природа и законы природы	98
2. Самосохраненіе	100
3. Истинный способъ самосохраненія	101
4. Возраженіе	103
5. Аналогія съ животными	105
6. Общепринятый способъ самосохраненія безусловно ложенъ	108
7. Пять главныхъ законовъ человѣческой природы	109
8. Гармоническая связь этихъ законовъ	112
9. Совершенное согласіе непротивленія съ этими законами	113
10. Все рождаетъ себѣ подобное	115
11. Примѣры изъ обыденной жизни	117

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отвѣты на возраженія.

Стр.

1. Догматъ Хеліазмы	121
2. Возраженіе	128
3. Возраженіе	131
4. Заключеніе	133

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Непротивленіе по отношенію къ правительству.

1. За человѣческое правительство или противъ него стоитъ непротивлениe?	135
2. Человѣческое правительство <i>de facto</i>	138
3. Законодательная и политическая дѣятельности	142
4. Какъ преобразовать правительство?	145

Изданія „ПОСРЕДНИКА“.

Духоборцы.

Сборникъ статей, воспоминаній, писемъ и другихъ документовъ. Съ приложениемъ рисунковъ и избранныхъ духоборческихъ псалмовъ. Составилъ П. Бирюковъ.

Духоборы въ началѣ XIX столѣтія.

Ц. 5 коп.

Сѣть вѣры.

П. Хельчицкаго. Переводъ съ чешскаго Анненкова. Съ предисловиемъ Л. Н. Толстого. Ц. 40 к.

Въ чёмъ сущность христианства и юдейства.

Мэтью Арнольда. Переводъ съ англійскаго.

Библія.

Ея происхожденіе, развитіе и отличительныя свойства. И. Т. Сэндерлэнда. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей В. Черткова.

Что такое сектанты и чего они хотятъ?

Сборникъ. Выпускъ I. Съ предисловіемъ И. Наживина. Ц. 25 к.

Религіозные отщепенцы.

Очерки современного сектантства. А. Пругавина. 2 выпуск.

Выпускъ первый: Сютаевцы.—Апостолъ Зосима.—Еретики. Ц. 75 к.

Выпускъ второй: Немоляки.—Медальщики.—„Вредные секты“.—Новая секта (сѣкачи).—Штунда среди великороссовъ.—Бѣлоризцы.—Интеллигентная секта. Ц. 75 к.

Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ.

(Къ вопросу о вѣротерпимости) 2-ое дополненное и исправленное изданіе. Ц. 80 к.

Изданія „ПОСРЕДНИКА“.

Сочиненія Л. Н. ТОЛСТОГО.

Въ чёмъ моя вѣра? Ц. 40 к., на лучш. бумагѣ бо к.

Исповѣдь. Ц. 20 к., на улучшен. бумагѣ 40 к.

Христіанское ученіе. Ц. 25 к., на улучшен. бумагѣ 40 к.

I. Жизнь и чудеса Іисуса. II. Какъ читать Евангеліе.

Ц. 5 к.

Религія и нравственность.

Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе 4-хъ Евангелій.

Въ трехъ томахъ. Ц. I-го тома 50 к., на улучш. бум. 75 к.

Мысли о Богѣ. Ц. 3 к.

I. О жизни. II. О новомъ жизнепониманіи. Ц. 35 к., на

улучш. бум. 50 к.

Любовь. Ц. 4 к.

Такъ что же намъ дѣлать? 2 выпуска. Цѣна қаждаго

выпуска 30 к., на улучш. бум. 50 к. Оба выпуска вмѣстѣ
ц. бо к., на улучшен. бум. 1 р.

Для чего мы живемъ? (О смыслѣ жизни). Ц. 10 к.

О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ. Ц. 2 к.

**I. О самосовершенствованіи. II. О сознаніи духовнаго
начала.** Ц. 3 к.

Краткое изложеніе Евангелія. Ц. 15 к.

Въ чёмъ счастье? Ц. 4 к.

Выписывать можно изъ книжнаго магазина „Посредника“
(Москва, Петровскія линіи) и изъ всѣхъ другихъ книжныхъ
магазиновъ.

Редакція и главная контора „Посредника“: Москва, Дѣвичье
поле, Трубецкой пер., домъ Осиповыхъ, **И. И. Горбунову-**

Каталогъ всѣхъ изданій „Посредника“ по требованію вы-
сылается бесплатно.

Цѣна 45 коп.

345